

Преобразователи

Рэй Девур

Annotation

Как и все преобразователи, Альхэ Анктар не умели загонять себя в рамки, да и не любила этим заниматься, слишком привыкла брать силой то, что считает своим, благо, что запасы магии позволяли. Вот только уютный мирок вседозволенности, как оказалось, может рухнуть в самый неожиданный момент. Близкие гибнут один за другим, а саму Альхэ изгоняют — сложно показывать зубы главе, когда за твоей спиной нет защитников кроме молодого жреца. Вот только полученные перед изгнанием травмы не дают уйти слишком далеко, так что Аль выбирает долгий сон. Все ради того, чтобы спустя столетия снова найти себе место под солнцем.

Глава 1

— Откуда ты притащила эту гадость? — птица прохрипела что-то возмущенное, в ответ на нелюбезное обращение с собой.

Альхэ обернулась к подруге, двумя пальцами приподнявшей покрывало с клетки. Задумчиво почесала нос. Уродливая пародия на чайку получилась совершенно случайно, птицу привезла из поездки мать, специально для опытов Аль. Анктар-младшая, взяв клетку в руки, дернулась, когда чайка забилась меж прутьев, и не удержала поток магии. В итоге животное словно обуглилось, оперение почернело, а с головы клоками сползла плоть, обнажая стремительно чернеющий череп. Альхэ тяжело вздохнула, но мать, к ее удивлению, не стала читать нотаций, только рукой махнула.

Теперь эта жертва спонтанного магического всплеска хрипела, причем в этом наборе звуков Альхэ отчетливо слышалась отборная ругань. Райтана только изогнула бровь, роня покрывало обратно. Менталистка даже отошла от клетки на несколько шагов, слишком уж была не уверена в безопасности птицы, магия Альхэ могла и нечто ядовитое породить, а ставить опыты на себе не хотелось.

- Матушка притащила, — Аль подавила желание закатить глаза. — И жреца привезла, можешь себе представить? Глазищи черные, тощий, а уж смазливый — наши девицы и рядом не стояли.

— Сочувствую ему заранее. Ставлю на две недели. Эттер, если не сам, то под кого-нибудь подложит, ну, или лицо ему разобьет, там у них как-то странно общение задалось...

— А в меня ты уже не веришь? — притворно возмутилась Альхэ.

Уступать мальчишку Эттеру не хотелось, да и чутье говорило, что алхимик обломает зубы о служителя Безымянной, даже если пойдет по наиболее простому пути и втянет того в драку. То, что парень сейчас походил на замерзшего воробья, не говорило о его беспомощности, особенно в стенах храма или возле лесного алтаря. Анктар отвернулась к окну как раз вовремя, чтобы заметить, как закутанная в темно-синее фигура скрылась за дверями местного храма. Что-то ей говорило, что ставки на судьбу жреца все сделали проигрышные: эта братия признает нахождение только в одной тени, и эта тень принадлежит их божеству. Говорят, даже дотронуться до жреца без его согласия не удалось никому. Было единственное исключение, но тот вроде как опальным был.

Альхэ усмехнулась, когда сразу несколько преобразователей повернулись в сторону тяжелой двери, но ничего не сказала. Зато в ее комнату поскреблись и, не дожидаясь приглашения, ввалились Дунха и Менху. Вид у алхимиков был взъерошенный, на лице у младшего наливался цветом внушительный синяк, который Альхэ и не думала сводить без детального рассказа о произошедшем. Дунха, сгрузив пострадавшего брата на кровать Аль, без стеснения уселся на стол:

— Видели новенького? С характером мальчишка, — хохотнул он.

— Это жрец тебя так облагородил? — Альхэ принялась сводить с Менху следы, то и дело чуть сильнее необходимого нажимая на кожу.

— Нет, это я слишком уверенно на тебя ставил. Последние сбережения, между прочим, оправдай мою в тебя веру! — младший из алхимиков сгреб Анктар в охапку, роня на кровать рядом с собой.

— В грудь мою ты веришь, а не в меня, будь честен хотя бы с собой.

Альхэ шлепнула Менху по слишком наглым руками, приподнимаясь на локтях. Настроение заметно поднялось, даже недовольное ворчание искаженной чайки настроение не портило. По стене скользнул солнечный луч.

Райтана успела выскользнуть за дверь, пока хозяйка комнаты выворачивалась из крепких объятий пострадавшего алхимика. Его старший брат демонстративно смотрел в сторону, но уловив прекращение возни повернулся с самым ехидным выражением лица. Альхэ правой рукой показала в ответ неприличный жест, вызывая смехок. Вернулась к лечению синяка на лице Менху.

Когда синева полностью сошла с кожи, пальцы немного колело, но состояние было скорее бодрим. Хотелось не сидеть в комнате, а наоборот куда-то идти и что-то делать. Алхимики растворились, едва получили желаемое исцеление, пообещав принести новости о попытках Эттера обаять новоприбывшего жреца. Альхэ обвела взглядом комнату, цепляясь за клетку. С птицей надо было что-то делать. Но не сейчас. Позже. И желательно под присмотром матери.

Анктар сползла с кровати, оправляя одежду и выскальзывая наружу. По такой погоде можно и на улицы выползти. Хотя бы для того, чтобы посмотреть на провал давнего соперника своими глазами. Вот только добраться до с первой попытки храма ей не удалось, потому что Эттер выскочил из-за ближайшего поворота, злой, как тени предков, с залитым кровью лицом. Альхэ довольно оскалилась, но промолчала, с удовольствием слушая недовольное ворчание и обещание всех возможных кар. Запах крови в воздухе смешивался с эхом тяжелых храмовых благовоний и, едва уловимо даже для нее, с запахом морской соли.

От аромата едва ощутимо засвербело в носу, заставляя химеролога немного поморщиться. Пролетевший мимо соперник даже не заметил Аль, а та подавила желание бросить чем-то пакостным в спину. Еще успеет, не сейчас. А

вот в храм все же стоит зайти, но после, когда жрец немного успокоится. И там она с ним познакомится заодно, потому что половину слов матери конечно же пропустила мимо ушей. Имя южанина в том числе.

Альхэ свернула в другой коридор и, оглянувшись, вылезла через окно, направляясь сразу к озеру недалеко от территории Башни. За стенами почти сразу прекращали действовать плетения, отрезавшие звуки и запахи леса, так что в первые мгновения пришлось замереть, привыкая к стучащим со всех сторон крошечным сердцам. Анктар подождала, пока все они сольются в один проходящий мимо сознания гул, и пошла к берегу.

Одежда неаккуратной кучкой легла на траву, а преобразовательница зашла в воду по шею, несколько раз глубоко вдохнула и нырнула. Магия заколола кожу, защищая от холода и скрывая от случайных наблюдателей. Альхэ в несколько мощных гребков ушла на дно, выглядывая особо крупную рыбину, улавливая чешуйчатый блеск и раздумывая, ловить или нет, хочет она ее съесть или не очень. Где-то за спиной колыхнулась вода, заставляя обернуться. Привыкшие глаза уловили металлический блеск. В воду кто-то вошел, явно собираясь искать утонувший предмет. Альхэ подплыла ближе, но уловила только последнее слово:

— ...глупость!

— А ты, я посмотрю, вежлив и гостеприимен, — Анктар выпрямилась, рассматривая при дневном свете свою находку.

Ею оказалось жреческое кольцо, тяжелое, острое, то и дело норовящее впитаться в кожу своими гранями. Альхэ вынырнула прямо за спиной жреца и теперь выглядывала из-за его плеча, пытаясь вспомнить, как зовут полукровку напротив. Отец Эттера недавно притащил в Башню его единокровного брата, тому в голову ударила сила, но Анктар предпочитала его игнорировать. Все равно его переживет, смысл запоминать?

— А что это мы покраснели? — даже не приглядываясь можно было сказать, что кончики ушей у него заалели, да и сердце застучало по меркам преобразователей совсем уж быстро.

— Не лезь, ведьма, а то голой возвращаться придется, — он с намеком направил искрящиеся пальцы в сторону ее вещей.

Альхэ подавила желание закатить глаза. Потом не сдержалась и все-таки закатила до белков. Уже по одному «ведьма» было понятно, что он остался больше человеком, и даже не пытался себя переучить, принять свою природу. Такие полукровки долго не жили, уходили, лишались подпитки Башни и умирали от старости. Скучно.

— А ты полагаешь, что этим кого-то можно смутить? Меня? — она вышла из-за плеча жреца, протягивая ему кольцо на открытой ладони.

Тот кивнул, принимая украшение и, к немой досаде Аль, даже не скосив на нее взгляд. Новичок напротив попытался поджечь одежду Альхэ, но так разозлился, что поджег собственные штаны, из-за чего Анктар со смехом повисла на локте жреца, провожая убегающего парня взглядом. Южанин, дождавшись, когда беглец скроется за деревьями, аккуратно отцепил ее ладонь от своего локтя. Замер, пересчитал пальцы:

— Шесть? Как у Темной?

— Да. Мы просто кровь никогда не смешивали, — Альхэ вышла на траву, подставляя кожу солнцу, чтобы высохнуть. — Вот и остались больше похожи на прародителей. У обоих Дженталь тоже шесть пальцев. Я, кстати, пропустила, как тебя зовут.

— Называй Мактаром, не ошибешься.

— Альхэ, — она кивнула, поднимая с земли заколку и собирая волосы.

Высохнут по дороге. Альхэ снова наклонилась, распутывая ком из одежды и одновременно пытаясь натянуть ее на себя, пугаясь в штанах. Шагнувший ближе Мактар ухватил ее за локоть, помогая удержать равновесие, когда расслабившаяся преобразовательница все-таки пошатнулась. Помощь она приняла, но затем выпрямилась, разворачиваясь к жрецу:

— Спасибо, но бы и сама справилась.

— Мне не сложно, — она проследила его взгляд и усмехнулась следующей фразе. — Не мешает?

— Мешали бы, — Альхэ зашнуровала вырез, — давно бы уменьшила. Все свое. Ладно, почти все. Щеки я стогняла при помощи матери. Все-таки нет среди нас кого-то, кто не был бы хоть на каплю «сделанным». Даже ты, — преобразовательница прошлась заискрившимся взглядом по жрецу и вдруг удивленно изогнула бровь, — надо же... Либо очень хорошая работа и минимальные изменения, либо... и очень интересный контраст с первым впечатлением...

— Как ты сказала, «Все свое». *Во всех местах*, Альхэ, — он наклонился ближе, давая возможность преобразовательнице-химерологу запомнить запах.

— Я проверю при случае, — проорчала она в ответ, с шумом втягивая воздух.

Жрец кивнул и отошел в сторону, направляясь к узкой тропинке между деревьями. Слабый магический фон практически скрылся с окружающей средой, но запах Аль все еще улавливала, да и шаги Мактара было слышно на фоне ровно гудящего леса. Анктар тряхнула головой, проверяя, держится ли заколка, и стряхивая каплю с надоедливой пряди у лица. Та все никак не отрастала до нужной длины, после того как попала в огонь в

алхимической лаборатории. Альхэ тогда только радовалась, что лицо не пострадало, но сейчас слишком короткие волосы противно липли к коже и раздражали.

С фырчанием, она двинулась к Башне, куда немного раньше ушел Мактар. Настроение плавно шло вверх.

*

— Ты уверен, что не взорвётся? — Альхэ сидела на одном из столов в лаборатории, с безопасного расстояния рассматривая, как Дунха пытается разобраться в частичках металла, которые она наскребла с кольца жреца.

О веществе, из которого его делали, говорили разное. Но вот свойство выступать проводником магии было для Аль самым желанным. Какое-нибудь крупное украшение или комплект решили бы вопрос с излишками силы в организме, позволили бы ей не страдать так часто от последствий выбросов. И теперь Анктар возлагала огромные надежды на талант старшего друга, потому что переплавить что-нибудь из жреческого арсенала ей не дали бы.

Покореженная магией чайка сидела там же, в клетке. Противная птица не желала оставаться одна, изводя своим скрежетом всех вокруг. Теперь она била крыльями и пыталась избавиться от зачарованной веревки, стянувшей клюв. Альхэ удлинившимся когтем царапала на прутьях символ тишины, приглушая возмущенное бульканье — в том, что химера так просто заткнется, уверенности не было никакой.

— Не должно, — протянул Дунха, иногда через плечо поглядывая на развлекающихся химеролога и ее творение.

Диалог без изменений повторялся уже раз в пятый, но никого ситуация не смущала. Дунха вглядывался в структуру, матерился под нос и пробовал новый вариант преобразования. Альхэ продолжала дразнить чайку, но резко остановилась, прислушиваясь к ощущениям. Тонкие линии метки на руке закололо, Альхэ повернулась к двери, когда та уже распаивалась, и прыгнула на вошедшего, не вставая со стола. Поймавший ее парень чуть покачнулся, восстанавливая равновесие, и перехватил свою ношу поудобнее:

— Я все равно успел услышать твою мысль. Раньше, чем открыл дверь.

— Да как?! Антар! Я осмыслить-то ее успела уже в полете.

— Потому что я читаю твою голову глубже, чем ты сама, Аль, — менталист коротко поцеловал ее в висок, краем глаза разглядывая быющуюся в клетке химеру, а потом повернулся к Дунхе. — Она тебе еще нужна, или могу забирать?

Алхимик только отмахнулся, мол, идите отсюда, не мешайтесь под ногами. И коротко дернул головой в сторону клетки, намекая чудовище свое с собой забрать. Альхэ кивнула, не слезая с рук Антара ухватила клетку, неосторожно тряхнув в ней птицу. Та возмущенно ударила крылом по прутьям и попыталась клюнуть Анктар в пальцы, но не дотянулась. Дженталь на это только хмыкнул, за что получил несильный удар в плечо от своей «ноши» и предпочел выйти в коридор, направляясь к жилым помещениям.

Альхэ принялась пересказывать новости последних месяцев, сбивая его с толку как потоком слов, так и кучей сменяющихся картинок в голове, заставляя брүнета только оглушено мотать головой и хлопать желтыми глазами, как удивленная сова. Так что в собственную комнату менталист заходил с облегчением, поставленная наставником защита на помещении отрезала гул чужих мыслей за пределами спальни, Альхэ начинала восприниматься гораздо легче.

Альхэ устроила клетку на рабочем столе и сразу же была опрокинута на кровать. Антар устроился рядом, подтягивая Аль к себе под бок. Химеролог расслабленно прикрыла глаза: щиты комнаты отрезали не только происходящее в чужих головах, но и все звуки в целом.

— Хорошо...

— Радуйся, что вот это чудовище пока глушится, голос у нее вышел удивительно противный, — Альхэ махнула рукой в сторону клетки, окончательно обмякнув, когда теплые руки прошли по плечам, скользнув под воротник. — Я скучала.

— Я знаю. А еще про негласный спор на жреца. Вам совсем жизнь не мила? — менталист одной рукой перевернул Аль и вернулся к шее.

— Вообще-то, я планировала быть душкой. Ну, знаешь, не язвить, вовремя закрывать рот, учитывать чужое мнение.

Антар кивнул и стащил с Альхэ рубашку. Химеролог оглянулась через плечо и заерзала на кровати, устраиваясь повыше. Пальцы у менталиста были сильные, кажется, до этого она и не осознавала, насколько устала физически, зато Антар явно местами понимал ее тело лучше, чем она сама. Да и просто слишком давно и хорошо ее знал.

— И все-таки я бы на твоём месте еще раз подумал. Я не хочу тебя хоронить так рано.

— Ты думаешь, он на такое способен?

Менталист вытянулся рядом с ней, сжимая переносицу. Жрец-то может и не стал бы ей как-то вредить, да и по воспоминаниям Альхэ был тоже не против поразвлечься несколько раз, но вот Эттер... На собственного брата он уже начал точить зуб, после того как выяснил, почему тот с озера примчался словно химерами загоняемый. С Альхэ у них отношения не задалась и вовсе почти сто лет назад, после того как Анктар ткнула Эттера в его пятипальность,

прилюдно высмеяв его заявления о чистокровности. Драку тогда даже не растаскивали — сцепившихся малолетних преобразователей пришлось разве что не пинками распахивать в разные стороны, чтобы оттащить друг от друга. К разговору больше не возвращались, но обиду алхимик затаил. Жаль, что рассказать он обо всем этом не сможет, плата за дар: менталисты могут обсуждать мысли человека только с ним самим. Разве что кроме судебных процессов в специальном зале, да и тех за последние триста лет было всего два, невероятно много по меркам преобразователей. Слишком на многое они научились закрывать глаза.

Однако есть пути обхода, пусть и очень странные на первый взгляд. Было бы слишком скучно жить, если бы их не было.

— У тебя опять этот взгляд. Подслушал?

— Думаешь?

— Эттер?

— А кто же еще? — прямо говорить может и нельзя, но никто не запрещает задавать вопросы.

— Мне поторопиться или наоборот подождать? — Альхэ потянулась к волосам менталиста, накручивая длинную прядь на пальцы.

— Когда спешка шла на пользу?

— Поняла, подожду, присмотрюсь. Спасибо, — Антар кивнул, признавая, что она поняла все правильно, и потирая висок.

Прошел слишком близко к грани магической отдачи, расслабился. Надо в следующий раз выбирать менее прямые реплики. Рядом завопилась Аль, снова одеваясь. Когда он приоткрыл глаза, химеролог уже привела себя в порядок и теперь сверху вниз рассматривала его. Пальцы проšliсь по лицу, обвели губы, скользнули на шею, старательно ощупывая все, чего касались.

— Следы почти исчезли. Я боялась, что будут заметны изменения, — прошептала Альхэ, вглядываясь в магическую структуру тела. — Но шрамы сошли полностью.

— Знаю, — менталист повалил ее на себя, — ты же над ними работала.

Химеролог по-животному лизнула его в уголок губ, скатываясь с Антара и, под его внимательным взглядом, вытягиваясь рядом, бок о бок. Следов от той слабой, но все-таки кислоты, которую смог создать из голой магии Эттер, действительно уже не было. Да и в магическом зрении не было видно вмешательства — пришлось очень постараться, но она заставила организм вернуться к своему изначальному виду, а не переделывала его. Антар даже видеть правым глазом снова начал, пусть и восстанавливали его в шесть рук, вытягивая не только само вещество, но и содержащуюся в нем магию. Сам менталист предпочитал теперь их разнимать не физически, а просто ментальным ударом, постоянно грозясь в следующий раз выжечь мозг. Однажды даже почти выполнил свою угрозу, так что в поле его восприятия старались ограничиваться подначками и недовольными взглядами, потому что ощущение дробящихся щитов на разуме пробрало даже Альхэ. И это при том, что озверевшего — причем далеко не всегда в переносном смысле — химеролога остановить бывает очень сложно!

— Ты со своим самоконтролем что-нибудь делать собираешься? Будешь ходить ведь вся седая.

— Не получается. Видел же сам, — она махнула рукой в сторону клетки с чайкой, — я опять сорвалась. Хоть иди к Совету на поклон за ограничителями. Но это костыли, и мы оба это прекрасно понимаем.

Альхэ с тоскливым вздохом накрутила на палец белую прядь. Беловолосых среди преобразователей не было, седина была либо следствием откровенно никудышного владения собственным даром, либо признаком злоупотребления всевозможными усилителями, особенно теми, что были постоянными. В обоих случаях тело просто не выдерживало напор силы и начинало выгорать. Ограничители оттягивали на себя часть магии, сразу выбрасывая ее в пространство, но надеть такое добровольно... все равно, что публично признаться: “Я — бестолковый идиот, не способный даже с собой справиться”. Раньше у Альхэ был способ контроля, но потом храм закрыли — когда ушла ее бабушка, последняя на севере жрица Безымянной.

Антар замерла, а потом подскочила на месте, натягивая рубашу и одновременно сползая с кровати. Менталист только хмыкнул, уловив охватившую ее идею и соглашаясь присмотреть за непоседливой птицей. Метки на запястье кольнули, передавая короткую мысль, всего из одного слова: “Удачи”. Она улыбнулась менталисту, выходя в коридор и на миг замирая, заново привыкая к гулу Башни.

*

— Мактар? — Альхэ аккуратно проскользнула внутрь храма, ощущая, как тяжелая волна придавливает ее к полу.

Прошла несколько шагов и тяжело опустилась на отполированные плиты, с трудом узнавая это место. Слишком давно она тут была в последний раз. Больше сотни лет назад так точно. Жрец сидел на коленях перед алтарем и что-то распевно читал. Альхэ невольно прислушалась как к голосу, так и к накатывающим волнам сырой силы, откликающимся на молитву. Нахмурилась:

— Ты ударение в слове не там ставишь, поэтому рисунок срывается. И заканчивать фразу надо чуть мягче, —

магия постепенно покидала тело, дышать стало легче.

Южанин замолк на полуслове, поворачивая голову к неожиданной гостье. Анктар сделала глубокий вдох и вывела исправленную фразу чуть охрипшим голосом. Храм отозвался, но в голове зашумело, в носу и в глотке осел противный привкус собственной крови. Мактар плавно поднялся с колен и подошел к Альхэ, нечитаемым взглядом проходясь по ее лицу. Опустился рядом, протягивая выхваченный откуда-то лоскут ткани:

— Кто учил?

— Бабушка, — Альхэ недовольно фыркнула, разбрызгивая вокруг себя кровь, алые капли ушли в камень. — Странно, что я лица ее практически не помню, а вот голос запомнился. Начинала учить, но бросить пришлось, когда у меня первый всплеск силы тут случился. Антар отсюда дозволялся до отца и слег рядом. Сам знаешь, как реагируют храмы на магов. Или маги — на храмы, тут уж как посмотреть.

— Но сейчас ты держишься неплохо.

— Я не пытаюсь контролировать силу, даю ей уйти. Иначе бы я даже до двери не дошла, — она свернулась клубком, сжимая виски. — Полезный опыт для многих был бы...

— Пойдем. Так мы не поговорим.

Хватка пальцев у жреца оказалась удивительно крепкой, почти стальной. Альхэ он на ноги вздернул одним рывком. Преобразовательница пошатнулась, но устояла и даже почти уверенной походкой направилась вслед за Мактаром к боковому выходу, едва заметному в темноте зала. Холодный воздух ударил в лицо, проясняя сознание, даже запах крови отошел на второй план.

Жрец помог ей присесть на ступеньках и устроился рядом. Альхэ ощутила короткое прикосновение к разуму, как бывало, когда Антар на миг ослаблял контроль, и тихо порадовалась, что на жрецов действуют те же ограничения, что и на менталистов, так что от Мактара никто ничего не узнает. Но думать все равно нужно было аккуратнее, обойти можно любой заперт, было бы желание. Мактар посмотрел на нее, предлагая самой сказать, зачем пришла.

— Да ты ведь уже сам мои мысли прочитал... У меня только один вопрос: остался ли он в храме или уже вынесли? — Альхэ постучала пальцами по колену, отвечая жрецу таким же долгим взглядом.

— Пока не знаю, надо искать. Но ты и без меня знаешь, что это — очень ненадежный способ. Проблема ведь не в избытке магии, это было бы вполне решаемо. Вы, химерологи, себя в руках держать не умеете — вот, даже сейчас, не надо так скалиться — а такой браслет ты легко снимешь. Не просто порыву поддашься, но еще удар хлынувшей силы получишь, сорвешься. Я просто не вижу смысла в этом ограничителе. Извини, но даже искать не буду.

— Не боишься, что я за отказ уведу у тебя что-нибудь с алтаря, там ведь почти такой же материал? Буду использовать как накопитель. Еще хуже будет.

— Для начала тебе будет нужно до него дойти. Проверим, сможешь ли?

Мактар стянул с пальца одно из многочисленных колец, надевая его на Альхэ. На плечи словно начал стекать камень, именно такое сравнение первым пришло в голову. Даже с нахождением в храме сравнить было нельзя, там сила витала в воздухе, да, но не шла напрямую в тело.

— Выживешь — сможешь забрать его себе.

— Не боишься так рисковать? — Альхэ с хрипом втянула воздух, пальцы немели. — Моя мать...

— Ничего мне не сделает. Судить меня может только Безымянная, и раз пока я жив и могу пользоваться силой, значит ее все устраивает. Я все делаю правильно.

Жрец поднялся со ступеньки и направился обратно в храм. Помогать Альхэ он явно не собирался, даже не смотрел — она не чувствовала на себе взгляда. *Живого* взгляда, по крайней мере.

Альхэ еще раз вдохнула пропахший храмовыми благовониями воздух. Только не закрывать глаза. Если она хотя бы моргнет сейчас — Мактар снимет кольцо с ее трупa. Нужно хотя бы сползти на землю, тогда ее смогут забрать, да и давление силы станет меньше. Руки слушаются с трудом, но она заставляет себя оттолкнуться от ступеньки и кубарем скатиться чуть ниже — кажется, она слышала треск, но мышцы хотя бы можно восстановить. А вот смерть окончательна. Дозваться до Антара мешало давление Храма.

Рывок. Неудачный. Еще один. И еще. До конца остается совсем немного, из разбитого о камень носа идет кровь, в ушах шумит все сильнее. Когда под спиной оказывается голая земля, давление чужеродной силы спадает. Сознание плывет, но Альхэ продолжает хрипло дышать, пытаясь по меткам дозваться хоть до кого-нибудь. Тонкие рисунки на запястьях горят так, словно их вырезают раскаленным ножом.

— Кто такой пряморукий мне руку чинил? Опять мне переделывать? — Альхэ недовольно ощупала пострадавшую конечность, едва пришла в себя.

Выстраданное жреческое колечко так и осталось на пальце, снять его попросту не смогли, как в нос произнес держащийся за голову Антар. Менталисту не повезло первым откликнуться на зов, поэтому остаточная магия храмового зала ударила по нему, обостряя восприятие. Так что менее восприимчивому Дунха пришлось тянуть на себе уже два тела, одно из которых пыталось брыкаться и утверждало, что может идти самостоятельно. Поэтому и приложилось, бедовое, лицом о косяк во время очередной попытки вырваться.

— Я ее не чинил, я ее на ходу скреплял, чтобы хуже не стало. Ты мне лучше скажи: жреца подкараулить или пусть живет? — алхимик присел на край кровати, что-то помешивая в стакане.

— Жреца не трогать, он, пусть и так издевательски, но оказал мне услугу, — она вяло шевельнула пальцем, на котором сверкнуло желанное украшение.

— За такую услугу — пускают по кругу, — буркнул сидящий в углу Антар, все-таки вправивший нос на место.

— Обойдешься, — раздалось от входа.

Дунха на звук кинул ложку в вошедшего, но та вопреки ожиданиям не долетела до жреца, ударившись о дверь, пусть и рядом с ним. Мактар поскреб пальцем вмятину, покачал головой и зашел в комнату. Альхэ, игнорируя повисшее напряжение, забрала стакан из рук Дунха и опрокинула в себя его содержимое. Стянула с пальца полученное от Мактара кольцо, размяла здоровую руку и выпустила недлинные загнутые когти, которые легко вошли в плечо. Собственная магия, запас которой не успел восстановиться, подчинилась охотно, позволяя пересобирать мышцы и связки буквально по волокну. Жрец как раз подошел ближе:

— Тебя не было видно почти сутки, я решил проверить. Вижу, что зря волновался и о тебе есть кому позаботиться.

Альхэ не ответила, занятая правильным восстановлением руки. Не хотелось бы потом ошибаться при работе из-за того, что собственное тело не слушается. Мактар посчитал молчание более чем красноречивым и, хмыкнув, вышел из комнаты. Только уже на пороге кинул:

— И, кстати, я знаю про ваш спор.

— Рад за тебя, — тем же тоном ответил менталист.

Жрец кивнул Райтане, с которой пересекся у двери, и вышел. Младшая Дженталь прикрыла дверь и обвела компанию взглядом. Вид у нее был крайне ехидный:

— Вы успели потоптаться по его нежным чувствам и искренним переживаниям?

— У него? Чувства? Переживания, — Дунха с исследовательским интересом касался магией лежащего на столе кольца. — Скорее уж любопытство и какая-то личная выгода. Я бы просто так такую вещичку не отдал.

Дженталь переглянулись, но ничего не сказали. Альхэ втянула когти, протягивая руку за повязкой. Дунха помог аккуратно подвесить руку, удержал за здоровое плечо, когда Аль попыталась рывком встать с кровати, не желая проверять, исчезнут ли так быстро последствия пребывания в храме. Анктар закатила глаза, стряхивая руку. На ноги поднялась, даже не покачнувшись, правда, на последнем шаге к Антару запуталась в ногах, но успела ухватиться за плечо менталиста, свободной рукой возвращая в изначальное состояние хрящи носа.

Антар кивнул, придерживая Альхэ за талию. Меж бровей залегла тонкая морщинка, когда с нижних этажей пришла еще одна волна мыслей. Райтана хмыкнула, также чуть повернувшись в сторону двери:

— Притащили катастрофу в дом... У тебя количество конкурентов растет со страшной силой.

— Они в храм не зайдут, — она потрепала менталиста по волосам. — А я смогу. У меня есть преимущество.

Антар нервно рассмеялся, но нерадостный смех постепенно перешел в обычный, веселый, разряжая обстановку. Альхэ привалилась к стене, рассматривая друзей. Кольцо на пальце на миг обожгло холодом, перетягивая на себя внимание и сгоняя улыбку с лица. Кажется, она придумала, что из него сделает.

*

— Оно фонит еще сильнее чем с тех крох, которые ты тогда притащила.

— Может ли влиять добровольность передачи? — Альхэ снова сидела на лабораторном столе, буравя взглядом спину Дунха.

Алхимик пожал плечами: с заговоренным, напитанными магией, металлами ни в чем нельзя быть уверенным. Причем жреческое кольцо, крошки которого пытались вплавить в другие предметы, начинало вести себя непредсказуемо, чаще всего разрушая новое вместилище. За неделю, проведенную в лаборатории, они ни на шаг не приблизились к хотя бы удовлетворительному варианту.

— Давай перерыв сделаем? Меня уже тошнит от нагрузки на мозг, я хочу просто кого-нибудь распотрошить. Кстати, мысль. Давай на охоту? Вдвоем? Пробежимся по лесу, сожрем кого-нибудь, шуганем смертных? — Альхэ с глухим стоном сползла на пол.

— Менху не простит, если мы уйдем без него, — Дунха все-таки оторвался от работы.

Альхэ натянула украшение на палец, ежась от ощущений, но ток магии в теле быстро пришел в норму, так что ощущаться присутствие предмета практически перестало. Жрец за эти дни не показался на глаза ни разу, а подходить к храму она сама пока не рисковала.

Зато покрытый инеем лес радовал глаз, так и манил не сидеть в лаборатории, а пробежаться по нему, пока все не замело. А то сидеть ей потом до весны в стенах Башни, так хоть сейчас развеяться немного, еще и в хорошей компании.

— Тогда я — в химерятник, им тоже надо лапы размять, а ты — за ним. И за воротами встретимся.

Дунха кивнул, принимаясь наводить порядок на столе и накладывая стазис на отдельные образцы, чтобы вернуться к ним после. Голову действительно следовало бы проветрить, слишком долго они безвылазно сидели в четырех стенах. Алхимик понюхал заляпанный рукав: и переодеться тоже не мешало б, а то выдаст себя с головой. Чуть завистливо вздохнул: у Аль-то такой проблемы нет, химерологи даже запахом собственного тела управлять могут, и скорректировать его так, чтобы пропахшая лабораторией одежда не выдала в лесу для нее вопрос нескольких минут.

Альхэ же влетела в незапертое помещение, заставляя обрадованных существ приветственно вилять хвостом. Чуть не запнулась о длинное меховое тело, подхватила его на руки, возвращая на выращенное прямо здесь дерево. Предупреждающе щелкнула зубами на попытку укунить за ногу от еще одного материнского питомца. Рейты Анктар видно не было, судя по ощущениям, мать была в лаборатории, и, если уж не вмешалась в их планы сейчас, то ничего против присутствия дочери здесь не имела. Пусть она и не имела пристрастия к охоте, зато относилась с пониманием.

В отгороженном от безобидных образов отсеке сидели гончие. Альхэ погладила узкую морду, покрытую темной серо-зеленой кожей, ткнувшись ей в ладонь, едва Аль перешагнула черту. Животное довольно застучало задней лапой, высекая искры и оставляя следы на камне, быстро исчезающие под действием магии Башни. Осмотрела нескольких зверей и потянулась к поводкам. Метку на коже, выжженную специально для таких случаев, едва заметно уколото, магический поводок зацепился за руку. Альхэ принюхалась и на миг прикрыла глаза, теперь ее точно не почувствуют.

Гончие довольно зафырчали в предвкушении погони и свежей крови. Альхэ стянула с крючка удлиненную куртку для охоты, расправляя складки. Пегая коса легла на вдоль позвоночника. Химеры в ожидании устроились у двери, дожидаясь, пока Анктар отопрет замок. Альхэ подцепила узел на запирающем заклинии, пинком распахнула дверь, смахивая с рук труху и начавший нарастать на доски мох. Надо будет укрепить, почему-то произошел отток силы. Странно.

Гончие вырвались во двор, но далеко не убежали, Аль резким движением сократила поводок, одергивая животных. Одна особенно резвая химера села на костлявый зад, возмущенно мявкнула, привлекая внимание всех вокруг. Райтана на миг прервала разговор и кивнула, через метки прилетело пожелание доброй охоты. Но от приглашения отказалась и снова повернулась к рыжей алхимичке.

— Ты можешь поласковее? — в ноздри ударил запах реагентов за долю секунды до того, как над ухом раздался смешок, а за косу несильно дернули.

— Пока никто не жаловался.

— Тебе пожалуешься... из лаборатории не выгнать. Или из лазарета, если там влипнешь, — Менху потрепал по голове ткнувшуюся в ладонь химеру, ту самую, пострадавшую от собственной спешки. — Ты бы еще с Эттером так обходилась, он бы у тебя с рук ел, была бы у нас тишина...

— Пожестче или поласковее? — Анктар с намеком улыбнулась.

Вот только улыбка тут же сползла с лица, стоило ей обернуться через плечо, откликаясь на зов кольца, как на зов метки. Жрец. Мактар на ходу стягивал шнурком непослушные пряди, то и дело раздраженно фырча. А еще, к ее какому-то непонятному раздражению, он направлялся в сторону Альхэ, видимо, это был именно оклик через украшение, а не просто реакция на его присутствие. В голову пришла неуместная мысль о том, какой шок был бы у людей, его увидевших, все-таки смертные так любили судить по внешности. Тонкокостный, с аккуратными ладонями, оленьими глазами и благополучно отросшими буйными кудрями. Вот только остатки миража исчезали, стоило жрецу заговорить, голос у него был пробирающий до нутра.

— Ты? — Альхэ поджала губы, усилием воли заставляя себя смотреть на южанина.

— Я... Я слышал, что вы на охоту собираетесь.

— Твой брат — трепло, — повернулась Аль к Менху.

— Вообще-то, вы просто громко думаете. Все трое. А мысли остальных это только подтвердили, — он продолжал смотреть прямо на Анктар. — И поэтому я решил напроситься.

— Ух ты, — Альхэ прищурилась, — что, не будет красивых слов и подготовленных аргументов? Ты меня поражаешь, ты точно в Керэн-Лэ воспитывался? Дунха, мы его берем!

Движения химеролога вдруг стали суетивными как у стоящих здесь же химер, нервными, она даже по локтю подошедшего алхимика скребла, как рвущаяся с поводка химера скребет лапой по камню. Дунха только покосился на это действие, смиряясь с тем, что, кажется, вместо нормальной охоты они идут выгуливать Альхэ, и понимающе кивнул, жалея, что еще и за Антаром не зашел. Где-то в нижней части позвоночника настойчиво зудело нехорошее предчувствие, так что им пригодился бы кто-то способный скрутить пошедшую в разнос магичку.

Жрец посмотрел на него слишком внимательно. И на миг прикрыл глаза, чтобы в следующий миг перевести взгляд на Альхэ. Та замечает внимание и, продолжая все так же суевиться, принимается знакомить Мактара со своими питомцами. Тот внимательно слушает, запоминает имена, даже кивает и вставляет реплики, краем глаза отмечая странное шевеление, вот только желания прислушиваться к чужим мыслям сейчас нет. Зато Антар бодро тянет всю компанию за собой, не стесняясь использовать гончих, заставляя тех подгонять чуть отставших алхимиков.

— Меня тоже такое ждет? — Менху кивает на побелевшие волосы Альхэ.

— Ты не химеролог, у тебя легче пройдет. Должно, по крайней мере, — он мрачнеет, когда еще одна прядь светлеет прямо на глазах, показывая, что контроль Антар над собственной силой снова начал расшатываться. Да он и не восстанавливался толком, если уж совсем честно. — Не нравится мне эта затея. Но мы ее сейчас не остановим.

— Ну, зато не здесь, да? Меньше жертв. А люди...

— Главное, чтобы она не вошла во вкус. Если я правильно посчитал дни, у них сегодня очередной праздник, толпа будет...

Дунха с тяжелым вздохом посмотрел на солнце в бледно-сером небе. С губ сорвалось небольшое облачко пара, тут же растаявшее бесследно. Химеры рвались вперед, утягивая за собой Альхэ, которая, вцепившись в локоть Мактара, волоком тащила его за собой, игнорируя взгляды окружающих. Жрец, справедливости ради, не слишком-то сопротивлялся, напротив, улыбался, иногда вставляя реплики в монолог Альхэ. Менху в уме прикидывал шансы нацепить поводок на Аль. Выходило совсем печально, так что стоило морально подготовиться кого-то шпотать. Возможно даже, что самого себя. Она, конечно, сама покалечит, сама вылечит, но приятного в обоих процессах мало.

В лесу дышать стало немного легче, все сильнее проваливающуюся в инстинкты преобразовательницу не нервировало чужое внимание, поэтому нервозность немного ушла из движений, но не до конца, все прекрасно понимали, что это только отсрочка.

Химеры рвались вперед и Альхэ охотно отпустила их с поводка, устремляясь за ними. Дунха придержал за локоть рванувшегося было вперед Мактара и тихо спросил:

— Вне храма остановить ее сможешь?

— Не уверен... Зависит от того, как далеко мы уйдем. Дозваться смогу точно, но будет ли слушать... А что? Это как-то связано с тем, что из нее магий плещет во все стороны?

— Ты же еще не видел... или видел? Как у химерологов скачки в развитии идут?

— В Керэн-Лэ их мало, направление не приветствуется, вот и уходят они в другие места. Слышал, что в какие-то периоды становятся вспыльчивыми, да и только...

— Если бы только вспыльчивыми, — Менху поежился, — они скатываются в инстинкты какой-то своей частью. И практически теряют контроль над собой. Могут устроить резню, если не скрутят раньше, могут сотворить какую-нибудь опасную неконтролируемую тварь, потому что “одному играть скучно” или что-то еще в этом духе. От силы зависит.

— А Альхэ...?

— В нашем поколении ее только Антар остановить и может, все-таки Мин Рейта очень сильно постаралась, вкладываясь в ее развитие. Говорят, Совет был категорически против. Ее отец вмешался. Что он сделал — старшие не говорят, но потом то ли сам ушел, то ли изгнали.

— А пожинать плоды теперь нам...

— Я не понимаю, почему вы тогда так с ней возитесь, если считаете проблемной...

— Она отличный друг, с ней достаточно легко общаться, она всегда за любой эксперимент да и вообще всегда “за”. Когда в норме. Ты научишься такие срывы переживать, — хмыкнул младший алхимик, — раз уж она тебя позвала с собой. Пойдем.

Он провел ладонями по лицу, словно снимая с него паутину. Черты лица чуть изменились, кожа стала более бледного оттенка, ногти загнулись. Дунха повторил, а Мактар с затаенной завистью вздохнул: у полукровок хищной формы нет. Зато увести озверевшую Альхэ от разумных сможет только он, просто потому, что только жрец по звучащим мыслям их отличит от животных. Вот и причина, по которой братцы согласились его взять. По крайней мере, это было понятно.

— Наследит она знатно, конечно, — протянул Мактар, рассматривая глубокие царапины на дереве.

— Мы не слишком далеко ушли, так что посторонние их не увидят, — пожал плечами Менху, добавляя еще несколько полос к отметинам Альхэ, крест-накрест.

— Ты же не химеролог вроде, откуда такие животные повадки? — жрец повернулся от ветки и снова повернулся к собеседнику, пока Дунха ушел вперед.

— Но выращивают-то нас всех они. Влияние магии сказывается, на ком-то сильнее, на ком-то послабее. А, ты же полукровка, точно. По матери, да? — получив кивок, продолжил. — В деталях я тебе не расскажу, лучше с Аль поговори. Или с Мин Рейтой, она точно все опишет. Спроси про разницу между рожденными и сотворенными.

— Хватит болтать, — обожгло метку на запястье Менху, — я ее догнал. И это лучше увидеть.

Жрец и алхимик ускорились, откликаясь на зов. Вел Менху, лучше чувствующий местонахождение брата да и лес вокруг Башни знающий неплохо, Мактар только успевал реагировать, когда на очередном повороте его хватало за локоть, и не терять равновесие при беге. Все-таки способностей собственного тела ему не слишком-то хватало, чтобы быть наравне с чистокровными преобразователями. Как он сказал? “Сотворенными”?

Дыхание уже начало понемногу сбиваться, когда они все-таки нашли Анктар, успевшую наткнуться на оленя. Оленю не повезло, причем не повезло смертельно, и сейчас Аль сосредоточенно водила пальцами по краям рваной раны, заставляя кровь покидать тело. То, что сама она теперь сидела в багровой луже, ее явно не смущало, химеролог урчала как крупная кошка, иногда облизывая руки и размазывая кровь по лицу.

— Хоть свежего мяса поедим. Натурального, — Дунха шагнул ближе, но отдернул руку от животного, услышав недовольный рев. Сунувшаяся следом химера и вовсе чуть не получила когтями по любопытной морде.

Мактар нахмурился, потянувшись вниманием к кольцу, все еще надетому на палец Альхэ. Та дернулась, несильно ударив себя по лицу и потеряв равновесие. Взгляд немного прояснился, она даже перестала издавать животные звуки, возвращаясь в разум. Кивнула, безошибочно найдя взглядом жреца. Мактар подал руку, помогая подняться, и придержал за талию, когда преобразовательница пошатнулась. Оскалилась в ответ на помощь, потянулась к нему и медленно лизнула в губы.

Жрец не стал отодвигаться, лишь спросил:

— Съедобен?

— Что-то мне говорит, что отравлюсь. Так что живи.

Дунха уже отправил в Башню с одной из химер тушу оленя и теперь сверлил взглядом Анктар, вцепившуюся в Мактара. Южанин на пристальное внимание только повел плечом, но потом чуть развернулся в другую сторону и с тревогой глянул на Альхэ. Гончие повернулись в ту же сторону, скаля клыки. И снова ему не хватило скорости: Альхэ просто толкнула его в плечо, срываясь с места и дергая за поводки нескольких гончих, заставляя их броситься под ноги дернувшемуся алхимикам.

На попытки дозваться она уже не отзывалась, обжигающее кольцо улетело куда-то в траву. Из-за деревьев раздались крики. Мактар вскочил на ноги, но путь перегородили оставшиеся поблизости гончие. Менху махнул рукой:

— Не лезь. Мин Рейта велела ей не мешать, — он поскреб ногтями покрытое тонкими черными линиями запястье.

— Там люди! — Мактар едва успел отдернуть руку, когда впечатляющая пасть клацнула совсем рядом с пальцами.

— И что? То, что она следит недалеко от Башни, конечно, плохо, но не смертельно, просто еще немного энергии направим на усиление отпугивающего контура, даже странно, что они так далеко зашли. Всех она не выпотрошит, да и плодятся люди как мыши...

— И живут столько же, — вставил замечание Дунха, рассматривающий небо над головой.

— ... а вот лезть к Аль и отбирать у нее добычу, или игрушку, глупо. И небезопасно. Так что сиди и радуйся, что поймала она не тебя. Не понимаю, почему ты так разнервничался.

— А то, что я полукровка, тебя не смущает? — севшим голосом спросил он.

— Твое трепетное отношение к смертным пройдет и очень скоро, не переживай.

— Менху, — прошипел старший, пытаясь одернуть брата, но слова уже были сказаны.

Жрец только посмотрел на него и, найдя в жухлой траве, кольцо, развернулся к Башне. И слишком быстро скрылся за деревьями. Ненадолго, как оказалось. Химеры только дернулись на зов Альхэ, как едва различимый голос Мактара перебили два женских вскрика.

Два?

Уже неконтролируемые гончими братья вскочили с земли, срываясь на звук. Дунха в последний момент удержал за руку брата, почти метнувшего нож в сторону удирающей со всех ног светловолосой смертной. Менху закатил глаза, но послушался, отвлекаясь на увлекательное зрелище катающегося по земле разъяренно рычащего клубка. И присвистнул, когда у Мактара получилось подмять под себя Альхэ. Впрочем радовались рано, потому что та полоснула когтями вслепую, раздирая кожу совсем рядом с шеей. Жрец перехватил руку, пытаясь натянуть на нее

подавляющее магию кольцо, не сломав при этом коготь или палец. Анктар брыкалась и даже вцепилась зубами в руку Мактара, но была укушена в ответ под изумленный вздох наблюдателей. Не ожидавшая такого отпора Альхэ на миг замерла и этого хватило жрецу, чтобы натянуть на нее подавитель.

И обмякнуть, прижимая Альхэ к земле всем весом. Аль успела несколько раз ударить его, но когти быстро вытягивались, магия успокаивалась, тело возвращалось в прежнее состояние. Только когда ее взгляд прояснился, Менху и Дунха осторожно подошли ближе, переворачивая Мактара на спину. Альхэ моргнула, словно впервые рассматривая лес вокруг себя. Перевела взгляд:

— Мактар? Бездна, мать мне голову открутит, — она, не вставая с места, постаралась найти пульс, одновременно наскоро сращивая рану. Дома сделает нормально, главное, его дотащить. — А вы что замерли? Помогайте!

— Может, прикопаем его? — Менху задумчиво посмотрел на редкие облака, плывущие по небу.

— А потом огребем со всех сторон, — продолжала суетиться Альхэ.

Дунха секунду посмотрел на это и шлепнул ее по рукам, чтобы не мешала. Анктар зашипела в ответ, вливая на исцеление потерявшего сознание жреца остатки силы, с тяжелым вздохом оседая на землю рядом с ним. Зато Мактар распахнул глаза, но шевелиться не спешил, искоса рассматривая лежащую буквально под боком преобразовательницу.

— Мне кажется, — наконец начал он, — что я за эти дни нашел себе на голову больше приключений, чем в Керэн-Лэ за всю жизнь.

— Как же скучно ты жил, — протянула троица северян одновременно.

Через мгновение все четверо дружно хохотали, утирая выступившие слезы. Альхэ прикрыла глаза, вслепую вяло отмахиваясь от протянутой к ней руки. Она опять сорвалась. И в этот раз серьезно, так что хотелось просто лежать тут в тишине, чтобы не выслушивать ни нотации старших, пусть и оправданные, ни ехидный шепот окружающих. Преобразователь без контроля над собой и своим даром — это страшно. А уж если это химеролог, то особенно. Нарвется на пару месяцев в подвале, как пить дать, нарвется.

— Как думаете, у нас получится умолчать обо всем этом?

— Мне кажется, нет.

— Если я скажу, что попытался у тебя добычу отнять, это облегчит или ухудшит твою участь? — Мактар перевернулся, рассматривая Альхэ.

— Понятия не имею. Думаю, что лучше будет просто молчать, пока не спросят. Интересно, она далеко убежала? — Анктар принялась, повернувшись к деревне, куда убежала беловолосая девчонка.

— Ты добить хотела? Вот, а мне не дали, — полушутливо ткнул брата в плечо Менху.

— Нет, она... странная. И от нее ощущается магический отклик, пусть и не так сильно, как от Мактара, видно, кровь очень разбавлена, но...

— Лучше не лезь, — отрезал Дунха. И на непонимающий взгляд Мактара продолжил. — Опыты по пробуждению силы у таких вот людей запрещены. Считается, что так сила уходит на сторону. Можно забирать уже пробужденных, воспитывать и учить, но сам видел, что бывает, если опоздать. Человек с магией... А за то, о чем, я надеюсь, Аль и не думала, можно получить наказание вплоть до смертной казни.

— Мне казалось, у вас ее нет? — жрец приподнялся на локтях.

— Вживление под кожу подавителей — то же самое, просто растянута во времени. Ты видел, как Альхэ реагирует на храм, да и на кольцо твое. А теперь представь, что в нее зашьют несколько сотен шариков из такого металла?

Жрец поежился, пробрало даже его. Да, пусть лучше смертная бежит к своим и в лес лишней раз не суется. И для Альхэ так будет лучше. Химеролог, явно почувствовав направленное на нее внимание, лениво приоткрыла глаз. Мактар покачал головой и опустил обратно на землю.

Алхимики переглянулись, переговариваясь, Дунха обвел взглядом лежащих:

— Я могу надеяться, что вы, оставленные одни, ничего не натворите.

— Надеяться можно всегда, но не стоит питаться одними надеждами, — Мактар явно что-то цитировал.

Дунха хмыкнул, но решил рискнуть, подзывая к себе гончих, чтобы увести химер обратно в Башню. Одна Альхэ так не набедокурит, как с компанией. Алхимик подтолкнул младшего брата в спину в направлении дома, чтобы тот не отстал по дороге и, не оглядываясь, пошел прочь.

Альхэ несколько мгновений прислушивалась, пока не перестала различать удаляющиеся удары сердца, и перевернулась на живот, рассматривая Мактара. Жрец посмотрел на почти заживший отпечаток зубов на белой шее и ощутил легкий укол совести. Глупый порыв, не сдержался. Обычно он так себя не ведет.

— Мактар? — голос у Альхэ стал еще ниже, еще мягче, еще тише, на грани с шепотом.

— М? — жрец сделал вид, что не замечает крадущихся к его поясу прохладных пальцев.

— А правда, что жрецы могут во время секса влиять на использование магии преобразователями?

— А ты хочешь проверить?

Вместо ответа Альхэ перекинула через него ногу, устраиваясь сверху. Жрец коротко усмехнулся и рывком перекатился, подмяя Анктар под себя и перехватывая поудобнее ее запястья, пока та пыталась сориентироваться.

— Твои когти я предпочту держать как можно дальше от себя, — он наклонился к шее, освежая след от зубов.

Альхэ довольно взрыкнула, выгибаясь и обхватывая жреца ногами. Горячая ладонь Мактара скользнула под рубаху, проходясь вдоль голой спины. Магия в какой-то момент снова начала выходить из-под контроля, немного оглушая. Она уже успела выпутать из цепкой хватки одну руку и стянуть шнурок с волос Мактара, как сверху обрушился поток ледяной, явно наколдованной, воды.

— Вы место получше выбрать не могли? — Рейта Анктар поджимала губы, но Альхэ отчетливо видела искры в ее глазах. — И почему я узнаю, где вас искать, от Макху, который пришел ко мне со скандалом.

— По какому поводу? — Альхэ и Мактар уже поднялись с земли, зябко поводя плечами.

— Ты, якобы, его сыночка неприличным жестом в его сторону оскорбила. А мне пришлось высказать, что я тебя воспитать не способна.

Мактар не удержался от смешка, когда Альхэ посмотрела на мать круглыми совиными глазами, явно не понимая, когда она успела что-то такое сотворить. Да и Эттер предпочитал решать проблемы с ней лично, не привлекая старших, а вот его братец...

— Когда это случилось, он тебе не сказал?

— Менее часа назад, когда, по его словам, вы только начали тут миловаться, — сарказм в голосе Рейты был ничем не прикрыт.

— Он еще и с братцами разминутся, получается... И как умудрился...

— Вы мне лучше скажите, — осторожно вклинился Мактар, — проблемы будут?

— Зависит от того, найдут ли в Совете общий язык и устраивающее всех решение, о том, что же делать с ее срывами. Хотя, — женщина усмехнулась, — даже если нет, то вряд ли. Макху носится со своим бастардом как курица с яйцом, уже всю репутацию угробил. Но вы бы пока постарались ему на глаза не попадаться. И места выбирайте более уединенные. Молодежь...

Она чуть завистливо вздохнула и растворилась среди деревьев. Альхэ посмотрела ей вслед, перевела взгляд на Мактара и вдруг рассмеялась, утыкаясь лбом ему в плечо. Жрец секунду непонимающе хмурился, а потом тоже расхохотался, понимая, что и его напряжение отпустило.

— Ладно, пойдем, — Альхэ вытерла выступившие слезы. — “Места более уединенные”, а где, если в Башне что ни комната, то проходной двор?

— Ну, я могу предложить дальние помещения храма, — улыбнулся Мактар.

Возвращение могло бы пройти незамеченным, но в коридоре, прямо на полу перед дверью Альхэ, сидел Эттер. Мактар, к своему счастью, сразу ушел в храм, так что у Аль появилась возможность решить вопрос с глазу на глаз, если вдруг к ней пришли с требованиями. Она отошла к скамье у соседней стены и молча посмотрела на пришедшего. В гляделки они играли с полминуты, когда Эттер тяжело вздохнул:

— Я понимаю, что младшенький мой тот еще хам, но...

— Да я в глаза его не видела в тот момент! Была, знаешь ли, увлечена иным...

— Можно считать, что ставки на тебя оправдались? — он дернул уголком губ.

— Сам пришел?

— Если бы. Носится с этим, как с яйцом редкой птицы, — он пересел к Альхэ на лавку, сдвинул пелену заклинания на окне и достал трубку. — Сил моих нет.

— Как его зовут хоть? Ивар, Инар, как там было?

— Что-то такое. Я, кажется, как и все, пропустил мимо ушей. Смысл запоминать, если он загнется через пару десятилетий? У меня он “Эй, ты”, если в лицо, и “Полулюдок” за глаза. Аль...

Анктар уловила эту задумчивость в голосе и пригласила в комнату. Спальни практически не прослушивались даже менталистами, так что все переговоры велись в кровати. Эттер уселся на сундук, рассматривая хозяйку жилища. Цеплялись они к друг другу по любому поводу, тут и отрицать нечего, часто, громко. И ко взаимному удовольствию. Скорее для сброса напряжения.

— У тебя есть, что мне предложить? — Альхэ вытянулась на кровати, из-под ресниц разглядывая давнего заклятого друга.

— Я могу уступить тебе в этом споре на жреца и даже не лезть к нему, никак, вообще его не трогать, даже на драки не нарываться, и...

— Я уже выиграла, давай будем честны.

— ...и не отбивать у тебя трофеи еще ближайшие лет десять, не важно, захочешь ты кого-нибудь растерзать или затащить в постель. Помоги от него избавиться? Мне прямой отцовский запрет ничего ему сделать не даст, я могу только с кем-то договариваться...

Альхэ хмыкнула, приподнимаясь на локтях. Было крайне заманчиво, Эттер бы временно ушел в тень, а там бы все привыкли к новому положению дел. Она даже почти согласилась. Только чутье скреблось, напоминало о чем-то.

Точно, этот нелепый случай. Если сейчас с ним что-то случится, то она будет первой, на кого подумают. Вот если бы он с кем-то поссорился более крупно... Можно было бы подбить на эту авантюру кого-то из Дженталь, но те ограничения увешаны, как дикое животное блохами. А вот сам Мактар... Все-таки он и заинтересован в благополучном исходе, да и давить на него никто не сможет. Идеальный вариант.

Эттер внимательно наблюдал за сменой выражений на лице Альхэ. Довольно кивнул, увидев желаемое. Спросить, что она придумала? Так скорее всего не расскажет, может даже будет отказываться от участия в этом, по крайней мере вслух — точно. А метками они не обменивались, так что переговорить, не оставив возможности считать эти слова из воспоминаний, не выйдет. А его домыслы — это его домыслы, их, если что, использовать как доказательство не выйдет.

Преобразователь пересел ближе к Альхэ, на край кровати. Та смерила его взглядом:

— Эттер, душка, ты не в моем вкусе. На дух не переносу рыжих.

— Ты тоже не в моем, предпочитаю более легкого нрава девиц, а тех, что хребет перебить могут, стараюсь стороной обходить.

— Что ж ты так с Мактаром-то промахнулся? — всплеснула она руками. — Там тоже, палец в рот не клади, по локоть откусит. Хотя он и не девица.

— То-то вы с ним друг друга сожрать пытались, — хохотнул Эттер, возмущенно вскрикивая, когда Альхэ ногами спихнула его на пол.

— Иди уже...

Преобразователь, тихо хмыкнув, ушел из спальни, оставляя Аль в одиночестве. Самое главное, он получил союзника в этой борьбе. А десять лет — срок небольшой, так что он не много потеряет. Все-таки Альхэ не худший вариант, пусть у обоих слишком взрывные характеры и слишком ослиное упрямство. Да и вражда родителей в свое время масла в огонь подлила. Вот и скалятся друг на друга больше по привычке, да чтобы не выслушивать очередную многочасовую нотацию. Уж его отец точно такие любил. Рейта Анктар, как он успел заметить, к неожиданным идеям дочери относилась более снисходительно. Даже немного завидно становилось, но ненадолго.

Альхэ устало потерла виски, игнорируя жжение от кольца. Она прекрасно понимала, что рискует снова сорваться, но иных вариантов, кроме как все сильнее затягивать на себе “поводок” из ограничителей, она не видела.

Могут быть проблемы...

Сон не шел абсолютно, она надеялась восстановиться хоть немного перед обязательным общим ужином, но попытки задремать только добавляли нервозности. Альхэ начинало мелко потряхивать от избытка энергии, хотя ей до этого казалось, что забег по лесу помог восстановить равновесие внутри. Преобразовательница вскочила с кровати, покачиваясь, застыла посреди комнаты. Надо что-то с эти делать, и срочно. Хорошо, если Мактар появится за столом, можно будет договориться о встрече в более уединенной обстановке.

Анктар еще немного покачалась, обхватив себя руками, дожидаясь, пока в голове наступит восхитительная ясная пустота. Глубоко вздохнула, наконец-то расслабля напряженные плечи. Жжение кольца так же плавно прекратилось. Вот теперь можно и выйти из комнаты.

*

— Явилась, — услышала Альхэ сбоку, едва плюхнувшись на привычное место.

— А я думала, что кто-то готовить разучился. Но нет — это всего лишь ты, вот в нос вонь и бьет, — лениво огрызнулась преобразовательница, кивая Дунха, осторожно положившему руку на ее плечо.

Особого желания ввязываться в перепалку за столом не было, Эттер что-то раздраженно шипел братцу, явно в воспитательных целях метко пинаясь под столом, но вслушиваться оказалось откровенно лень. Она вообще с огромным удовольствием осталась бы в спальне, все-таки она слишком себя переоценила, скачок силы предстоял явно заметный, раз ни один из доступных способов восстановить самоконтроль ей не помог. Пустое место слева занял Антар, отгораживая от раздражителя.

Альхэ втянула воздух носом — от менталиста пахло лесом и водой, явно весь день провел вне Башни, лишь бы не слушать то, что творится в чужих головах. Антар на миг прикрыл глаза и потер висок, косясь на шумного соседа. И думай, он просто от громкого голоса кривится или еще и в мыслях слышит что-то, что ему не нравится. “Если там вообще есть какие-то внятные мысли”, хмыкнула Альхэ, получив согласный кивок.

За соседним столом Макху наклонился к Рейте Анктар, что-то тихо ей говоря. Альхэ могла бы побиться об заклад, что тот снова недоволен поведением Аль. Какая жалость. Нет.

Напротив подвинулась Райтана, словно освобождая кому-то место. Старший брат посмотрел на нее, моргнул, изогнул губы в улыбке. Альхэ на миг залюбовалась: Антар и от рождения был хорош, до той злосчастной стычки с Эттером, но сейчас и вовсе красавцем стал. Душу грел тот факт, что значительная часть этой красоты — ее работа. Еще больше радовало, что ее собственные дети скорее всего будут носить фамилию Дженталь, мать уже начала переговоры. А Мактар...

Все прекрасно понимали, что полукровке с Юга, тем более жрецу, никакая серьезная партия не светит. Так, в лучшем раскладе — место постоянного любовника. Кажется, не понимали этого только такие же чужие, смешанного происхождения полулюди.

Антар против такого “сбора трофеев” ничего не имел. По крайней мере, категорически против не был и этого уже было достаточно. Эттер, переставший читать мораль братцу, скосил глаза на их компанию: жрец как раз присоединился к ним, именно ему предназначалось место напротив Альхэ. Шестипалая тройца — Альхэ, Антар и Райтана — переглянулась и прошлась медленным внимательным взглядом по Мактару, заставляя того неуютно повести плечами и даже немного покраснеть.

— Рада, что ты все-таки вышел к нам из своего паучьего угла, — младшая Дженталь решила заговорить первой и спасти южанина от неловкости.

— Да, я подумал, что... что мне все-таки не стоит превращаться в отшельника так рано. Успею еще, — он улыбнулся в ответ, не замечая, каким взглядом по нему проходятся окружающие.

Антар поймал особенно громкую мысль и перевел взгляд на ее автора. Легкое магическое усилие, незаметное со стороны, не больше, чем перебрасывание фразами по меткам, но головная боль ему обеспечена. Менталист внимательно посмотрел в глаза жреца, перекидывая ему картинку. Тот из доброжелательно-неловкого на миг, почти неувлимо, стал мрачным, находя “жертву” старшего Дженталь. Благодарно кивнул. Внимательнее присмотрелся к Антару, перевел взгляд на Альхэ, понимающе хмыкнул.

“Не претендую, но если она сама захочет — отказываться не буду”, читалось в практически черных в этом полумраке глазах.

“Меня позвать не забудьте”, эхо этой мысли случайно долетело до Альхэ, которая теперь с недоумением переводила взгляд с одного на другого, пытаясь понять, о чем шла речь, и животным чутьем ощущая свою причастность к теме разговора. Антар ей лишь улыбнулся, мимоходом глядя по спине. Альхэ нахмурилась еще сильнее, но промолчала.

— Ведь...

Инар не успел договорить фразу, преобразовательница даже не стала дослушивать очередную попытку уколоть, просто метнула в него ложку. Никто из сидящих рядом ни начало движения не успел уловить, ни даже мысль, которой и не было толком — сработал инстинкт. И без того негромкий гул в зале стих. Полукровка раздраженно

зашипел, вставая со своего места. Эттер, конечно, единокровного брата пару раз пнул, но больше для вида. На лице у него светился ничем не скрываемый восторг предвкушения. Где-то в углу начали делать ставки.

— Ой, прости, думала кто-то из невоспитанных химер прокрался. Впрочем, по уму ты недалеко от них ушел, — Альхэ проигнорировала попытки удержать ее на месте, вставая следом.

Преобразовательница плавно сняла кольцо-ограничитель, откладывая его на стол. Дунха тут же сгреб украшение в карман, поймав несколько заинтересованных взглядов от коллег по ремеслу. На лице Альхэ медленно проступал кровожадный оскал, а глаза стремительно чернели, и в этой черноте до и дело вспыхивали холодные голубоватые искры. Кровь, напитываясь магией, меняла цвет, а мелкие сосуды не выдерживали давления и лопались.

Альхэ уже выпустила когти, сорвавшись с места, когда кто-то из членов Совета активировал барьер в зале, Антар был уверен, что это Макху защищал своего сына, но от врожденного физического превосходства лишение магии не помогало. И пусть в такой, немагической, стычке она была слабее многих сверстников, обычно компенсируя все огромным запасом сырой личной силы, полукровке разница в габаритах ничем не могла помочь. Альхэ элементарно была сильнее и быстрее. Хотя что-то Инару определенно перепало, судя по тому, как Анктар трянула головой, по которой прилетел удар. Однако когти она теперь только втянуть не могла, да и кислота в бороздках на них успела образоваться.

Эттер отскочил в сторону, когда капля приземлилась в тарелку перед ним — это был тот самый состав, от которого пострадал Антар Дженталь. Его соседи тоже предпочли отодвинуться в сторону, освобождая место обменивающимся выпадами преобразователям. На возвания Макху никто не реагировал.

Зато Антар и Райтана поймали взгляд Рейты Анктар и понимающе кивнули. Женщина сняла барьер, отмахиваясь от возмущения Макху, и в ту же секунду и Альхэ, и Инар с воем осели на пол, сжимая виски. Синхронная ментальная атака подкосила спорщиков. Дунха подхватил на руки сжавшуюся в комок преобразовательницу, Эттер, после долгого выжидающего взгляда отца, закатил глаза и все-таки подошел к брату, за локоть вздергивая того на ноги и жалея, что Альхэ только по лицу когтями попала, тот слишком старательно защищал шею.

Да и изначальная договоренность пошла прахом, но это ведь можно засчитать только за первую попытку. Макху метался, не зная, идти ли ему к сыну или отвечать на колкие реплики старшей Анктар. Женщина улыбалась знакомой, можно сказать, семейной, ядовитой улыбкой и не давала собеседнику поставить точку в разговоре. Кажется, прозвучала запальчивая фраза про ограничителя.

— Напомнить ли мне Вам, Магистр Макху, — процедила Рейта, — что это Ваш отпрыск начал портить вечер оскорблениями? Может тогда мы ему рот зашьем? Или намордник наденем? А еще можно связки удалить...

Сидящие слева от нее алхимики спрятали ухмылки в кубках. Кто начал — вопрос спорный, но именно их прослойка первой страдала от разбавления крови, резко теряя в силе. Инар уродился именно алхимиком, но обучать его не хотели, не видя смысла тратить время и знания на того, кто сможет взять в лучшем случае половину. Поэтому и выжидали момент, чтобы избавиться от навязанного ученичка. Менху-старший едва заметно кивнул сыновьям на выход, чтобы не мозолили глаза.

Мактар, пользуясь суматохой и общей увлеченностью бесплатным скандалом, тоже выскользнул в коридор, безошибочно, по отклику своего кольца, находя убежавших вперед преобразователей. Райтана кивнула, придерживая дверь, запирающий контур которой сомкнулся, стоило жрецу переступить порог спальни.

— Что с ней? — выпалил он, едва развернулся к суетящимся алхимикам, которых почти сразу же отогнали в сторону менталисты. — Это ведь нетипичная реакция на ментальную атаку?

— Дело во вложенной силе, — чуть заторможенно ответил Антар, — или ты думаешь, что Альхэ так просто свалить? Мин Рейта, пока Альхэ в колбе развивалась, все полтора года ее своей магией напитывала, отложив опыты, да и покойный Иттрэй постарался. А уж сколько накопителей в прах обратилось...

— В колбе? — зацепился за незнакомое выражение Мактар.

— Потом объясню.

Жрец подошел ближе к кровати, с ужасом наблюдая, как вместо нормальной алой крови по лицу Альхэ стекает сначала черная, словно кровь земли, а потом чуть сверкающая ярко-голубая. Анктар то и дело пыталась завалиться на спину, но менталист не давал ей этого сделать. Преобразовательница била крупная дрожь, руки Антара были немногим теплее заледеневшей Альхэ. Мактар аккуратно отодвинул в сторону Райтану и подсел к Альхэ с другой стороны.

Дженталь-старший прищурился, но ничего не сказал, прекрасно ощущая идущий от жреца жар. Альхэ быстро пригелась и обмякла, когти сами втянулись обратно. Жрец мысленно поблагодарил Безьяннуну, не хотелось бы получить удар таким “украшением”.

— Боюсь, — протянул Дунха, — ограничители они на нее все же наденут.

— Я... я могу предложить храмовые. Они не так корежат магические потоки в теле. Да и их действие я смогу

ослаблять, если возникнет такая необходимость. Правда...

- “Правда” что? — на нем сошлись четыре взгляда, Альхэ все еще толком не пришла в себя, так что не слишком вслушивалась в обсуждение.

— Ей какое-то время придется провести в храме, чтобы быстрее привыкнуть к их воздействию. Может месяц, а может и полгода, точно сказать не смогу. Иначе искажение потоков все-таки наступит, да и терять сознание несколько раз в день ей вряд ли понравится.

— Звучит... приемлемо, ладно. Пока это наиболее терпимый вариант... Тьма великая, — Антар прислушался к чему-то за пределами комнаты. — Кажется, нам придется прятать ее в храме. Макху всерьез настроен вживить ей пару стандартных, кажется, она успела серьезно зацепить его любимца.

— Мать не даст. Да и остальные его осадят, вы же знаете, что Совет сейчас, — невнятно начала Альхэ, откидываясь на постель и сгребая с собой покрасневшего жреца вместо грелки и глядя его по волосам словно кота, — очень радикальных взглядов. Мактара-то не трогают, просто потому, что он себя хорошо ведет.

— Мне льстит, — полузадушенно просипел жрец в ответ.

Обстановка немного разрядилась. Дунха и Менху, убедившись, что их помощь не нужна, ушли, пожелав доброй ночи. Младший алхимик уже у порога добавил совершенно искреннее пожелание не отойти в объятия Темной за эту ночь, игнорируя жреческое “Не богохульствуй”. Следом их оставила и Райтана. Антар посмотрел на явно не слишком уютно чувствующего себя Мактара, на задремавшую Альхэ, и пристроился с другой стороны от нее, прижимая к себе и шепотом уговаривая ослабить хватку и дать-таки Мактару подышать.

Освобожденный из захвата, но не из объятий, жрец благодарно прикрыл глаза, устраиваясь удобнее. Альхэ уснула почти сразу, буквально проваливаясь в темноту, уже не слыша, как над ней тихо переговариваются менталист и жрец. Она просто впервые за последние несколько месяцев успокоилась.

*

— Я с этими накопителями полгода работать смогу, — задумчиво протянул Дунха, с приличного расстояния рассматривающий, как Альхэ сливает магию в кристаллы, чтобы активация ограничителей прошла легче.

— Все одно польза, хоть не в пустоту сбрасывать, так что радуйся. Хотя Антар явно горит желанием превратить в пепел мозги Макху. Вокруг него уже пустота образовалась, даже Райтана в сторону отошла, — Менху поежился, когда менталист перевел на него взгляд, явно ощутив, что говорят о нем.

— Я бы даже его побег прикрыл, — поджал губы алхимик. — У него есть повод так реагировать.

Рейте Анктар не удалось отговорить Совет от ограничителей, хотя перевес у согласных с таким вариантом был минимальный. Единственная поблажка, которую она сумела выгрызть для дочери — и то, только после того, как выслушала, сцепив зубы, очередную долгую речь про дурную наследственность — это храмовые ограничители, о которых ей успел рассказать Мактар. Жрец “случайно” столкнулся с ней в коридоре прямо перед заседанием. И теперь под внимательным взглядом собравшихся застегивал на Альхэ тяжелые даже на вид металлические браслеты. Редкий случай, крайне интересное зрелище, увлекательное, поглаживающее самолюбие многих.

При Иттрэе такого бы не случилось, но, увы, она даже не знала, жив ли тот сейчас, поддерживать связь с изгнанниками запрещалось, но официально он числился мертвым. Макху очень злобно проходил по очевидному сходству отца и дочери, предрекая последней такое же “падение до опытов над разумными”. Рейта щурила глаза, представляя, как на столе в лаборатории разбирает на куски собеседника. Доразбавлялись. Слишком сильно на современных преобразователей повлияли регулярные браки со смертными. Макху пусть и кичился заслугами предков и несколькими поколениями исключительно преобразователей в семье, но утрата права на фамилию и пятипалость говорили за себя. Если бы не запрет выжигать человеческое наследие, как это делали предки...

Анктар-старшая хмыкнула, вспоминая витражи в Нижнем Городе. Предки преобразователей пришли из другого мира. Все как один — шестипалые, с белыми волосами и почти прозрачными глазами, похожие не то на ледяные скульптуры, не то на оживший мрамор. По меркам своих потомков — невероятно жестокие и беспринципные. Скатившиеся в порок и аморальность, не чурающиеся даже кровосмешения — ритуалы позволяли исправлять все. В этом чужом для них мире у них стали рождаться темноволосые дети, впитавшие с молоком матери и первым вздохом темноту местной магии. Создавшие культ Безымянной Темной. Новая опора своего народа. Рейта не собиралась терять близость к полубожественным предкам. Все ее внуки будут чистокровными, это она обеспечит. А если дочь захочет не просто недолго поразвлекаться с этим полукровкой — знает она один занятный ритуал. Смертельно опасный, но мальчишка — жрец, и не самый бесталаный, если кто и выдержит, так это он. Правда, из Башни после этого им всем придется уйти.

Мактар закончил с первым ограничителем, давая Альхэ немного времени привыкнуть к ощущениям, смерил презрительным взглядом попытавшегося поторопить его Макху. Не выдержал и все-таки сказал:

— Если Вы вот так, не узнав тонкостей и ничего не просчитав, принимаете все решения, то нет ничего удивительного в том, что преобразователей — *по настоящему сильных преобразователей* — на Севере все меньше. Или уходят, или вы их сами на корню губите.

Алхимик попытался подойти ближе к храму, но резко посерел, стоило пересечь невысокую ограду. Рейта Анктар смотрела внимательно, запоминая каждую гримасу на лице Макху. На территории храма жрец — сам себе источник силы, каждая капля магии, даже в чужом теле — в его власти. Правда, теперь Мактару придется реже покидать свое основное жилище, но то, с каким безрассудством мальчишка прилюдно наживал себе опасного врага, восхищало. Дженталь — брат, само собой — широко улыбался, показывая характерные для чистокровного острые клыки.

“Не боишься, что и за тебя возьмется?”, Рейта поймала его взгляд.

“Самозащита со смертельным исходом. Как неловко и печально, но в этом возрасте потеря контроля над силой еще случается”, повел Антар плечом, не отрываясь глядя на Макху, еле переставляющего ноги, у которого никак не получалось выйти наружу. Алхимик сделал единственный рывок, успешный, но по глазам жреца всем стало понятно — мужчину просто отпустили. Дженталь явно услышал недовольство в чужих мыслях. Надо будет присмотреть за Мактаром, раз уж жрец пошел навстречу их компании, они, так и быть, протянут ему руку. Дунха и Менху кивнули, уловив обращенную к ним мысль.

Антар смотрел в спину уходящим в храм Альхэ и Мактару и не чувствовал ревности.

*

— Больно, — было первым, что выдохнула Альхэ, когда захлопнулась дверь Храма.

Мактар помог ей опуститься на каменный, но удивительно теплый пол главного зала, поворачивая какую-то из деталей ограничителя, ослабляя воздействие. Сел рядом, подставляя плечо.

— Знаю. В твоём возрасте основная часть магического тела уже сформировалась, промять его ограничителями уже не выйдет, вот и ощущается... Зато потом на территории любого храма или природного алтаря будешь себя прекрасно чувствовать. Хотя и не как жрец...

— Я всегда считала, — она сползла ниже, устраивая голову на коленях Мактара, — что жрецы получают из самых слабых магов.

— Основная масса — да. Но и жрецы из них такие же слабые. Чтобы в жреце было много именно храмовой темноты, он должен быть способен ее через себя провести. А для этого нужно место.

Альхэ поймала эхо мысли и вздрогнула. Детей преобразователи ценили, слишком уж высокой ценой они им доставались, а лет до десяти и вовсе были неприкосновенными. Вот только в жреческой среде, судя по увиденному, придерживались других взглядов. В ход шли все — вторые и третьи дети, полукровки, бастарды, на которых в первые же дни жизни надевались храмовые браслеты, вытягивающие необходимую для развития и жизни магию. Кто оказался способен принять в себя силу Безымянной, тот выживал. А остальные... Их даже не оплакивали, просто пожимали плечами, до следующей “попытки”. В Керэн-Лэ наличие в семье жреца было показателем статуса, не удивительно, что Мактар не слишком скучал по дому, разве что в первые дни.

— Отвратительно...

— И это говоришь ты, которая едва не выпотрошила двенадцатилетнюю девчонку? — не упустил случая он поддеть ее.

— От нее уже пахло кровью. Да и взрослеют смертные быстрее. И вообще, не напоминай мне об этом, самой тошно, что я так глупо сорвалась...

Мактар кивнул, задумчиво глядя Альхэ по волосам. Преобразовательница свернулась в клубок, рассматривая роспись на стене, узор которой переходил в узор витража. Сюжет был знаком до последнего слова, зарождение веры в Безымянную, ее явление первым преобразователям.

“Эльфы бездны несколько столетий провели на источнике в новом мире, напитываясь его тьмой. Именно тогда в их “Принципах” фраза “...и нет иного Света, кроме того, что несем я и мои родичи...”, которые произносили их предки до Пробуждения Иррэй, сменилась на “и нет ни Света, ни Тьмы, кроме тех, что текут в крови моей и моего народа”. Идущая Первой, Мин’Иррэй, последняя живущая из прошедших через портал, в тот год все-таки родила наследницу. Но отдала ей слишком много сил, медовое дерево, в корнях которого Первая давала дочери жизнь, высохло в тот миг, когда Неназываемая издала первый крик. Мин’Иррэй успела дать ей имя, но никто, кроме новорожденной, его не знал. У Белой Предводительницы родилась дочь, в жилах которой вместо крови текла чистая тьма. Говорят, что последними словами Первой были “Ты приведешь их домой, Маленькое Чудовище”.

Преобразователи, обнадеженные этим пророчеством, дали девочке все знания, которые сохранили с Перехода. Сила ее действительно ужасала, в один из дней Безымянная все-таки смогла открыть портал и ушла на разведку. С тех пор ее никто не видел”.

— Аль? Все хорошо?

— Я просто пригрелась.

— Странно, что тебе храм кажется теплым, обычно здесь всех лихорадит со страшной силой.

— Возможно, бабушкино наследие дает о себе знать, — слабо улыбнулась Анктар, — та часто брала меня с

собой сюда, может, на меня и повлияло немного, пусть и не так, как на тебя.

Сейчас, когда собственной магии в теле почти не было, струящаяся по храму сила казалась теплыми руками, почему-то заставляя вспоминать детство. Может, как раз потому, что в последний раз она так ощущала себя в этих стенах, именно тогда. Альхэ повернула руку, рассматривая, как голубоватые венки на запястьях стремительно сереют. А скоро и вовсе черными станут. На Мактаре этого заметно не было, он всю жизнь провел в храмах и влияния на внешность спрятанные под ними источники силы не оказывали.

— Возможно, — он перестал так пристально рассматривать запястья преобразовательницы. — И именно это тебя сейчас спасло. Как ты себя чувствуешь?

— Мне жарко. И все тело ломит. Больше на избыток силы в теле похоже, чем на ее отток. Голова немного кружится.

Жрец поджал губы и аккуратно переложил Альхэ на полированные плиты пола, чтобы почти сразу, поднявшись со своего места, взять ее на руки. У Альхэ неожиданно начался бред, в котором Мактар с удивлением услышал смесь преобразовательских легенд и религиозных текстов. Жрец, не отпуская Альхэ, устроился на широких ступенях, ведущих к алтарю. У статуи Безымянной было удивительно задумчивое выражение лица, внимательное настолько, что даже ее слугитель не мог понять, что оно означает.

Альхэ тем временем начала начитывать “Принципы”, не ошибаясь ни в едином звуке, от чего сырая темнота, струящаяся по залу, спиралью закружилась вокруг них, постепенно густея. Мактар почувствовал, как по спине струится холодный пот — такое он видел только при явлении Безымянной, но тогда десяток жрецов, верхушка, самая элита, объединили свои усилия, и то безрезультатно. Проверять, сможет ли он пережить такой поток силы не хотелось ни капли. Усилить воздействие ограничителей не вышло, те словно заклинило.

— Альхэ! Аль, пожалуйста, — он попытался ее встряхнуть.

Практически не помогло, Альхэ сбилась на окончании слова, но такой поток голой силы такой мелочью было уже невозможно. Мактар тихо завыл, представляя, что сейчас происходит снаружи. И ведомый каким-то порывом несколько смазано и неловко поцеловал Альхэ в губы.

Темнота вокруг стала ледяной, но перестала сгущаться, бесконечный поток чего-то недоступного обычному разуму перестал давить на плечи. Со стороны алтарной статуи раздался скрежет, но рассмотреть, что изменилось, Мактар не мог, глаза слезились от холода. Зато четко видел Альхэ, смотревшую на него беспроглядно черными глазами, в которых то и дело вспыхивали голубоватые искры.

— Какой хороший мальчик... И что она упрямится с этой чистокровностью, не в ней же дело? — голос Альхэ, и без того низкий и хриловатый, сел еще сильнее, больше напоминая шепот откуда-то из глубины. — Да не Альхэ твоя, а мать ее...

По лицу жреца прошли неожиданно горячие руки, шестипалые ладони скользнули на плечи, одним движением опрокидывая жреца, которого перестало слушаться собственное тело. Чернота вокруг зашевелилась, отделяя от окон, из которых струился настоящий дневной свет, остались только храмовые светильники.

— Что ж вас всех так чистокровным влечет-то? Говорили родичи, что любовь к божественному иногда мешает жить нормальной жизнью. Обжигаетесь на моих потомках... Т-ш-ш, — она прижала палец к губам собирающегося что-то сказать жреца, — рассказать ты ей тоже не сможешь, я тебе запрещаю. Как давно я не чувствовала себя живой...

Мактар то и дело мысленно вздрагивал — тело так и осталось непокорным, а вот видеть такое собственнически-похотливое выражение на лице Альхэ было странно и, что и скрывать, это пугало. Настолько, что половину слов Безымянной, какая-то части сущности которой сейчас говорила через Альхэ, он не воспринимал. Зато прекрасно ощущал скользкие по телу ладони, слишком горячие для живого существа.

— Как думаешь, оставить ей эти воспоминания, или не стоит, м?

— Не стоит. Со мной ты и так можешь делать все, что захочешь, я — твой жрец и твоя собственность, а Альхэ будет легче без этого, — Мактар все-таки заставил себя сосредоточиться на происходящем, ощущая покалывание в руках, словно они сначала занемели, а теперь кровь возобновляла свой ток...

— Наивный... Впрочем, — она посмотрела куда-то в сторону, в первый просвет в темноте, — мы еще вернемся к этому разговору. Жаль, ты не дал ей дочитать, и у меня так мало времени... Но последний совет я тебе дам: если из-за тебя моя внучка пострадает, не важно, от твоего действия или от твоего бездействия, я тебя уничтожу. Все твои враги, которых я пока сбиваю с мысли разделать тебя на кусочки, неожиданно найдут к тебе дорогу, мальчик. Ты жив только пока ты служишь мне и Альхэ. Ты выбрал себе очень подходящее имя, Мактар, одно из его значений — “наследство”. Им ты и будешь...

Голос становился все более неразличим. Короткое касание губами шеи явно оставило ожог, но темнота вокруг становилась все светлее, а боль не уходила, только нарастала. Зато чужеродная сила стремительно покидала Альхэ. Все закончилось в один миг — и ощущение раскаленного металла на коже, и сплошной мрак вокруг, и странное состояние Альхэ. Тело Анктар обмякло, но жрец все не решался шевельнуться, удовлетворившись тем, что

отчетливо слышал поверхностное и частое дыхание.

Кажется, сегодня он впервые напьется, видел где-то в задних помещениях “Черный хмель”. Только устроит Альхэ на кровати, и сразу за бочонком. Главное, быстро проскочить мимо зеркала и не рассматривать пылающую шею.

*

— Я вроде бы еще жива, нет повода за упокой пить, — пробормотала Альхэ, когда рассмотрела открывшуюся ей картину.

Мактар был откровенно пьян, отчетливый запах неразбавленного “Черного хмеля” витал в небольшом помещении, именно он и разбудил Альхэ. Себя она обнаружила не неширокой кровати, а жрец предавался возлияниям на шаткой табуретке возле нее и, что привлекло гораздо больше внимания, был замотан в одну простыню. По спине стекали редкие капли воды.

— Испугаться я успел знатно. Ты не помнишь, что произошло? — Мактару пришлось приложить усилия, чтобы не вздрогнуть, когда вдоль спины прошли холодные пальцы.

— Кажется, я как-то странно среагировала на силу в зале и то ли уснула, то ли сознание потеряла...

— Второе, — жрец даже не солгал почти, Альхэ точно не была в сознании. — Я в какой-то момент подумал, что ты умрешь, не приходя в себя.

— И с горя решил напиться? Делись давай!

Альхэ села на кровати, опуская голову на теплое плечо и вытягивая из подрагивающих пальцев кубок. Судя по резьбе — ритуальный. Хмыкнула, но ехидный комментарий оставила при себе. Находиться в такой позе оказалось не слишком удобно, так что Аль почти сразу сдвинулась к краю кровати, аккуратно обнимая Мактара со спины и под действием какого-то животного порыва прикусывая тонкую кожу у основания шеи, там, где особенно явно выступал позвонок. На краю зрения мелькнуло что-то странное.

— Я такого не помню...

— А ты мою шею и не разглядывала, — буркнул он, невольно накрывая рукой отметину.

— Ожог свежий, ты думаешь, я не различу? Убери руку, дай посмотреть...

Жрец неохотно уступил, показывая сплетение линий, в котором угадывалось слово “наследство”. Альхэ аккуратно провела пальцами по покрасневшим краям, немного унимая боль этим прикосновением. Зашипела сквозь зубы:

— Кто?

— Ты не поверишь, — смешок вышел нервным, почти нездоровым. — Я потом тебе расскажу, хорошо?

Какое-то животное чутье заставило Альхэ кивнуть, когда она уже была готова надавить на Мактара, лишь бы тот рассказал. Но она отступила, снова прижимаясь щекой к мягкой коже и прикрывая глаза. Преобразовательница мягко скользила ладонями по бокам, ощущая выступающие ребра, на чуть более долгое мгновение задерживая ладонь на груди, когда улавливала удар сердца. Пульс у Мактара был чаще ее собственного, а сейчас, когда тот был далеко не спокоен, и вовсе казался частым как у кролика.

Кто бы не “облагородил” шею жреца клеймом — она его найдет. Недовольный зверь внутри, так похожий на гончую химеру, раздраженно заурчал, показывая ядовитые клыки. Свою территорию это хищное чудовище охраняло ревностно и успела признать Мактара “своим” за такой короткий срок.

Жрец вздрогнул, когда Альхэ привстала и мягко, лениво и даже как-то сонно коснулась губами виска. Он закусил губу, но все-таки нашел в себе силы повернуться к Анктар лицом. Глаза у той резко напоминали внимательный взгляд статуи Безымянной, настолько сильно, что он наверняка посерел, не понимая, как мог раньше не замечать этого сходства. А с учетом сходства дочери и матери... кажется, ему все-таки нужно поговорить с Рейтой Анктар. Хотя бы попытаться.

— Ты еще не восстановилась до конца, спи дальше.

— Не хочу. Выспалась на год вперед. Иди ко мне... Просто побудь со мной. Допрашивать не буду, — попыталась разрядить она обстановку шутливым тоном последней фразы.

Не сказать, что подействовало так, как было задумано, но тугий узел в груди чуть ослаб. Он расскажет ей о случившемся, но чуть позже. Когда сам решит, как к этому относиться. Альхэ отползла к стене, лениво стягивая с себя мешающуюся одежду, ей и так было жарко в тесной спальне, согретой магическим огнем, а теперь под боком должен был оказаться и вечно горячий Мактар. Жрец усилием воли заставил себя следить исключительно за белыми шестипальными ладонями, иногда соскальзывая взглядом на запястья, уже немного натертые тяжелыми ограничителями. Увы, этой пакости нужен был контакт с голой кожей, так что даже думать не хотелось о том, какие следы от них останутся.

Альхэ отбросила вещи на изножье кровати, распуская заплетенные волосы и Мактар понял, что в них уменьшилось количество белых прядей. Она снова вернула себе контроль, да и при том отвратительно маленьком количестве силы, которое он мог ей оставить, это не удивительно. Аль устроилась на боку, рассматривая замершего

Мактара в упор. Узкие запястья странно контрастировали с достаточно широкими плечами, все-таки их владелица регулярно имела дело с достаточно мощной живностью и часто прекрасно справлялась голой силой. Возможно, будь у Альхэ в основном талант не к химерологии, а к алхимии или менталистике, то она бы сформировалась более тонкой, совсем прозрачной, вроде той же Райтаны Дженталь. Но Альхэ Анктар скорее походила на породистую лошадь или на крупного хищника, даже скорее на последнего. Совершенно наглого и бесстыжего.

— Что? — только сейчас он понял, что та просто в такой позе вытаскивала из-под себя одеяло, и встряхнул головой, отбрасывая ненужные мысли. — Тебе явно нужно отдохнуть. Ложись.

Жрец покорно устроился под одеялом. Раз уж в его пантеоне внезапно появилось еще одно божество, как он может отвергнуть его волю? Мактар дернул уголком губ: как ему сказали? Влечение к чистокровным? Что же терялось при разбавлении крови? Ответ он обязательно найдет. А пока можно просто устроиться под боком, подставляя плечи под мягкие прикосновения. Такая Альхэ была непривычной, в эти дни он больше наблюдал ядовитую, всегда готовую к атаке, больше похожую на змею преобразовательницу. А сейчас, в лучших традициях мифов смертных, младшее поколение небожителей казалось более мягким и понимающим, словно сглаживающим у почитателей впечатление от своих суровых предков. Сама Аль-то может этого и не понимала, но для жреца это стало неожиданно очевидным.

Мактар все-таки нашёл удобную позу и прикрыл глаза, едва скользя пальцами по спине Альхэ. Та наверняка улыбалась, зарываясь пальцами в остриженные волосы. То, что жрец отмахнул половину длины, она поняла не сразу, не обратила внимания. Анктар чуть приподняла голову, оценивая изменения, и внезапно широко улыбнулась. В жрец все же уснул, утомлённые нервным днем. Альхэ аккуратно сменила позу и дотянулась до книги на столе. Руки сами гладили Мактара по голове словно большого кота.

— Ты удивительно спокоен, — Менху подкрался к замершему у окна Антару.

Вид на храм открывался превосходный, но даже преобразовательское зрение не могла различить, что происходит за цветным стеклом, так что менталисту оставалось только строить домыслы. Но на замечание алхимика он все же ответил:

— Я всегда спокоен.

— Давай честно. Я знаю тебя немногим хуже родного брата, все-таки воспитательные загрешины вы мне отвечивали вдвоем. И я прекрасно различаю твое настоящее спокойствие и твой потрясающий самоконтроль. Сейчас ты по-настоящему спокоен. Ты настолько доверяешь этому жрецу?

Менталист неопределенно пожал плечами. Понял, что от ответа увильнуть ему не удастся, так что кивнул, мол, да, настолько доверяю. Звучало странно, но ему действительно было проще поверить чужаку, мысли которого он не мог прочесть, чем тому же Эттеру, разум которого был для Антара открытой книгой. К тому же, он единственный из своего поколения еще помнил жрецов на Севере, да и в мысли старших он иногда заглядывал, ему было с чем сравнивать. И он прекрасно видел, какими глазами Мактар смотрел на Альхэ, особенно после охоты. Сам жрец этого может и не осознавал, но для него Аль стала тем самым “Маленьким прекрасным чудовищем”, так что Мактару можно было только сочувствовать.

— Мне его даже жаль.

— Ты настолько не видишь в нем конкурента?

— Как ты сказал? “Давай честно”? Так вот, давай честно, Менху, преобразователи — собственники, склонные к самообману, и не более. Мы любить не умеем. А я не склонен лгать себе — я и в своих мыслях прекрасно разбираюсь. Мы с ней друг для друга просто не самые худшие варианты. Вот и все. И перестань так громко думать эту мысль, а то я ненадолго “потеряю контроль”...

— Твое дело...

Антар улыбнулся уголком губ: для Менху Аль была некровной старшей сестрой, он с детства бегал за ней хвостом, а та спускала ему с рук слишком многое, совершенно разбаловав мальчишку, как считали старшие. Альхэ закатывала глаза и все равно часами сидела с мелким алхимиком, в материнской лаборатории, подбирая такие способы направления магии руками, которые позволили бы ему обходиться без шестого пальца. Дунха сначала относился к их затее весьма скептически, но потом присоединился к поискам, прогресс пошел, а Менху-старший, отец братьев, окончательно перешел на сторону Рейты Анктар на всех собраниях Совета. Прекрасно ведь понимал, кто подсказками и ресурсами направлял исследователей. Сам алхимик видел в усилении своих детей главный плюс: возможность в следующем поколении выжечь человеческую примесь и вернуть себе право на фамилию. Можно было бы и на Менху-младшем попробовать провести ритуал, на уровне магического тела пальцев у него уже было шесть, но... рисковать он не хотел.

— Ты нервничаешь.

— Отец обсуждал с Рейтой “Выжигание”. И...

— Тебе не светит.

— Почему?! Я смогу выдержать, я достаточно...

— Т-щ, — Антар опустил ладонь на его плечо. — Я понимаю твое желание, звучит действительно просто. Не ты не задумывался, почему его так редко проводят? Хотя, казалось бы, бери любого и вычищай следы человеческого наследия. Даже любого смертного с примесью крови бери и делай из него преобразователя. Так... Вижу, меня ты слушать сейчас не будешь.

Менху задрал подбородок, отвечая на внимательный взгляд желтых глаз. Антар подавил в себе желание закатить глаза, как иногда это делала Альхэ, и с тяжелым вздохом поманил алхимика за собой. Он-то может и не расскажет об этом во всех деталях, но Мин Рейта сейчас, кажется, свободна. Вот она и разжует ему как следует про механизм “Выжигания” и его возможные последствия.

Анктар-старшая действительно только что закончила работу и просьбу пришедших выслушала внимательно. Тяжелым взглядом просверлила Менху и все-таки дала ему подзатыльник. А потом с тщательно подобранной интонацией принялась рассказывать.

Да, “Выжигание” на первый взгляд было решением всех проблем. Но в том-то и дело, что только на первый. Начать следовало бы с того, что выжечь можно было только определенную долю ненужного наследия. Грубо говоря, половина — это предел. Но только если речь идет о новорожденном, их магические тела более пластичны, именно поэтому предки старались провести все нужные ритуалы в первый год жизни. И только в первом поколении. Дальше эта смертная примесь закреплялась, словно въевшаяся краска, и вывести ее становилось все сложнее. Можно было, конечно, несколько поколений постепенно выжигать человеческую кровь и не привносить новую, но кто взваливать на себя такую ношу?

Вот и вырождались по причине собственной лени. Человеческие предки отрицательно сказывались на магическом теле, ограничивая способности, уменьшая резерв. Постоянное целенаправленное развитие собственного резерва, конечно, улучшало ситуацию, даже давало шанс на больший эффект. В случае с Дунха и Менху-младшим ситуация была такова, что их дети бы после “Выжигания” еще в колбе стали бы чистокровными, но для самих алхимиков риск был слишком велик. И исходы были похуже смерти: потеря рассудка из-за боли, утрата магии или контроля над ней, даже становление полностью человеком, если что-то пойдет не так. Антар не был уверен, что младший товарищ сильно впечатлился, но хотя бы успокоился — и на том спасибо.

— А для кого Вы планировали тогда его провести? На Мактаре?

— Была такая мысль. Жрецы в детстве проходят через что-то подобное, у него бы было больше шансов выжить. Но вообще обсуждали планы Макху на Инара. Тот хочет почистить кровь сыночку, — последнюю фразу она выплюнула, но потом раздраженно повела плечами, словно жалея, что потеряла контроль при друзьях дочери. — Как вы понимаете, проблема вовсе не в его происхождении.

— А в воспитании, — фыркнул Антар и перевел тему. — Жрец не выходил?

— Мне казалось, вы с ним поладили? — Рейта присела за стол, указывая неожиданным посетителям на места напротив.

— Он — не худший вариант. Но он сам роет себе яму... Ваши родители ведь были жрецами?

— Ты и так прочитал все мои мысли, Антар, не задавай бессмысленных вопросов.

— Простите. Просто Райтана считает, что если хотя бы сделать вид, что не перелопатил голову собеседника, то он будет к тебе более благосклонен... Так вот, вы помните, как Ваш отец смотрел на Виттор Анктар?

— Мама была для него воплощением Безымянной, не иначе. Я понимаю о чем ты. Именно поэтому я согласилась на его предложение с ограничителями. Мальчика поразила вечная болезнь всех жрецов, он нашел себе предмет обожания из числа чистокровных. Не удивлюсь, если заметил сходство со статуей в храме, все-таки ту создавал мой отец...

Сок из окутанного вязью заклинания кувшина был едва теплым, но в комнате было тепло. Рейта Анктар недолго молча рассматривала замолчавшего менталиста, ощущая аккуратное прикосновение к собственному разуму. Старший Дженталь перебирал чужие воспоминания очень осторожно, но словно бездумно, не до конца понимая, что же ищет. Наконец, наткнулся на образ Безымянной. Посмотрел на женщину напротив. Вспомнил собственную теперь уже официально невесту. Хмыкнул. Какая сильная кровь у женщин в этом роду!

— Я пойду, пожалуй, — Менху чувствовал себя неуютно в повисшей тишине, так что поспешил найти предлог и выскользнуть из помещения.

— Итак, ты хотел что-то спросить, — мягко улыбнулась Антару Рейта, когда они остались одни.

— Да, — протянул тот, рассматривая поверхность стола. — Я вроде бы нашел для себя объяснение, но...

— Но ты в нем не уверен.

— Это нормально, что я не ревную Альхэ? Что меня не душит эта наша всеобщая жажда обладания? Я знаю что они с Мактаром не просто о религии говорят и на облака, томно вздыхая, смотрят, я вижу, как он ее воспринимает, видел, как у Альхэ ее внутренняя химера на него отреагировала, но...

— Люди бы сказали, что ты ее не любишь, только и всего. А я... А я прекрасно понимаю, что моя дочь для тебя прежде всего друг детства. Может даже сестра вроде Райтаны. Если углубляться в сравнение — вы скорее похожи на Иррэй и Онну

— Эттер бы здесь пошутил что-то похабное про инцест.

— Ты и сам это так воспринимаешь, просто не до конца осознаешь это. Или как что-то из ряда самолюбования. Самого же себя ты ни к кому не ревнуешь? — лукаво улыбнулась она.

Он покачал головой. Ревновать себя — даже звучало смешно. А так, если подумать... Альхэ он действительно воспринимал как свое отражение, с того самого мига, как впервые очнулся в колбе и увидел ее напротив. Они были родственниками, пусть и не близкими, все чистокровные, особенно на севере, были похожи между собой и отличить одну семью от другой могу только натренированный взгляд, а Альхэ до определенного возраста походила на него даже больше, чем родная сестра. Дунха влился в их компанию далеко не сразу, так что в каком-то смысле они действительно срослись друг с другом.

— Ты ведь знаешь, что брак никого из вас ни к чему не обязывает.

— Да... Но мне так будет спокойнее за Райтану. Макху не сможет на нее давить, я-то как старший родственник им вообще не рассматриваюсь. А с Вами считаться придется в любом случае, — он слабо улыбнулся. — Ладно, разберемся. Хотя эта смена статуса ни на что не повлияет для нашей компании. Спасибо, что выслушали. Извините, что запутал и сам запутался.

— Поговори, при случае, с самой Аль. Легче станет.

*

— Альхэ? — Мактар замер на пороге, почувствовав отчетливый запах крови. — Ты что делаешь?

Преобразовательница вздрогнула, убирая пальцы от запястья. Под полосой металла, ровно по контуру широкого браслета, обнаружилось месиво из кусков кожи. То ли так сказался контакт с намоленным металлом, то ли, что более вероятно, сама Альхэ разодрала руку. Ограничитель действовал на нее все слабее, а замыкать все его контуры Мактар не рисковал, не зная, чем это обернется. Еще одного явления Безымянной он не хотел. Шея все еще горела при повороте головы, напоминая о событиях трехдневной давности. Альхэ до этого много спала, абсолютно истощенная ограничителями, так что увиденное стало неприятным сюрпризом. Он и не замечал, что когти у нее все равно остались.

— Зудит страшно. Я почесать хотела, но вот...

— А если честно? — он посмотрел в абсолютно равнодушные глаза, и Альхэ вздрогнула, опуская голову.

— Снять пыталась... Даже решила, что частью мяса на руке можно пожертвовать, отращу потом, но не получилось, только когти поломала, — Анктар показала обломанные ногти, которыми становились загнутые звериные когти.

— Альхэ, — он опустился рядом с ней. — Я могу только представить, как ты их ощущаешь, но потерпи еще десять дней... У тебя первое такое наказание, многие вообще посчитали срок символическим... Понимаю, что звучит ни разу не утешительно, но ты ведь и сама понимаешь, что зарастать такое будет долго, а снимать их придется при Макху. Не надо давать ему эффективный способ борьбы с собой. Он же тогда на любое твоё действие будет отвечать вот так...

— Я понимаю, да... Ты ведь можешь оставлять меня в храме одну? — она шмыгнула носом, зацепив лоскут кожи. — У меня в лаборатории лежал экспериментальный образец, еще от лечения Антара оставшийся...

— Я понял. Не дольше чем на полчаса. Думаю, будет проще от границы Храма дозваться до него, Дженталь явно ориентируется в твоём хранилище лучше меня. Обещаешь посидеть спокойно, пока я не вернусь?

Альхэ кивнула, аккуратно опуская руку на колено и незаметно одергивая рукав ниже локтя, чтобы Мактар не увидел царапины и проколы на плече. Жрец немного посмотрел на ее бледное лицо, потянулся к магии храма, чтобы с ее помощью хотя бы “заморозить” рану и выскочил за порог. Пролетая через главный зал, Мактар все равно заметил, как потемнел внимательный взгляд Безымянной. Жрец, оказавшись снаружи, легко нашел менталиста, чтобы найти кого-то из Дженталь вообще много стараться не надо — достаточно громко о них подумать, мысленно им покричать. У голоса Антара в голове была та же интонация, с которой Альхэ обычно закатывает глаза, но была недолго. После короткого объяснения, подкрепленного картинкой из свежего воспоминания, Дженталь только велел ждать.

Пришел не сам менталист, а Менху. На короткий взгляд тот пожал плечами: нарвались на Макху, тот решил, что это идеальный момент насесть на Антара. Сама Райтана-то ему уже отказала и даже далеко не один раз, вот и пытался надавить на нее через брата. Давить на старшего Дженталь было бессмысленно, да и достаточно рискованно, но Макху не хотел отказываться от поставленной цели.

Мактар на эти детали только кивнул и убежал обратно, надеясь, что с Альхэ все еще все неплохо. Молиться он не рисковал, не зная реакции Безымянной. Преобразовательница по-прежнему сидела на кровати, привалившись плечом к изголовью. Естественная регенерация уже зарубцевала следы от ограничителя, хотя Анктар явно не нравились ощущения — судя по искусанным губам процесс был неприятным, и она только в последний момент одергивала руку, дернувшуюся в очередной раз почесать запястье.

— Что там, во внешнем мире? — тусклым голосом спросила Альхэ, протягивая руку.

— Макху снова наседает на Дженталь, — он осторожно снял крышку, морща нос от резкого запаха. — Мне кажется, я слышал громкие мысли Райтаны о том, что за “престарелого ублюдка” она замуж не пойдет.

— Ну, он вроде законорожд... а хотя может и нет. Ей-то, наверное, лучше знать, — присевший перед ней на колени Мактар как раз принялся аккуратно обрабатывать пострадавшую руку и едва не получил коленом в бок. — Извини. А возраст... ну, он немногим младше моей бабушки, с этим не поспоришь, один из первых полукровок.

Мактар тихо радовался, что на конец фразы не отреагировал. Тем более, что знает наверняка, с чьей стороны у Альхэ такая неожиданная родня... Хотя, зачем себя обманывать? Прекрасно он понимает. Сходство всех алтарных статуй разом с Рейтой и Альхэ Анктар не заметить сложно. Ему теперь только гадать, знает ли Мин Рейта о своем происхождении или нет.

— Ты совсем не спишь, — осторожно произнесла Альхэ, рассматривая, как заживает рука.

— Ты тоже. Кошмары. Ничего конкретного, но... давно такого не было. Кажется, — Мактар думал, делится или нет, и решение все-таки принял, — кажется, я делаю что-то не так. И Она недовольна.

— Кто разберет этих древних? — пожал плечами Аль. — Они отличаются от нас примерно в той же степени, в которой мы отличаемся от людей. Не физически даже, а именно тем, что находится у нас в голове. Как мы видим мир.

— Может и так, — он пожал плечами. — Пойдем по территории пройдемся? Тебе нужно на воздух, ты и так скоро со стеной начнешь сливаться.

Признаваться, что ему самому не очень нравится оставаться здесь, Мактар не хотел, ему постоянно мерещился осуждающий взгляд Безымянной, да и Альхэ нужно было отвлечь. Потом, может, библиотеку храма вскроет, тоже какое-то занятие. Но сейчас — улица, даже если они просто на ступеньках черного хода посидят, уже смена обстановки.

Анктар кивнула, поднимаясь на ноги, Мактар встал с пола синхронно с ней, ловя покачнувшуюся Аль. Та за эти три дня от постоянного оттока магии превратилась в свою бледную тень, остатки силы просто заставляли организм жить. Мактар постоянно ослаблял влияния ограничителей, терзался угрызениями совести и балансировал между угрозой для себя и угрозой для Альхэ. На этой мысли он сбился с шага, неожиданно понимая, что же не устраивало божество.

— Это ребра? — спросил он, когда Анктар опустилась прямо на крыльцо, он устроился рядом, рассеянно глядя ее по спине.

— Да. И если я продолжу так же терять в объемах, — она нервно хохотнула, — мне придется перешивать гардероб. Я ж с такой скоростью до размеров Райтаны похудею!

— Даже не знаю, что тебе предложить...

— Еще больше есть я не смогу. Мне вообще кусок в горло не лезет, — она подтянула колени к груди. — Ладно, разберемся. Даже если мне придется походить тонкой, бледной и холодной — переживу. Главное, чтобы я продолжала химер выводить, а не они меня. И не смотри на меня так, я планирую выйти отсюда и устроить всем веселую жизнь.

— Макху явно надеялся, что все будет наоборот. Обычные ограничители тебя бы уже убили.

— На мое счастье, у меня есть ты, — она усмехнулась, коротко целуя жреца в щеку.

Мактар слабо улыбнулся. По крайней мере, Альхэ строила хоть какие-то планы. Но все равно, предстоящие десять дней грозились стать самыми длинными в его жизни, раз уж ориентировался во времени он только по чужим мыслям. Главное их просто пережить и помочь Альхэ восстановиться. Жрец аккуратно провернул фрагменты браслетов под удивленным взглядом Анктар. Возможно, ему только кажется, но давление чужого внимания ослабло. Именно этого Она и ждала.

*

— Ты похожа на неудачный эксперимент, — встретила ее ласковым приветствием Райтана, дожидавшаяся Альхэ в ее комнате вместе с остальными.

Все повернулись к двери, Антар недовольно нахмурился, рассматривая состояния Альхэ, но комментировать не стал. Все прекрасно понимали, что при использовании обычных ограничителей, вживляемых в тело, Альхэ бы не протянула и этих двух недель. Макху бы постарался, кто там уследит, сколько их было вшито: сотня или в несколько раз больше? Так что Дженталь просто взмахом ладони снял стазис с недавнего обеда, на который Альхэ не попала, и преобразовательница сразу переключилась на запах мяса под необидный смех собравшихся.

Мактар осторожно передал ее из рук в руки Антару, собираясь ускользнуть обратно в храм, слишком уж неуместным он казался самому себе в этой почти семейной обстановке, как дверь распахнулась и пути к отступлению отрезал Эттер. Взгляды скрестились на рыжем, так что жрец поспешил отойти в сторону, чтобы случайно не попасть под удар.

— Потом друг другу гадости говорить будете, не портите мне аппетит, — пробурчала с набитым ртом Альхэ, когда Менху уже вздохнул перед началом фразы.

Алхимик посмотрел на нее осуждающим взглядом, но Анктар только пожала плечами, тоскливо рассматривая дно опустевшей тарелки. Эттер все под теми же внимательными взглядами снял с пояса флягу:

— Я полагал, что одной порцией ты не ограничишься, вот и...

— На тебе проверим? — Менху все-таки не удержался.

— Да успокойся ты уже, у нас с им общая проблема, — посмотрела Альхэ на младшего алхимика, следом поворачиваясь к Эттеру. — А ты давай сюда бульон, я запах даже из-под крышки чувствую.

Дженталь переглянулись и, дернув за рукава, усадили между собой так и стоявшего столбом Мактара, оставляя Эттеру место на сундуке у двери. Тот пожал плечами, протянул Альхэ флягу и сел на оставшееся место, совершенно не показывая своего отношения к тяжелым взглядам алхимиков. Менталисты поджимали губы, пряча усмешки.

— Вашей общей проблемой, сколько я себя помню, было существование. Его.

— А теперь — моего братца. У нас перемирие. Мы пока что дружим против Инара, а там — как пойдет.

— Я очень рада, что вы просто разговариваете, но кто из вас следующим на кухню побежит?

— Ты свой организм переоцениваешь, — Дунха вытащил из сумки мешочек, в котором что-то тихо позвякивало.

Альхэ заинтересованно повернулась, да и Райтана с любопытством выглянула из-за плеча брата. Даже Мактар скосил глаза. Антар лишь пожал плечами, пробормотав что-то подозрительно похожее на “сороки”, но вслух комментировать чужую любовь к блестящим безделушкам не стал.

Позвякивающее нечто на деле оказалось сплетением тонких цепочек, странно фونهاщих магией. Мактар присмотрелся внимательнее к соединяющим части конструкции колечкам и понимающе хмыкнул. Дунха в несколько движений расправил конструкцию, оплетая той шею Альхэ. Анктар, примерно прикинув объем артефакта, ослабила шнуровку на груди, спуская ворот и открывая плечи.

— У меня еще оставались накопители, да и материал от кольца тоже был, так что я решил попробовать создать нечто... в две стороны работающее. Чтобы и пропускало магию, и излишек при этом в никуда не уходил, но в то же время, чтобы не было перенасыщения.

— У ограничителей подсмотрел? — Альхэ дернулась, когда холодный металл словно прирос к коже, бросая блики света и невольно привлекая к себе внимание.

— Отдельные моменты. Не знаю, насколько его хватит, с тобой вообще предсказать нельзя, но мы старались.

- “Мы”?”

— Совместная работа, — сытым котом улыбнулся Менху, — даже Антар там что-то свое заковыристое прицепил. Не совсем понимаю, как оно должно работать, зачем это плетение вообще нужно, но выдать секрет он отказался.

Менталист притворно опустил глаза, мол, каюсь, но улыбка не дала образу хорошего скромного мальчика даже сложиться. Антар вообще не стремился производить такое впечатление, просто так выходило, слишком уж ощутимым был контраст с Альхэ, а чужое восприятие его просто доводило до абсолюта. Хотя, на фоне избалованной преобразовательницы почти любой казался бы образцом скромности, случайно рядом с этим вихрем оказавшимся.

Мактар проследил взглядом змеиные изгибы приросших к коже цепочек, кристаллы накопителей на которых походили не то на чешую, не то на сверкающие глаза, и оторвал взгляд, когда Альхэ поправила одежду. Аль то и дело поводила плечами, словно не понимая, мешает ли ей что-то, и привыкая к ощущениям.

— Спасибо, — наконец тихо выдохнула она.

Дунха сгрэб подругу детства в медвежьи объятия, а потом и вовсе оторвал ее от стула, скидывая на кровать к остальной компании, под хохот сидящего в стороне Эттера. Алхимику, впрочем, хватило такта все-таки незаметно выскользнуть из комнаты, сейчас им было немного не до него. Он зайдет позже. А вот для жреца рывок за локоть прямо в центр кучи из тел оказался неожиданностью. Но отстраниться не слишком-то контактному Мактару никто не дал.

*

— Может уже отработанный вариант попробуем? — Менху сидел рядом со старшей подругой, рассматривая рисунок в натуральную величину.

— Даже если Мактар вынесет мне все запасы храма, нам на покрытие не хватит. Да и ходить греметь им постоянно мне тоже не хочется.

— Ты понимаешь, что в случае ошибки — покалечишь себя? — Дунха снова принялся проверять расчеты. — И это будет дольше и мучительнее, чем при простом использовании ограничителей. Да даже хуже, чем от их живления!

— Я уверена в своих расчетах! — не выдержала Альхэ, ударяя ладонями по столу. — И если вы откажетесь помогать мне — я сделаю это сама, и вот там последствия будут гораздо хуже. И вы оба это прекрасно знаете.

— Потому и сидим тут, дожидаясь непонятно чего, загнется химера или нет.

Альхэ посмотрела в аквариум, в котором свернулась клубком похожая на искаженного человека химера. Никаких зачатков разума, лишь голые инстинкты и непригодная к использованию магии сеть каналов в теле. Просто способ проверить, как очередная находка скажется на преобразователе, если ее применить к нему, выращенное специально существо.

Мактар, увидевший процесс, тяжело вздохнул. И выразил пожелание больше в лаборатории не появляться. По словам жреца, тот прекрасно понимал, зачем это нужно, но видеть своими глазами... избавьте от этого. Налипшие клочки человеческого миропонимания не давали ему спокойно воспринимать происходящее. Альхэ тогда могла только кивнуть и постараться не упоминать при Мактаре о “подопытном” и не думать в ту сторону.

Химера, однако, вопреки прогнозам, жила уже с полгода, правда, это был третий экземпляр. Два предыдущих не выдержали воздействия состава, но теперь, доведенный до ума, он не только действовал сравнимо с артефактом, все еще украшающим шею Альхэ, но и позволял использовать себя как удобный инструмент. Позвоночник, переходящий в хвост с острием вроде копейного на конце, то становящийся рисунком на коже, контролирующим ток магии в теле, то проступающий над ней и пригодный для атаки или использования в качестве еще одной конечности. Дунха и Менха вдвоем пытались отговорить Альхэ, даже Антара привлекали, но тот оказался бессилён. Они даже едва не поругались, но после бурного примирения менталист еще неделю бурчал на Дунха, потому что едва не сломал зуб, напорвшись на артефакт.

Мактар проводил дни в храме, пытаясь понять, что ему нужно сделать. И бегал от Инара. Именно бегал, потому

что даже в непосредственной близости от храма дар начинал отказывать, и теперь жрец в панике пытался придумать что-то, что заставило бы недовольное им божество смилостивиться. Не зная, что делать, он направился к Рейте Анктар.

— Можно? — спросил Мактар, уже приоткрыв дверь.

— Я даже знаю, о чем ты хочешь поговорить. Присядь в углу, я закончу и мы обсудим мою дочь, — в голосе Рейты слышалось странное веселье.

Жрец проскользнул на указанное место, рассматривая лежащее на лабораторном столе длинное пушистое тело. Животное, вопреки внушительным когтям на пока еще голых лапах, явно не было предназначено для охоты, скорее... Мактар присмотрелся: приятная взгляду морда, густой, даже на вид мягкий мех, скорее, оно походило на компаньона или даже няньку. Рейта заклинанием перенесла животное на стол под стазисом, стряхнула с себя пленку рабочей защиты и подошла к жрецу, опускаясь напротив.

— Итак, Альхэ. Почему-то все приходят ко мне поговорить об Альхэ.

— Я, — под мягким, почти материнским взглядом Мактару внезапно захотелось рассказать о происшествии в храме.

Он даже начал пересказывать Рейте события до потери Альхэ сознания, когда его начало мелко потряхивать. Анктар-старшая слушала внимательно, подставив молодому жрецу плечо и делая вид, что он сейчас не проявляет ту слабость, за которую будет себя корить. Когда Мактар дошел до слов Безымянной о “наследстве”, Рейта все-таки вздрогнула.

- “Наследство”, значит... Я даже не могу подтвердить или опровергнуть хоть что-то из ее слов. Старшие поколения я застала, но даже среди них не было ровесников моей матери. Я всегда считала ее просто современницей Чудовища, но предположить такое...

Она погладила жреца по спутанным волосам, давая еще немного времени, чтобы справиться с потоком эмоций. Сам южанин никогда не признался бы себе, что в этот момент испытывал острое чувство зависти, потому что его собственная мать погибла при родах, а новая жена отца... он полукровка, этим сказано достаточно.

— Я не уверен, что стоит об этом говорить Аль, — Мактар выпрямился, вытирая тыльной стороной ладони влажные глаза.

— Здесь я с тобой соглашусь. И дело даже не в самой, как сказали бы смертные, “одержимости”, а в том, чем это обернулось для тебя. Я ведь прекрасно вижу, как она к тебе относится. Не слишком одобряю, но для любой матери выбор дочери всегда будет недостаточно хорош, так что не принимай это на свой счет.

— Антар? — вырвалось раньше, чем Мактар успел обдумать.

— Тьма великая, это ревность? — улыбнулась Рейта. — У них очень теплые отношения, но это скорее слишком близкая дружба, чем настоящая любовь. Преобразователи в принципе не слишком-то склонны пользоваться этим словом. Мы слишком долго живем, чтобы испытывать что-то настолько острое. А предстоящее обручение... кто бы что не говорил, а оно нужно не столько им самим, и даже не мне, сколько Райтане.

— Вы же понимаете, что после этих слов вам всем точно придется мириться с моим присутствием? — Мактар старался не коситься на темный силуэт, появившийся в углу за спиной Рейты и пристально наблюдающий за их диалогом.

— Да сколько угодно! — всплеснула та руками. — Я планирую поездку на твою родину. Как вернусь — можем попробовать провести тебе “Выжигание”. Переживешь — я даже дам Альхэ согласие на тройственный брак. А сейчас — иди, у меня много работы.

Мактар кивнул, удивленный сменой настроения, скачком от сравнительно доброжелательного, до откровенного выставления за дверь. Уже за порогом лаборатории он понял, что о главном-то и не спросил. Но возвращаться сейчас было бы слишком необдуманно. Оставалось надеяться, что Альхэ не успеет начать опыты на себе.

*

Надежды Мактара рухнули в тот же день, когда он буквально споткнулся о ноги Антара, сидящего под дверью лаборатории Альхэ. Менталист нервно потирал висок и на приветствие жреца среагировал не сразу, только спустя мгновение сообразив, кто перед ним стоит. Нехорошее предчувствие поскреблось изнутри загнутыми ядовитыми когтями. Кажется, дальше он не пойдет.

— Она все-таки...?

Антар кивнул, снова прислушиваясь к мыслям за стеной. Жрец же не знал, завидовать ли ему значительно превосходящему восприятию или радоваться, что он почти не слышит происходящее в лаборатории. Решив, что все же порадуется за себя, Мактар опустил с другой стороны коридора, сверля взглядом тяжелую зачарованную дверь. И вздрогнул, когда из-за нее прорвался крик. Метка на шее отозвалась фантомной — а фантомной ли? — болью, заставляя подскочить на месте, попытаться встать, но Дженталь метким пинком усадил его обратно.

— Не мешай, отвлечешь — только хуже сделаешь. Судя по схеме, там в хвосте этом вдвое больше позвонков,

чем у нас в хребте. А это только пятнадцатый...

— Перерыв, я так понимаю, делать нельзя? — почему-то шепотом спросил Мактар.

В ответ получил короткий кивок. Спустя еще несколько вскриков — двадцатый позвонок, сказал Антар, отмеряющий по звукам окончание очередного элемента — жрецу захотелось оказаться подальше. Странно, что сюда вся Башня не сбежалась, потому что голос у Альхэ тихим никогда не был.

Только когда Антар в очередной раз раздраженно потер висок, обводя взглядом все ответвления коридора, Мактар ощутил легкое покалывание от прикосновения к разуму. Понятно. Он отводит всех, кто мог бы подойти ближе, искажая восприятие этой части Башни. Жрец невольно проникся уважением, все-таки нелегкая задача. Кольнула совесть, но так работать с восприятием он сам не мог, ему нужно было видеть “жертву”.

— Рисуешь хорошо?

— Что надо расчертить? — Мактар был только рад ухватиться за способ отвлечься от жуткого ожидания, тем более, что крики словно стали чаще, видимо, запершиеся в лаборатории преобразователи нашли способ ускорить процесс.

— По той границе, смотри внимательно, — он кинул жрецу размытую мысль, выругался, и ухватил Мактара за запястье.

Руку обожгло, когда он вырвался из хватки, на коже чернел тонкий замысловатый узор, один из тех, что он видел на запястье у Альхэ. Когда рисунок прояснился, он различил сокращенно записанное “Антар”. Метка. Это была метка, которыми северяне пользовались для обмена мыслями, особенно, если склонностью к ментальным наукам не обладали. Пусть для полноценного общения существовали ограничения вроде расстояния, но понять состояние собеседника по ней можно было всегда. Зато вот так, рядом, она делала восприятие чужих мыслей более отчетливым и легким. Так что Мактар, решив повозмущаться позже, поймал кусок мела и отправился расчерчивать вход в лабораторное крыло, чтобы облегчить менталисту работу.

И, закончив, едва успел поймать летящую в его сторону длинную иглу с каплей крови на конце. Та легко вошла в стык плит, на который приходилось сердце разметки, рисунок “впитался” в камень и Мактар смог с чистой совестью отойти к двери. В другом конце коридора Антар также закончил контур.

— Надо было с этого начать, не подумал, — пробормотал он, устраиваясь напротив двери, рядом со жрецом.

— Долго еще?

— До полуночи должны закончить, — неуверенно произнес Дженталь. — Я слышал твой разговор с Рейтой.

— Я даже не удивлен.

— Если хочешь, я проведу тебя в архив, поищешь что-нибудь по Виттор Анктар. Мне и самому хотелось бы обойтись в дальнейшем без подобных сюрпризов. Правда, — он сбился, когда дверь дрогнула и из-за нее раздался возмущенный голос. Антар сжал запястье, прислушиваясь к ощущениям, — правда сделать мы это сможем, только когда все закончится.

— Что там происходит?

— Альхэ как-то странно реагирует, словно снова теряет контроль. Не нравится мне все это...

Жрец и менталист снова посмотрели на дверь, синхронно подбираясь, чтобы быть готовыми вскочить на ноги в любой момент. Где-то за пределами лабораторного крыла раздался хохот, от которого оба вздрогнули, настолько неуместным был этот звук.

Наконец, Антар перестал нервно сжимать меченную руку, а в лаборатории наступила полная тишина. Дверь распахнулась, из-за нее выполз Менху, тут же устроившийся у стены. Руки у алхимика тряслись, тот выглядел бледным и измотанным.

— Еле уложили, когти эти ее, конечно, — он аккуратно коснулся расплосованного лица, три длинных параллельных царапины начинались почти у самого глаза. — Но будет лучше, если ночь она проведет под куполом. Ни сама не пострадает, ни кого-то еще не покалечит.

И Менху прикрыл глаза, сползая по стене. Антар, закинувший на плечо алхимика, только коротко бросил переживающему жрецу: “Устал”, и направился к выходу из лабораторного крыла.

— Сколько пальцев? — Дунха посмотрел на недовольно прищуренную Альхэ, все еще зафиксированную на столе широкими ремнями с вытесненными на них знаками.

— Три с половиной. Если считать наполовину согнутый безымянный. Когда успел так глубоко руку повредить? — она прочистила горло и приподняла голову, осматриваясь.

— Когда тебя утихомиривал. Как ощущения?

— Будто меня ногами били. Но проблем с магией не ощущаю. Вообще.

Дунха отследил, как еще одна белая прядь вернула прежний цвет. Контроль над собой Альхэ действительно восстанавливала, но отвязывать ее он пока не решался. Подождет еще немного. Анктар, кажется, было все равно, тело болело, хотелось просто уползти куда-то в тепло, утащить к себе под одеяло тяжелый материнский меховой плащ, свить гнездо и не шевелиться пару дней, пока ощущения не пройдут.

— Все хорошо?! — из распахнутой Мактаром двери в помещение проник сквозняк. — Антар сказал, что ты пришла в себя, из храма сразу сорвался сюда...

Альхэ присмотрелась к жрецу, не понимая, за что цепляется взгляд, вроде бы Мактар ничуть не изменился. А потом рассмотрела — пятнышко метки на руке. Присмотрелась внимательнее, насколько позволял наклоненный стол. Антар. Понятно, они успели все-таки найти общий язык, кажется, надо кого-то чаще пугать своими выходками. Взгляд у жреца потяжелел, а Альхэ в ответ громко подумала о том, что чтение чужих мыслей без разрешения, заметно сокращает жизнь, а то и ухудшает ее. Мактар как-то странно изменился в лице, но подошел вплотную к Аль:

— А ты связана, что ты мне сделаешь?

— Это ненадолго, мой хороший, — в тон жрецу оскалилась преобразовательница. — Лучше скажи, когда вы с Антаром метками обменяться успели.

— Пока вас под дверью караулили и остальных отпугивали, чтобы никто не полез. Рука у твоей матери, конечно...

Альхэ посмотрела, как Мактар трет ноющее плечо и понимающе хмыкнула. Рука у Рейты Анктар действительно была тяжелой, да это и не удивительно. Все-таки у многих преобразователей в определенном возрасте срывало самоконтроль от бушующей внутри силы, доводы разума часто переставали восприниматься, и им на смену приходили физические методы воздействия. Даже саму Альхэ пару раз пороли. Правда, как подозревала Анктар-младшая, не за то, что сделала, а за то, что попалась. Поэтому все проделки теперь проходили через Антара, который или отговаривал Альхэ, или отводил глаза лишним свидетелям.

Дунха одним движением заставил ее наклонить голову, раздраженно шикнул на пернатую химеру, все-таки сбежавшую из клетки. Птица всех раздражала страшно, Макху даже порывался уничтожить крылатое чудовище, но то, издевательски гогоча, только поглощало магию, направленную на него. На Альхэ злились, но сделать ничего с последствием выброса не выходило, так что существо заперли в клетку на вершине Башни. Прошлой ночью химера все-таки сбежала и теперь, наслушавшись хозяйских криков, передразнивала их, заставляя окружающих вздрагивать. Анктар зловредно хохотала, прекрасно понимая, от кого птичке достался такой характер, но потом просто посмотрела на свое невольное творение, и то захлопнуло клюв на середине звука, изображая из себя не просто образцовое животное, а идеальное чучелко.

Тяжелый металлический хвост двигался не слишком аккуратно, Альхэ даже до середины пропорола им ремень, которым была привязана к столу, так что Дунха поспешил отстегнуть Анктар, тут же упавшую в руки жрецу. Альхэ сдавленно зашипела от прикосновения к спине, еще и затекшая шея хрустнула так, что птица на полке вздрогнула. Аль медленно повернула голову в другую сторону, разминая мышцы. Спать на животе придется еще долго.

— Кажется, мне придется все-таки уменьшать грудь...

— В честь чего ты обрадовала нас этим заявлением?

— Лежать неудобно, — она на нетвердых ногах дошла до стула, на котором лежали ее вещи. — Вы меня точно под шумок не отпинали?

— Пару раз о стену приложили, если ты не помнишь, пока связать тебя не удалось. примерно на середине процесса. Как ходить нормально начнешь — зайди к Менху, поправь ему лицо.

— Даже не буду спрашивать, что случилось. Там просто красоту навести или я его без глаза оставила?

— Красоту, — ответил за алхимика Мактар, помогая Альхэ одеться.

Химера все-таки не удержалась и издевательски загоготала, пока не получила от хозяйки угрозу удалить голосовые связки. Птица издала невнятный звук, словно ее стошнило, и, кажется, закатила глаза. Мактар старательно пытался не улыбаться, глядя на Альхэ, столкнувшуюся со своей копией. Чайка слетела с места, опускаясь на плечо жреца, отчего тот на миг потерял равновесие.

Аль только недовольно поводит плечами, провожая птицу ревнивым взглядом, но ноющая боль заставляет

махнуть на это рукой: все равно не ей на себе наглую химеру тащить. Мактар аккуратно перехватывает преобразовательницу за локоть, не рискуя касаться спины, и выводит из лаборатории, чутьем понимая, что Дунха от их компании уже заметно устал. До спальни Альхэ добираются без приключений, хотя на круговой лестнице без перил едва не падают, когда беспокойная чайка решает полетать. Раздраженное шипение не разносится по этажам только благодаря тому, что предки озаботились специальными заклинаниями. В свою комнату Альхэ буквально впадает.

Не рискуя вставать на ноги, стягивает сапоги, оставляя их у порога, и на четвереньках добирается до кровати. Мактар следует ее пример, разве что доходит на своих двоих, пытаясь понять, шкуру какой твари Альхэ расстелила по комнате. Такой окраски ни у одного животного он не видел, да и размеры впечатляющие.

— Неудавшаяся химера? — кивает он на мех.

— Неначатая работа. Мне было лень возиться с таких размеров зверюгой, но шкуру я уже начала выращивать, выбрала расцветку, не пропадать же добру.

Мактар понимающе хмыкнул, уstraиваясь на краю кровати рядом с вытянувшейся поперек нее Альхэ. Присмотрелся к напряженной спине и недовольно нахмурился, ткань начала пропитываться кровью. Антар на неуверенное замечание только рукой махнула, мол, это нормально, так и должно быть, она пытается “втянуть” хвост обратно. Жрец, не до конца понимая, о чем та говорит, задрал край рубахи. Металлическое нечто, до этого словно прилипшее к коже, медленно проникало под нее, верхние позвонки уже стали темно-серым рисунком, но остальные еще не ушли вглубь, и на этих промежуточных участках и выступала кровь.

— Так будет первое время. По моим расчетам — примерно месяц, но с каждым разом все быстрее и легче, тело привыкнет. Да и погода пока отвратительная, так что особого смысла выходить из Башни все равно нет.

— Больно?

— Не особо, на самом деле. Скорее чешется, как при застывании раны. Все-таки у преобразователей регенерация и своя хорошая, а уж если магией подпитывать... Есть хочу, — неожиданно произнесла Альхэ.

— Точно есть, а не спать? — улыбнулся Мактар, отводя взгляд от еще одного заползшего под кожу металлического позвонка.

— Точно. Наверное. Ты меня не отвлекай давай, — приподнялась она на локтях. — Лучше расскажи, как Антар тебя на метку уговорил, вы же на юге обычно свысока на них смотрите.

— Как будто он меня спрашивал, — жрец вытянулся рядом. — Меня перед фактом поставили.

— А я все-таки спрошу, — она протянула к нему левую руку, покрытую тонкой вязью, словно искусно выведенной пером, — со мной метками обменяешься?

Мактар кивнул, оплетая пальцами предплечье Альхэ, чтобы запястья соприкоснулись. Сейчас проявление метки на коже ощущалось иначе, не как случайный ожог, когда он обменивался метками с Антаром прошедшей ночью, не как клеймо, как это было тогда в Храме. Жгло, зудело, но было терпимо. И прошло удивительно легко, завершенная метка даже не опухла и никакого дискомфорта не доставляла.

— Вот тебе и разница, между полностью добровольной и осознанной и всеми остальными вариантами. И я все еще жду от тебя историю про отметину на шее.

Ему показалось, или в голосе Альхэ проскользнула ревность? Мактар внимательнее посмотрел на Альхэ, которая продолжала буравить его взглядом. Ему оставалось только неловко пожать плечами и бездумно прикрыть основание шеи ладонью. Преобразовательница еще немного поразглядывала его, но потом махнула рукой, мол, не хочешь — не надо. И легла обратно, подтягивая под себя подушку, чтобы удобнее устроиться. Покрытый намоленным металлом позвоночник медленно становился просто рисунком на коже, хвост укладывался вдоль спины вторым рядом, Альхэ раздраженно зашипела, когда тяжелый наконечник лег на плечо.

Мактар встал с кровати, отходя к полкам, на которых стояли ровные ряды неподписанных флаконов. Но запас обезболивающего он узнал сразу. Альхэ под прикосновениями даже не вздрагивала, но Мактар, со вчерашнего вечера ощущающий на горле ледяную хватку, наконец-то смог вздохнуть свободнее. Кажется, в этот раз все обошлось.

*

Альхэ вертелась перед зеркалом, пытаясь понять, можно ли магическим зрением уловить фон “хвоста”, когда тот скрыт под кожей. Выходило, что только если знать, что искать. И этот факт заставлял преобразовательницу довольно улыбаться, да и мать, пусть и оттаскала сначала за уши за такой риск, но все-таки признала и уровень работы, и ее полезность. Но уезжать в Керэн-Лэ Рейте Антар от этого легче не было, хотя Райтану она увозила с собой, Альхэ пообещала никого не задирать до ее возвращения, и вроде бы основные точки преткновения были убраны, но на сердце все равно было беспокойно. Нервозность передалась и самой Альхэ, которая ходила за родительницей хвостом, выслушивая все замечания и старательно вникая в ее дела. Пока только в эксперименты в лаборатории, но Аль и этого хватало, чтобы загрузить голову до полной неспособности воспринимать что-то еще.

Мактар просто был где-то рядом, на краю восприятия, то уводя заработавшуюся Альхэ из лаборатории, где та

засиживалась сутками, то помогая там, будучи на подхвате. Изредка дотягивался до Антара, который спешил натаскать сестру перед отъездом и тоже маялся от тревоги. Райтана закатывала глаза, называя старшего брата наседкой, и обещая, что все будет хорошо. Дунха отбивался от Совета, которому кто-то донес об опытном образце в лаборатории, и тихо радовался, что они с Альхэ заучивали расчеты наизусть, сжигая лабораторные дневники. Макху в последнее время начал говорить тревожащие вещи про людей и их место в мире, про роль преобразователей, и история вроде бы не новая, но давать ей хоть призрачный шанс пойти куда-то дальше разговоров... Молодое поколение старательно ускользало от таких обсуждений.

Рейта Анктар не выдержала этого всеобщего напряжения и недомолвок первой, в один из вечеров собрав компанию дочери у себя в лаборатории. Альхэ бесцеремонно уселась на стол, очистив себе часть столешницы. В углу неловко притулился Мактар, все еще не слишком комфортно ощущающий себя среди других преобразователей, Дженталь устроились рядом с книжными полками, о чем-то безмолвно переговариваясь. Опоздавшие алхимики просто пристроились у двери, кажется, у них был в самом разгаре какой-то эксперимент, так что сорваться с места они были готовы в любой момент.

— Дети, — она устало сжала переносицу, — я ведь могу положиться на ваше благоразумие? Не хотелось бы, чтобы вы в эти полгода нашли себе неприятности.

— Ма, ты просишь невозможного, — Альхэ подобралась ближе, устраивая голову на плече матери. — Мне для этого надо в лес уйти. Или нам всей компанией в храме закрыться на все полгода. Не получится.

— Если очень нужно — я ее там закрою, — нервно хмыкнул Мактар, все еще иногда с содроганием прошлый раз вспоминая.

— Она тебя сожрет, — в один голос произнесли Дунха и Менху, рассматривая покрасневшего от какой-то своей мысли жреца, старательно игнорирующего некультурный хмык прочитавшего его мысли менталиста.

— Я надеюсь, — добавила строгости в голос Рейта, — что никто никого не съест, не выпотрошит, не нарвется на неприятности с Макху, не наделает полукровок в ближайшей деревне и не наживет себе врагов сверх того, что уже есть. Я ведь могу рассчитывать на вашу сознательность?

Рейта дождалась кивка ото всех присутствующих. Улыбки постепенно меркли, Мактар и вовсе сверлил взглядом стену над плечом Альхэ, из-за чего та нервно поводила плечом под пустыми глазами жреца. Тот вообще в последнее время ходил сам не свой, то и дело выпадая из происходящих вокруг него событий, затем резко возвращаясь и тревожно осматриваясь. Анктар-младшая стала еще громче, еще острее реагируя на все реплики в свой адрес. Про остальных она не знала, разве что Антар перестал спать, лишь раз вскользь пожаловавшись на слишком громкие мысли, пробивающиеся через все защиты. Даже нервно шутил, что скоро пойдет к Мактару проситься на ночлег.

А еще менталист странно косился на Макху, но наводящие вопросы ничего не дали, он и сам до конца не мог разобраться, о чем тот думает. Словом, над Башней висел удушающий туман непонятной настороженности, но никто не знал, откуда ждать беды. По старой привычке решили свалить вину на южных соседей — да те и в самом деле странно зашевелились — и собрать посольство в Керэн-Лэ, чтобы “присмотреть”.

Альхэ нервно провернула кольцо на пальце. Смысла в нем особого не было, так, символическая безделушка, после помолвки только восприятие по меткам стало острее, но постоянное кручение украшения хотя бы немного успокаивало, не давало окончательно скатиться во всеобщую подавляемую нервозность.

*

— Я так больше не могу, — протянула Альхэ, наконец выбравшись из лаборатории и вяло ковыряя вилкой в тарелке. — Они опять переносят возвращение... уже три года прошло.

Анктар покосилась на сидящих за соседним столом людей. Людей! Макху притащил в Башню смертных, говоря что-то о дружбе между соседями. Скептицизм, с которым на него смотрели окружающие, можно было потрогать руками. Новый состав Совета смотрел алхимику в рот. Дунха отчетливо скрипнул зубами — Макху якобы “случайно”, потому что опыт из-под контроля вышел, спалил Белую Рошу, преобразовательское кладбище, основанное еще первыми пришельцами из другого мира, и лишил лежащих там шанса на пробуждение. Его отца в том числе. Аирани, те самые переселенцы, считали, что проснуться вновь можно только если твое тело цело, даже известны такие случаи уже здесь, в это мире. Но “спящее” тело могли сохранять только принесенные с прародины растения, а теперь они погибли. Схожий эффект был у склепа под храмом, ночью, увы, не в первые сутки, они с Мактаром перенесли некоторых уцелевших туда, пока Антар отвлекал неспящих, но таких были единицы, тех, чьи тела не рассыпались без подпитки. Древние чистокровные. И то, жрец предупредил, что это может не помочь, слишком много времени прошло. К рассвету всех трясло от перенапряжения, лица были покрыты кровавыми разводами. Солнце встретили на ступеньках позади храма. Мактар посмотрел в светлеющее небо и неожиданно сказал:

— Поздравляю, вы пережили нахождение в храме. Уникальный опыт.

— Ага, такой, что лечь и умереть охота, — Менху с трудом оторвал гудящую голову от колен старшего брата.

— Только попробуй, — лениво пригрозила Альхэ, которой сегодняшняя ночь далась значительно легче. — Хотя... тут нести недалеко.

— Ты ж дождешься моего пробуждения и потом упокоишь с особой жесткостью, я тебя знаю.

Тогда этот нервный смех помог немного разрядить обстановку, но сейчас даже хорошая шутка ситуацию не спасла бы. Когда кто-то из пришлых обратился с вопросом к Эттеру, тот не выдержал, демонстративно пересаживаясь за стол к компании Альхэ. По лицу и шее рыжего поползли алые пятна, как всегда бывало, если алхимика что-то раздражало. Сейчас Аль была готова поспорить, что тот готов сорваться на любую реплику в свою сторону. Дунха и Менху только синхронно глаза закатили, когда Эттер вклинился между ними, прямо напротив Альхэ.

— Будешь так кипятиться — я тебя прямо здесь чем-нибудь оболую, — едва слышно шепнула преобразовательница.

— Что? — он поднял глаза на химеролога, переключая внимание с людей на Анктар.

— Вот так лучше. Не смотри в ту сторону. Ты и так своим побегом нас подставил, — Альхэ пользовалась тем, что сидела спиной к Макху и тот не мог прочитать по губам. — Скажи какую-нибудь гадость, чтобы твой отец думал, что и мое общество тебя раздражает.

— Да катись ты... в Темноту, — почти искренне выдавил он, раздраженно отбрасывая нож.

Аппетит пропал окончательно. Альхэ снова начала нервно крутить кольцо на пальце, то и дело немного отодвигая край рукава и рассматривая поблекшую метку связи с матерью. Возможно, дело в расстоянии и долгом отсутствии контакта, но она не должна становиться настолько светлой. Нехорошее предчувствие скреблось в груди, а уж когда Менху, привлеченный ее действиями, ухватил ее за запястье и посмотрел на отметины сам... Его хватило лишь на два слова:

— Мне жаль...

Анктар вырвала руку и вышла из зала, хлопая дверью. Сочувствие в голосе и взгляде душило сильнее, чем чувство потери. Не замечая ступенек, она добежала до верхних ярусов, выскакивая на открытую площадку. В лицо ударил ветер. Верная пернатая химера опустилась на плечо, потираясь клювом о щеку, по которой текли горячие слезы. Поняв, что что-то не так, что талый снег слишком жжет щеки, да и не падает он почти, Альхэ провела по лицу, с полсекунды непонимающе посмотрела на пальцы, а потом сама себе дала злую пощечину. Слабачка! Развела тут...

Стоящие в тени у распахнутой двери Антар и Мактар так и не решились выйти наружу. Со спины было прекрасно видно, как волосы Альхэ то белеют, то возвращают свой цвет, показывая скачки самоконтроля. Попасть под магический выплеск у нестабильного химеролога было страшно. Не разберут потом незадачливых жалельщиков. Только когда совладавшая с собой опустилась на снег, сжимаясь в комок, они все-таки подошли ближе, присаживаясь рядом и подпирая плечами с двух сторон. В голове Альхэ была полная, беззвучная, пустота.

Словно этого было мало этому отвратительному вечеру, Антар дернул рукой, нервно сжимая запястье. Альхэ с трудом сфокусировала взгляд на его руке, не понимая, что одновременно ощущает жжение в собственной. И только когда Мактар, едва слышно охнув за спиной, сгреб их обоих в неловкие объятия, поняла одну вещь. На запястье менталиста тоже красовалась белая, похожая на шрам, мертвая метка.

Он тоже остался последним в своей семье.

Альхэ накинула стазис на химеру, опуская животное в аквариум. В глазах темнело от усталости, скорее всего, синяки у нее под глазами немногим отличаются от тех, которыми “радует” взор Антар. Преобразовательница, сурясь, рассматривала задремавшего в углу менталиста. Будить или нет?

Дверь осторожно открылась, в нее проскользнули Менху и Мактар с тяжелыми подносами. Запах еды разбудил Антара, теперь подрагивающими руками трущего лицо. Альхэ в ответ изобразила улыбку, заглядывая в лица вошедших. Алхимик устроился рядом с ней, доверчиво прижимаясь к плечу названной старшей сестры. Его собственный брат пропадал в лаборатории, перерывая записи отца и пытаясь понять, что же могло пойти не так, что привело к такому исходу.

— Ты как? — она вздрогнула от звука голоса, когда Мактар присел в том же углу, который облюбовал Антар.

Менталист в ответ неопределенно пожал плечами. Посмотрел на жреца, понял, что тот ждет ответа и тяжело вздохнул:

— У меня обострение дара. Я даже во сне всех слышу. Тут полегче, но... я, наверное, в лес уйду хотя бы на пару дней.

Мактар понимающе кивнул. Сам он спать мог исключительно в храме, мысли людей были слишком громкими и не пробивались к нему только под завесой силы Безымянной... странно, он по привычке звал ее так, хотя у нее было вполне себе обычное преобразовательское имя. Виттор Анктар. Он даже нашел выбитое на одном из украшений алтарной статуи короткое “Вит”, явно сделанное рукой его предшественника. Своенравное божество — а божество ли? — посыпало ему непонятные сны, от которых он просыпался помятым, но не настолько разбитым, как остальные. Новости о неожиданном разрушении Керэн-Лэ и гибели практически всех, кто там находился, дошли до Башни. Кто-то доэкспериментировался с щитам, версия была такая. Люди погибли сразу, а преобразователи протянули еще несколько недель, но без возможности выбраться ушли в тени и они. Без шансов на пробуждение — волна магии пошла от храма, да и перенести их туда было некому...

Антар выскользнул из лаборатории, оставляя Альхэ на попечение жреца. На Менху сейчас надежды не было, а Мактар хотя бы присмотрит, да и остановить ее если что сможет или задержать, если все совсем плохо будет. Гул мыслей мешал воспринимать реальность, а люди думали слишком много всего одновременно. Дженталь кое-как спустился к выходу, стараясь не обдумывать все то, что слышал от пришлых. Слишком уж ему не нравились их размышления.

Перейдя почти пустой двор и оказавшись за стенами, Антар побежал, ощущая, как с каждым ударом сердца шум в голове стихает. Увы, не полностью, поселение людей было достаточно близко, он дотягивался до него краем восприятия. Менталист упал в снег, прикрывая глаза. Заболеть он не боялся, а вот широкая белая прядь пугала. Если потерявшая над собой контроль Альхэ опасна только для тех, до кого может дотянуться физически, то он — риск для всех живых существ в поле его восприятия.

Свист стрелы стал неожиданностью, но он успел перекатиться в сторону, сразу находя нападавшего по раздосадованной мысли. Он не воспринимал дословно, не знал языка, но что-то в мелькнувших образах заставило взять себя в руки и не превращать незадачливого смертного в пустую оболочку. Одно то, что тот подобрался так близко, было странно.

Догнал его Антар быстро, пользуясь разницей в силе и выносливости, все-таки преобразователи ощутимо превосходили людей. Длины пальцев как раз хватило, чтобы сжать шею, ощущая, как под кожей бешено стучит сердце. На мыслях была какая-то преграда, явно искусственная, но менталист ее смял как сухой лист. А после вцепился в чужие воспоминания мертвой хваткой, жалея что Мактар в храме, дозваться до него не получалось.

— Значит так, да? Повелись на обещания богатства, конечно, Макху создать золото — что крестьянину высморкаться. Еще и от “ведьм” избавиться... Зря ты на юге не остался. Или думал, что никто не узнает? Что же, я знаю, как заставить тебя прочувствовать хотя бы часть... Я так понял, у тебя сестра есть?

Южанин задергался, что-то пытаясь объяснить на смеси языков. Жуткого нелюдя он понимал через слово, но ту видения, которые чудовище из леса на него насыпало... Мера сто, нет, тысячу раз за эти мгновения пожалел, что согласился помочь Макху. Тот, пусть и обладал силой, но был как они, походил на человека, и слова говорил правильные. Даже отвратительный факт, что где-то далеко среди предков его огромной семьи, его клана, затесалась ведьма, он обратил в достоинство, мол, это их, пришлых ведьм с севера, и убьет. Не всем в Керэн-Лэ нравилось, что нелюди с их жутким культом живут среди честных горожан.

И сейчас Мера, только недавно занявший место отца, жалел, что согласился на легкую — действительно легкую — прибыль. Нелюди в его городе были беспечны, переданные чужаком артефакты легко заняли свои места. А золото приятно грело душу, покоясь в тяжелых сундуках.

— Не трогай, — попытался как можно четче произнести он.

— О, я буду милосерднее, — в разуме темнело, состояние напоминало подсмотренные у Альхэ ощущения от

потери контроля или от давления магии в храме, — я ее даже не убью. Замуж, говоришь, выдавать ее собираешься? *Чистой* должна быть по вашим традициям?

В голове шумела кровь, руки мелко подрагивали. Что-то на краю сознания, какой-то тихий голос здравого смысла, твердил ему, что поступает он отвратительно, мягко говоря, но остановиться он уже не мог. Подойти к человеческому жилью в сумерках — плевое дело, для того, кто может, как это называют смертные, “отвести глаза”. Сестра Мерио нашла в какой-то пристройке, ее мысли легко обнаруживались в общем гуле. Антар волок южанина за собой, периодически придушивая, чтобы тот не начал кричать. Конечно, это тоже можно спрятать в чужом восприятии, но столько мороки...

Себя и Мерио он прятал в восприятии девушки до тех пор, пока не убедился, что связанный южанин никуда не денется. И выцарапал его же ножом едва заметную вязь, отрезавшую помещение от чужого восприятия. Только после этого показался на глаза смертной. Испуганный визг заставил какое-то животное наследие предков шевельнуться внутри. Все-таки Аирани произошли от одного из доминирующих видов на своей планете, а в его жилах кровь неразбавленная, пусть он и несколько очеловечился в плане морали. Но не так сильно, как хотелось бы смертным.

— Не визжи так громко, голос сорвешь, а он тебе еще понадобится. Когда будешь высказывать братцу за то, что он беду к тебе привел.

Та что-то пробормотала на своем языке, но Антар даже не пытался вслушиваться ни в сбивчивые слова, ни в путанные мысли. Просто дернул ее на себя, легко удерживая слабое человеческое тело одной рукой, пальцами свободной распутывая шнурок на ее платье. Даже его, не слишком острый по меркам преобразователей, слух слышал, как колотится сердце. Смертные такие забавные... и слабые. Он развернул зареванную девицу лицом к Мерио и, впечатывая слова голой силой в его сознание, произнес:

— И запомни, если ты попытаешься меня как-то выдать или, если она вдруг понесет, что-то сделать с ребенком — я вернусь, и вашему клану мало не покажется.

*

Альхэ вернуться к работе так и не смогла. Чтобы не терзать своей тревогой Мактара, который и так за ней ходил как наседка, она отговорила желанием выспаться и отпустила того в храм. Что-то жреца беспокоило в неясных картинах, которые ему подкидывала Безымянная, но прояснить времени не было. Сама она спать конечно же не собиралась. Повертелась, скомкала постель, вернулась в лабораторию. Там не смогла сосредоточиться, пропорола химеру слишком глубоко и не там где надо, загнала иглу в палец, почти под ноготь. Плюнула, решила прогуляться.

За пределами башни стало легче, даже звуки лесной жизни не раздражали. И идущие по метке ощущения вдруг стали острее, заставляя напрячься. Сначала она приняла этот темный охотничий азарт за очередной срыв, думая, что это он погнал ее в лес, но только потом стало ясно, что он принадлежит не ей. Альхэ сорвалась с места, на полпути к человеческому жилью остановилась, заставляя рисунок на коже снова стать хвостом. Раздраженно повела плечом, но раны срастались уже достаточно быстро, даже не мешали нормально двигаться. Присутствие Антара ощущалось где-то недалеко, но расслабляться она не спешила, если менталист не в себе — она не справится. Ей просто сил не хватит.

Где-то сбоку хрустнула ветка, явно под ногой, не под лапой, и Альхэ двинулась в ту сторону. Антар, в неопрятной одежде, с совершенно безумными глазами, стал сюрпризом, и сюрпризом неприятным. Тот вывалился буквально Аль под ноги, она даже пошатнулась, когда менталист притянул ее к себе, утыкаясь лбом в живот. Сдавленно охнув, она осторожно погладила Антара по волосам:

— Все хорошо, ну... мы все можем поправить, что случилось?

Вместо ответа менталист мог только разрозненные воспоминания подкидывать, явно не до конца понимая, что хочет сказать. Альхэ кое-как ослабила хватку, чтобы опуститься на колени рядом с сидящим в снегу Антаром. Смотреть ей в лицо он отказывался, прячась за длинными волосами, в которых опасным признаком светилась широкая белая прядь.

— Антар... поговори со мной. Я поняла, что произошло, но я не знаю, что мне делать, пока ты сам, словами, не выскажешься...

— Просто добей меня... я сорвался, скатился до животного... И ладно бы я просто этого Мерио придушил бы на месте... да даже на куски бы разобрал, но девчонка-то эта...

Альхэ еще крепче прижала его к себе, пытаясь оставаться спокойной — Антар легко бы уловил ее эмоции, так что ей нельзя самой скатываться в эту яму, иначе она его не вытащит. Хорошо бы сначала увести из леса, два темных пятна на снегу — отличная мишень. Вот только менталист всерьез был готов что-то сотворить с собой. Смерть сестры, а теперь и падение ниже всех собственноручно установленных границ и принципов... Он ведь всегда презирал и насилие, и месть через кого-то, а теперь превратился в того, кого ненавидел.

В какой-то момент они упали в снег, но Альхэ Антара не отпускала. Гладила по волосам, вспоминала какие-то

нелепые истории из общего прошлого, но все время чувствовала, что держится за веревку, которая ускользает из рук, каждая попытка вытянуться наверх приводит только к очередному рывку вниз, и когда все сорвется — только вопрос времени.

— Кто-то идет, — едва слышно выдохнула Анктар, улавливая скрип снега.

Антар только пожал плечами. Их успело немного занести, так что найти сразу преобразователей не вышло бы. Но шаги приближались, кто-то явно шел к ним, зная, где и кого искать. Альхэ скользнула вниманием по меткам. Мактар. Не страшно. Жрец остановился совсем рядом с их головами, присел и смел снег, невольно заставляя посмотреть на себя.

— Он пришел к Макху. Мы, оказывается, за событиями последними упустили, что Совет, — ядом в голосе жреца можно было отравить небольшой город, — начал регулировать взаимоотношения с людьми. В сторону улучшения и сближения.

— Даже спрашивать не хочу, что он надумал... Мне иногда кажется, что Макху хочет преобразователей истребить как вид. Наплодить людей со слабеньким даром и весело ими командовать, — Альхэ приподнялась на локте.

— Есть вариант уйти, не возвращаясь, прямо сейчас. Я дотянусь до Дунха и Менху, они успеют уничтожить лабораторию, пока нас не хватятся...

— Нет, — севшим голосом произнес менталист. — Я не позволю кому-то еще отвечать за последствия своих срывов. Я сам приду к Макху, но вас двоих даже рядом быть не должно.

— Но...

— Никаких “но”, Аль. Пожалуйста, — он потерся щекой о ее ладонь словно большой кот, — не лезь в это. Макху напьется крови, успокоится, а там вы найдете способ, придумаете, что с ним делать. Но не подставляйся...

— Я бы на это не надеялся, — вставил замечание Мактар. — Влезет.

— ...не думаю, что он решит меня казнить. В конце концов, все живы. А показательно-позорные мероприятия я переживу.

— Может, все-таки, сбежим? — не слишком надеясь на согласие еще раз предложил Мактар и тут же поднял руки, сдаваясь, под двумя тяжелыми взглядами.

С трудом преобразователи поднялись со снега. Заболеть не боялись, но подмерзнуть успели. Мактар стянул с себя плащ, протягивая его выбежавшему налегке менталисту. Тот нервно кивнул, но принял. Чем ближе подходили к Башне, тем сильнее Альхэ трясло от нехорошего предчувствия, а предложение Мактара стало казаться удивительно разумным и привлекательным. Но, увы, их уже заметили. Антар выпрямился, отдавая плащ владельцу, и зашагал вперед, оставляя Аль и Мактара позади. Жрец вцепился в ее локоть, не пуская вперед, и потащил обходными путями на задний двор храма.

— Мне все это не нравится. Сильно.

— Я тебя понимаю, но в одном он прав — тебе туда точно лезть нельзя. И вообще лучше все это переждать тут. Если хочешь... ладно, расскажу. Если хочешь — в храме есть “зрячая” плита, видимо, еще от предков осталась. Можем подняться наверх, подсмотреть. Тьма, что-то мне говорит, что я пожалею об этом решении...

— Пойдем! — Альхэ, уже неплохо ориентируясь во внутренних помещениях, потянула жреца к лестнице наверх.

К ее удивлению, тот придержал ее, показывая на неглубокую нишу. Ниша оказалась не тупиком, и даже обошлось без потайных дверей — просто завеса заклинания, маскирующая проход. И зашел первым, не давая нестись вверх по узкой винтовой лестнице, иногда словно что-то подцепляя. Альхэ рискнула посмотреть на плетения, шурясь от ярких, напитанных силой нитей. Глаза начали слезиться от напряжения, хотя в лаборатории она так смотрела практически всегда. Хотя... там частично облегчали задачу проявляющие заклинания, да. Да и сила была иной.

— Аккуратно, здесь ступенька.

Альхэ кивнула, принимая помощь от Мактара. Помещение было пустым, только в центре комнаты на широкой опоре лежала покрытая резьбой плита да у стены стояла широкая лавка.

— Иногда здесь оставались, чтобы контролировать ситуацию. Судя по архивам, разное бывало.

— Нашли что-то интересное? — Альхэ осторожно подошла ближе к плите.

— Не то, что хотелось бы. Как же это звучало? А, вспомнил!

Жрец издал странный звук, тут же отразившийся от стен комнаты, засветившихся в ответ, а над “зрячей” плитой повисла дымка. Аль задумчиво коснулась камня и изображение стало четче, сразу найдя Антара, стоящего вместе с Макху почти на самом краю, где-то на подземных этажах, в сердце Башни. Предки, явившись сюда, сначала под землю старательно зарывались, только спустя несколько поколений начали выходить на поверхность. Спускались туда редко, концентрация сырой магии там была сравнима с храмами Безымянной, а иногда и значительно превосходила.

Звук, увы, не было, они не могли слышать, о чем идет речь, так что старались различить по губам, но выходило не слишком четко. Вот только даже те отдельные слова, которые получалось “прочитать” ее пугали. Мактар только поймал взгляд преобразовательницы на дверь, как та захлопнулась, стоило ему дернуть пальцами.

— Альхэ... Аль, послушай меня, пожалуйста.

— Ты, — она еще раз посмотрела на сцену под землей, перевела взгляд на жреца и опустилась на лавку, потирая висок. — Вы сговорились, да? В какой момент Антар узнал, что Макху использует любой повод?

— Почти сразу после новостей из Керэн-Лэ. Он не стал тебе говорить, но я думаю, что могу тебе рассказать, сейчас это уже ни на что не повлияет. Макху тогда вызывал его к себе, сначала лил в уши наигранные соболезнования, заговорил про утрату дара для мира.

— Кого-то подкладывал? — Альхэ старалась держать себя в руках, даже глаза прикрыла, чтобы максимально сосредоточиться на словах жреца.

— Просил кровь и магический слепок. Колбы. Антар отказался, еще и наговорил гадостей, ткнув носом в то, что его “полулюдки”, это не мои слова, это цитата, с ними не справятся, а всех химерологов, на это способных, он или выдавил из Башни, или направил против себя, или избавился от них... А сегодня...

— А сегодня эти смертные так вовремя подвернулись... Ну да, проще полукровку воспитать под себя, чем с Дженталь договориться. Я даже не знаю, хочу ли я видеть, — она махнула рукой в сторону плиты.

— Погасить? — привстал он, но сел обратно, когда Альхэ покачала головой. — Что делать будем?

— А что остается? Ждать. И надо будет проследить, перехватить ребенка раньше, чем Макху.

Антар все-таки приоткрыла глаза, когда метку начало жечь. Если постараться, можно перестать различать в летящей вниз фигуре, сгорающей от излишка магии, одно из самых близких существ. Слез не было, внутри просто расплзалась злая грызущая пустота. Всего этого было слишком много для нее одной. Может, преобразователям и правда лучше уйти в ничто? Раз уж они начали сами себя уничтожать?

Где-то в лабораториях в этот момент погасли плетения, поддерживающие жизнь заложенного в колбы нового поколения преобразователей. Один из наблюдателей помчался к Макху, а Альхэ опустила голову на плечо Мактара, закрывая глаза. Она слишком устала. У нее больше нет сил и желания как-то влиять на жизнь вокруг. Даже пытаться не хочется. Если все вдруг решили скатиться во тьму к Безымянной — туда им и дорога.

*

Альхэ оторвалась от бумаг на столе и посмотрела в окно. Глаза от солнца болели страшно, щебет птиц раздражал настолько, что она выпустила Чайку поохотиться. Придумывать ей какое-то имя она так и не стала, все равно зараза отзывалась на что угодно, на любой оклик ее голосом. Премерзкий нрав птицы впервые радовал, трупки незадачливых птичек та закидывала в окно Макху, иногда частично обглаживая. Тот злился, но понимал, что требовать от Альхэ круглосуточного контроля над случайным созданием — глупо. Выставлять себя еще и идиотом он не хотел. Репутация и без того пошатнулась, когда никто не смог активировать колбы. Альхэ только руками развела — голой мощи-то ей и хватило бы, но принцип работы с ними мать не успела объяснить. Камень в огород старшего преобразователя уловили даже присутствовавшие при этой сцене случайные люди.

Кто-то успел шепнуть Мере о том, кто так открыто хамил его благодетелю — и увещевания Мактара тут не помогали — так что смертный в какой-то момент решил с ней заговорить. Земля успела просохнуть после схода снега, а Альхэ — замучать себя попытками довести химеру-няньку до идеала. За Мите, той самой сестрой Мере, она согласилась приглядывать только с одной целью — не дать Макху получить собственного менталиста. Девушка была тихая, беспроблемная, хотя новость о значительно более долгой беременности сначала повергла ее в шок. Антар тогда после первой встречи сидела у озера, пытаясь разобраться с тем, что она чувствует по этому поводу.

— Выходи, я тебя слышу, — она чуть повернула голову на звук человеческого дыхания.

Мере осторожно вышел из-за дерева, неуверенно приближаясь. В деревне о преобразователях знали, пусть и относились настороженно. Да и гнавшую их из леса Альхэ помнили хорошо, так что ее появление в доме Мере восприняли настороженно. Вот только самому южанину просто кровь из носу нужно было поговорить с мрачной шестипалой девушкой. Хотя бы для того, чтобы убедиться, что сестре с ее стороны ничего не угрожает.

— Альхэ, я...

— К делу и без этих ваших человеческих “Мне жаль”, “Я этого не хотел”, “Я не думал”... Вы в принципе думать не способны.

— Я понимаю, что ты злишься, но...

— Злесь?! — Антар вскочила, шипя гадюкой, которой наступили на хвост. — Я бы с огромным удовольствием вырезала бы всю вашу деревню под корень, до последнего живого существа. Слишком много от вас проблем. Вот только мать не оценила бы такого потакания сиюминутным желаниям. Да и Дженталь с той стороны являться начнут с упреками. Мне твои извинения — что мертвому перевязка раны, можешь не стараться.

— Мите...

— Я вожусь не с ней. Меня ребенок волнует. И если мне для его нормального развития придется забрать твою

сестрицу в лабораторию и там заливать составами и обвешивать заклинаниями — я это сделаю.

Дальнейшую попытку разговора прервал пронзительный крик над лесом. Альхэ и Мери сорвались с места, практически сразу находя кричавшую. Ею оказалась та самая белобрысая девчонка, которую когда-то не дал ей задрать Мактар. Сейчас, на ясную голову, она четко видела, что той было лет пятнадцать или немногим больше, просто в запале им обоим показалось. Сцена была красноречивей некуда, и оба — преобразовательница и смертный — передернулись, явно думая об одном и том же. Только Мери их еще и узнал:

— А сын твой знает, что ты его невесту в лес потащил?

Мужчина обернулся на голос и дернулся, рассмотрев преобразовательницу рядом с окликнувшим его жужанином. Альхэ раздраженно покачивала хвостом, ощущая, что начинает звереть, даже тихо недовольное ворчание уже издает, как потревоженный хищник.

— А тебе-то что? То ты не знаешь, что она постоянно в лес бежит. Спуталась, небось, с этими, шестипалыми, — он кивнул на Альхэ. — Тьфу, выблядки.

Антар ударила быстрее, чем успела осмыслить. Нервы и так были на пределе, гнев требовал выхода, а тут такой повод. Мужчина хекнул, сгибаясь. Восприятие уловило испуганный вздох слева, заставивший отвлечься и снова взять себя в руки. Преобразовательница отвернулась, не слушая подбежавшего Мери, уже сосредоточившись на своей несостоявшейся добыче. Посмотрела на изодранные бледные ноги, явно убежала в лес как была, слишком легкое платье. Глаза горят, как у загнанного зверя, хотя, почему “как”? Радужка карих — странно для блондинки — глаз на миг блеснула расплавленным золотом, пусть и не так ярко, как у обоих Дженталь.

— Что, добыча, вот мы и снова встретились?

— Я же говорил, спуталась с...

— Знаешь, — хвост из зачарованного металла порадовал Альхэ, резко удлинившись и теперь опутывая смертного от живота до горла, — я ведь могу тебя придушить прямо тут. Стала свидетелем отвратительной сцены, зацепило за больное, перестаралась, отбивая девочку. И даже ни слова против правды не будет.

— Я подтверждаю. Что? — пожал он плечами под удивленным взглядом Антар. — Недомолвка — еще не ложь.

— Не надо, — поняв, что ее шепот не расслышали, блондинка повторила чуть громче, — оставьте его.

Преобразовательница внимательно посмотрела на свою “добычу”. Пусть она не менталист, но читать мысли смертных — много таланта не надо, так, чуть-чуть приложить усердия при обучении. А Антар очень старался вложить в нее сей полезный навык. Девчонка просто боялась, что ее объявят причиной смерти и сживут со свету. Но Альхэ заинтересовало другое, где-то под этой трясущейся шкуркой пряталась искра звериной мстительности, словно дракон, затаившийся в самой глубокой пещере.

Вспышку в голове Мактар бы назвал мыслью Безымянной, а другие — случайным предвидением. Предсказаниями будущего преобразователя не увлекались, считая, что следует творить свою судьбу самостоятельно, но иногда случались вот такие спонтанные взгляды через время. Нужно было только правильно их истолковать. Для увиденного у Альхэ была только одна трактовка, а потому она легко согласилась:

— Хорошо. Но ты уйдешь со мной.

Тут на ней скрестились взгляды, а спину обожгло неверие Мактара, подкравшегося к ним из леса. Впрочем, через мгновение тот коротко хмыкнул, видимо решив, что не стоит слишком сильно стараться понять, какими путями ходят мысли в голове Альхэ. Менху, недавно начавший возвращать себе прежнюю язвительность, как-то заметил, что тот приравнял мышление Аль к чему-то вроде божественного замысла: вникать даже не пытаться, просто следовать и смотреть, куда их выведет выбранный путь. Жрец вообще с приездом на север стал редким фаталистом.

— Я, — она запнулась, посмотрела на свекра, теперь уже несостоявшегося, скорее всего, и выдохнула. — Хорошо.

— Выбираешь меньшее из зол? — не могла не поддеть Альхэ, заметившая взгляд.

— А ты зло?

— Если не давать ей высыпаться, не кормить и мешать ковыряться в лаборатории — то да, — Мактар все-таки подошел ближе. — У вас какие-то вопросы, уважаемые?

Мери замотал головой, не желая связываться уже с двумя нелюдями, выразительно показал кулак своему “собрату по несчастью” и поспешил откланяться, уволасывая неслучившуюся жертву Антар за собой от беды подальше. Преобразователи посмотрели на переминающуюся с ноги на ногу девушку, и Альхэ стянула с себя плащ, полностью скрывший фигуру “добычи”.

— Пойдем, Энху.

— Но меня зов...

— Теперь тебя зовут так. А прежнее имя останется здесь, под этим деревом. Пойдем, не хватало мне еще твоих болезней.

Энху послушно пошла за преобразовательницей, стараясь подстроиться под ее шаги, но выглядело со стороны

словно котенок под ногами у дворового пса вертится. Мактар задумчиво посмотрел им в спины и поспешил догнать, решив, что поговорит об этом с Альхэ потом. И о выборе имени в том числе, “подарок”, надо же такое ляпнуть, иначе не скажешь. Хотя, если возня с этой смертной хоть немного оживит Аль и заставит ее вылезать из лабораторий чуть чаще — пусть. В конце концов, век людей невелик. Вот только с Альхэ станется найти способ продлить ей жизни. Или... он моргнул, вспоминая видение в тенях храма во время очередной молитвы. Человеческий силуэт перетекающий в нечто крылатое, похожее на мифических драконов или на тех крылатых ящериц с витражей. Неужто она задумала разумную химеру? После такого она одним вживлением ограничителей не отделается...

*

— Они так смотрели, — протянула Энху, когда Альхэ загнала ее в каменную чашу с нагретой заклинанием водой, стоящую в отдельном закутке в ее комнате.

— Не все ли равно? Макху будет молчать, иначе выйдет, что сам себе противоречит, а остальные не рискнут гавкать без команды. Было бы больше старших живо — может и повозмушались бы. Так что, что хочу, то и делаю, — Анктар принялась распутывать длинные светлые волосы, потому в голосе сквозило раздражение, процесс шел туго. — Ты мне лучше расскажи про ваши интересные отношения с этим... которого Мери увел, тьма великая, я его имя не забыла, что ты будешь делать...

Вместо ответа Энху сжалась в клубок еще сильнее, прижимаясь лбом к коленям. Альхэ отвлеклась от особенно упрямой пряди и посмотрела на свою теперь уже подопечную, а не “добычу”. Сложила в кучку все, что знала. Мысленно взвыла, потому что мягкие слова и утешения были уделом Райтаны, сама она чувством такта не отличалась, собственные тревоги и печали также старательно загоняя вглубь, под упрямое “Не дождетесь, еще спляшу по вам”, иногда выплескивая все это во время срывов. Но все же предпочитала злые шутки и планы мести, чем самокопание и слезы. Даже тогда, после того как Антар... она тряхнула головой. Не время. Начнет думать — расслабится, расслабится — что-то упустит из виду и очнуться не успеет, как ввяжется в очередную неприятность или упустит новый выбрык Макху. Потом. Когда-нибудь потом она обо всем подумает А сейчас надо делать. Как там хоть делают, когда утешают? Что делали Антар и Райтана, когда Альхэ снова одолевала непонятные ей чувства? Кажется...

Она неловко приобняла Энху за плечи. Кажется, вот так, сочувствующе, она обнимала только Антара в тот последний день, да маленьких Менху и Райтану, и то выходило не очень, она постоянно чувствовала себя неуместной. Какой-то неживой и неправильной, бесчувственной даже на фоне сородичей, которых люди вечно упрекали в бессердечности. Но, кажется, этому запуганному мокрому зверьку хватило и этого.

Погладила по светлым волосам, нутром ощущая, что нужно что-то сказать, вот только что? Прекрасно ведь знает, что в ее исполнении все будет звучать несколько фальшиво. А вот...

— Хочешь, я помогу тебе ему отомстить?

Энху резко подняла голову, заглядывая в лицо Анктар, едва не попав затылком преобразовательнице по лицу. Щеки коснулись холодные пальцы, заставляя наклонить голову в попытке отстраниться. Понимая, что преобразовательница ждет ответа, она все-таки глубоко вдохнула, но следующей фразы не ждала:

— Я не тороплю. Подумай хорошо, потому что это риск. Обещать, что все пройдет гладко и без последствий я не буду.

— Звучит так, будто я продаю душу очень честному демону, — она покраснела под пристальным взглядом.

— Ну, я хотя бы честный, — хмыкнула Альхэ. — Давай, сейчас закончу с твоими волосами и вылезешь. Спать будешь у меня, здесь других вариантов нет. Кровать у меня широкая, так что места хватит.

— Уместно ли...

— Уместно. Она и не такое переживала, поверь. На ней и впятером просыпались, так что все нормально.

Альхэ ненадолго вышла, откопав на дне сундука что-то из своих старых платьев. Надевала она их от силы раза два, едва ли не в детстве, похоронив под остальной одеждой, а теперь вот нашлось для них применение. Заглянула к Энху, оставила на полке сверток одежды. Отошла к окну, рассматривая темнеющее небо, прикрыла глаза. Ей еще предстоял тяжелый разговор с Мактаром, и лучше не оттягивать неизбежное. Бросив Энху, чтобы та не ждала и ложилась спать, Аль выскользнула за дверь.

Жрец нашелся в главном зале храма. Наклонив голову к плечу, Мактар рассматривал алтарную статую, на губах которой сегодня играла лукавая усмешка. Преобразовательница подошла ближе, тоже всматриваясь в лицо божества. Поежилась, когда увидела знакомый взгляд, этот материнский “я-знаю-что-ты-задумала-мне-но-делай-если-хочешь” взгляд. Рейта Анктар так смотрела, когда Аль снова отправлялась искать себе приключения или решала порадовать мир какой-нибудь безумной химерой.

— И зачем тебе она? — без приветствия начал жрец.

— У меня было предчувствие. Я видела огонь, в котором метались люди, но Башню он обходил. А еще... этой мой шанс превзойти их всех. Встать на ступеньку выше, чтобы больше никто не смог говорить мне, что делать, —

когда она повернулась к Мактару, глаза возбужденно блеснули.

— Если ты сможешь отбиться от всех разом... Макху тебя сожрет. Да и разумные химеры, насколько я знаю, под запретом, разве нет?

— Рискованно, если сил у тебя мало. Насколько я знаю, запрет ввели, когда кровь слишком сильно разбавили. А я потяну. Мак...

— М? — он все-таки отвел глаза от Безымянной и теперь наблюдал за едва заметной сменой эмоций на осунувшемся лице Аль. — Что?

Вместо ответа она обвила руками шею жреца, прижимаясь к нему. Рука Мактара дрогнула, когда он неловко погладил горе-химеролога по спине. Кажется, слово “горе” действительно могло идти рядом с Аль, оправдывая ее имя. Чем только Рейта думала... Альхэ, “черный хмель” или “полынный хмель”, “чаша печали”, может, рассчитывала, что дочь станет напастью для окружающих? Но пока выходило так, что на саму преобразовательницу неприятности сыпались одна за одной. Жрец старался не думать о прожигающем кожу взгляде со стороны алтаря, когда крепче сжал объятия, отдавая Альхэ свое тепло. Та все чаще мерзла.

Идея с разумной химерой ему не нравилась. Жреческое воспитание вопило о том, что это уже вторжение в область божественного. Хотя... Он снова перевел взгляд на статую Безымянной. Виттор Анктар. Может, Альхэ и не стоит мерить общей меркой? Четкого желания помешать со стороны богини он не ощущал, скорее, любопытство. Значит, и ему не следует лезть в планы Аль. Пусть. Если у нее получится — можно будет дополнить сюжеты витражей. И, наверное, добавить преобразователям еще одно маленькое темное божество.

А Энху... Нет смысла что-то загадывать раньше времени. Он разберется с ней позже. Пока взявшая себя в руки Альхэ слишком намекающе подцепляет пальцами край ворота, да и взгляд в сторону спрятанной в темном углу двери был брошен однозначный. Мактар увлекает ее за собой, отгоняя все серьезные мысли. Не сейчас.

— Занят? — Мактар поскребся в дверь лаборатории.

Дунха неопределенно махнул рукой, отрываясь от расчетов на столе и нашел взглядом жреца. Моргнул, выслушал вопрос еще раз. Кивнул на стул, прикрывая покрасневшие глаза. Задачку Альхэ задала... На стыке алхимии и химерологии. Если бы ей был нужен материал для артефакта — пожалуйста, но продумать основу накопителя, который будет и забирать энергию из внешней среды, и отдавать ее живому существу, при этом не мешать его жизни.

Граничащая с безумством идея Аль ему не нравилась, но отказаться от новой задачки, от возможности сделать что-то новое Дунха не мог. Да и Альхэ не отступилась бы после первого отказа, уверенно выедавая мозг по извилине в час. Губы дрогнули в намеке на улыбку, вроде бы давно знакомы, он привык к ее характеру, должен уже стать невосприимчив к ее уговорам, но отказать было выше его сил.

— Если ты пришел искать моей помощи в отговаривании Аль — я тебе сразу дам ответ. Это бесполезно. Свернуть ее с намеченного пути могли двое: мать, прямым запретом, и Антар с долгими убедительными речами.

— Мне не нравится все это.

Мактар присел за стол, но руки класть на столешницу не рискнул, Альхэ отучила вообще что-либо трогать в лабораториях без разрешения, отравив стол. Не специально, просто расплескала какую-то гадость, прошлась по ней потоком магии, пытаясь счистить, но только закрепила в столешнице. Менять привычное рабочее место не хотела, у себя и всех друзей невосприимчивость к нему выработала, пусть и не сразу, так и оставила. Мактар узнал об это позже, когда бранящаяся под нос Альхэ пыталась что-то сделать с его немеющими руками, костеря всех жрецов разом. Ну не виноват он, что вся магия в него проваливалась как в бездну. Но все-таки у Анктар получилось. Жрец тогда только словами мог ее утешать, и то мысленно. Она ругалась, просила не тратить силы и вообще помолчать.

— Ты про человечку ее?

— Да это меньшее зло, — отмахнулся жрец. — Про новую ее идею... Я боюсь того, чем это может для нее закончиться. Я не спорю, она сильная, жутко сильная, но и на драконов толпой ходят. И побеждают.

— Подавятся. Рейта Анктар под завалами без магической подпитки протянула почти месяц, и чтобы зацепить ее пришлось уничтожить целый город.

— Макху, кажется, не очень хорошо относится к людям в целом, особенно к южанам. Слова-то говорит красивые, но слова без действия мертвы. Не думаю, что он устроил ради одной только Рейты...

— Ты просто кое-что не застал. А Аль не помнит или отмахивается. Хотя... может быть и не видела, Виттор очень огораживала внучку от скандалов. И повлияла на нее сильнее, чем мать. Это, — он с силой потер руками лицо, — очень сложно описать. Я сам в своих воспоминаниях не уверен, с вами, жрецами, ни в чем быть уверенным нельзя.

— Может расскажешь? Я и жреческие архивы успел вскрыть, так что...

Дунха каким-то новым, непривычным взглядом окинул жреца, невольно признавая, что все-таки где-то в глубине души продолжал его недооценивать. Впрочем, он был уверен, что все дело во влиянии Антара, с которым южанин удивительным образом нашел общий язык. Может, в силу схожести дара и проблемы с чужими громкими мыслями, может, из-за Альхэ.

Альхэ. Все снова упиралось в нее. Когда на детском этаже появилась вспыльчивая драчливая девчонка, он только плечами пожал. Родители аккуратно подталкивали детей к нормальному общению друг с другом, хотя у самих отношения были скорее дружелюбно-ровными, ровно до тех пор, пока они сходились во взглядах. А вот с Аль они сошлись совершенно искренне, у дружбы был самый прочный фундамент, какой только встречается у живых существ. Они дружили против Триа, старшей сестры Эттера. Такой же невыносимо рыжей как и сам алхимик, но обладавшей гораздо более вспыльчивым характером. В первый же день в “новом обществе” Альхэ ввязалась в драку. Ладно, будем честны, элементарно избивла не понравившуюся ей языкастую девчонку. Оттаскивали от поверженной противницы ее вдвоем, Дунха и Антар, успевшие немного сойтись.

Макху ругался, читал мораль, прекрасно видя, как закатываются глаза у маленькой преобразовательницы, пару лет как покинувшей колбу и месяц как отделившейся сознанием от матери. Тогда он не понимал, почему Рейта была так рада, приводя дочь сюда, сейчас только усмехался: да уж, два года следить за каждой мыслью, чтобы раньше времени не научить ребенка плохому. Макху же после долгой речи махнул рукой, пробормотав что-то вроде “Типичная Анктар” и невольно потер челюсть. А потом в жизни внучки начала принимать участие Виттор Анктар, как раз вернувшаяся из долгой поездки на юг.

Дунха мотнул головой, отгоняя воспоминания, но Мактар воспринял действие на свой счет, пожимая плечами. Лезть в душу он не собирался, все-таки даже пойманные поверхностные воспоминания были достаточно интересны и давали пищу для размышления. Решив не докучать алхимику, Мактар попрощался.

— Аль, мы можем погов... человечка? Ты серьезно? Тебя мой отец покусал? Эта зараза только так передается, я иного варианта не вижу! — Эттер закрыл дверь, прислоняясь к ней спиной, словно не хотел никого выпускать из комнаты.

— Да, Энху, знакомься, это Эттер. Он немного грубиян, но в целом с ним можно общаться. Хотя алхимик из него...

— Ты меня вообще слушаешь?! — прошипел преобразователь, толкая дверь и проверяя, достаточно ли плотно она закрыта, сомкнулось ли заклинание.

Альхэ прикрыла глаза, хотя сидящая рядом Энху прекрасно видела, что та сначала их закатила до белков, и повернулась к неожиданному посетителю. Пожевала щеку и все-таки посмотрела на Эттера. Тот сверлил взглядом то ее, то сидящую рядом с преобразовательницей смертную. Энху поежилась, незаметно для самой себя отползая за спину Альхэ.

— Мы можем поговорить одни?

— Тьма великая, да как же вы мне все уже надоели со своими разговорами! — вдруг вспыхнула Анктар, из-за чего Энху с тихим взвизгом откатилась назад, путаясь в покрывале. — Нельзя! Хотите поговорить — друг с другом разговаривайте, хоть все кости мне перемойте, а я ваше мнение о том, что я делаю, знать не хочу! Все! Иди отсюда!

Дверь распахнулась в коридор по желанию хозяйки комнаты, Эттер успел только сгруппироваться в падении, но обратно уже не мог попасть. Раздраженно сплюнул, когда Альхэ никак не отреагировала на стук в дверь. Махнул рукой. Надо искать жреца, может тот своей бешеной ум на место вернет. Совсем все вокруг помешались с этими людьми...

Анктар откинулась на спину, рассматривая высокий потолок. Где-то над головой отчетливо колотилось сердце испугавшейся ее вспышки Энху. По-хорошему, следовало бы ее как-то успокоить, люди — существа нервные. Да, надо собраться.

Вот только прежде, чем Аль подобрала какие-то подходящие слова, ее осторожно, едва ощутимо погладили по волосам. Энху опустила с другой стороны кровати, едва не утыкаясь лбом преобразовательнице в плечо, и, рассматривая видимую из такого положения часть лица, неуверенно перебирала длинные пряди. Альхэ выдохнула, напряженные плечи расслабились, лицо перестало напоминать злобную гримасу. Через несколько минут, дыхание выравнилось и Анктар, наконец, посмотрела на ожидающую ее реакции блондинку.

— Напугала?

— Немного. Не больше, чем, — она замаялась, выбирая слово.

— Я поняла. Постараюсь держать себя в руках. Пойдем? Покажу, что я придумала для тебя.

Энху вскочила с кровати, забывая про спеленутые покрывалом ноги, и едва не упала, но была подхвачена Альхэ. Преобразовательница беззлобно усмехнулась, буквально вытряхивая человечку из ткани, та неуверенно улыбнулась в ответ, следуя за своей спасительницей на неприметную лестницу за углом. Можно было бы спуститься и по более удобной основной, но даже Аль не хотелось лишний раз дразнить нервных соплеменников, так что приходилось протискиваться по узкому проходу, едва не ломая ноги на крутых ступеньках, и то и дело ловить Энху, для которой путь был еще более сложным.

На нужном этаже Альхэ прокусила палец, мазнув кровью по стене. Толкнула ногой дверь, заходя в материнскую лабораторию, из которой ее так и не смогли выселить после смерти Рейты. Можно было бы и в своей, но защита там была не самая лучшая, да и пространства маловато. Не говоря уже про то бесконечное множество мелочей, которое делает жизнь преобразователя более удобной, особенно жизнь химеролога, работа которого требует условий и пространства. Энху замерла у входа, рассматривая огромные емкости, в которых в мутной, слишком густой для обычной воды, жидкости плавали незнакомые ей животные. Не удержавшись, пока Альхэ отошла куда-то за перегородку, она подошла ближе и постучала ногтем по прозрачной стенке. Животное открыло глаз, точно рассматривая свою будущую “добычу”. Даже пасть приоткрылась, от движения пошли волны, вязкая жижа плеснула на ноги, привлекая внимание Альхэ.

Анктар выглянула из-за ширмы, за которой переодевалась в рабочую одежду. Не удержалась и гаденько захихикала, чем вогнула в краску Энху, у которой даже шея стала пунцовой.

— Он не тронет, это нянька.

— У преобразователей бывают дети? — удивилась блондинка, разворачиваясь к Аль.

— А как мы, ты думала, появляемся? Понятное дело, что никто их сам уже не рождает несколько тысячелетий, но в колбах-то мы потомство выращиваем. Я потом тебе покажу, если Мактар нас пустит. Хотя и ему будет полезно узнать что-то новое.

— Это ты сделала?

— Мама...

Голос неожиданно сел, а когда Энху повернулась к ней, удивленная настолько обычным словом, еще и ком в горле возник. До этого Альхэ старалась не слишком часто заходить к заготовкам и недоделкам, плавающим в

огромных аквариумах и лежащим под заклинаниями. Можно было обмануть себя, мол, просто очередные проблемы в обмене посланиями с южанами, такое бывает, не слишком часто, но регулярно. Вот только...

Она посмотрела на записи, которые так и остались лежать на своих местах — просто не хватило сил их куда-то переложить, убрать подальше. Как-то все это время она работала в “приемной” части лаборатории, там и стол был достаточно большой, и света хватало, нормального, не бьющего по глазам. Альхэ подошла к аквариуму с нянькой, опустила пальцы в вязкий состав. Химера ткнулась кожаным носом в руку, наверняка бы заурчала, как довольный кот, но не могла.

— Альхэ?

— Да? — преобразовательница бездумно погладила по мокрой шерсти приподнявшуюся над поверхностью морду. Она еще не живая, убери Аль пальцы из воды и магия перестанет подпитывать химеру. Иллюзия жизни исчезнет.

— Что с ней случилось?

— Люди. На юге слишком им доверяли, вот и поплатились. Рейта Анктар просто оказалась не в том месте и не в то время.

— Так изящно ускользнуть от деталей, но и не соврать, могла только ты, — Мактар прикрыл за собой дверь. — Что? Доступ у меня никто не забирал. Тем более, если мне предстоит иметь дело с последствиями твоей выдумки, то хотелось бы знать, что меня ждет. Показывай.

Альхэ промолчала, только плечи дернулись, выдавая смешок, почти наверняка — нервный. Потом все-таки кивнула на пустую стену, с которой медленно сползала маскировка, обнажая фрагменты расчетов и рисунки. Взгляд Энху невольно зацепился за один, с крылатым зверем, похожим на дракона из сказок. на фоне которого был нарисован человеческий силуэт, чтобы передать размеры. Мактар подошел ближе к рисунку, перевел взгляд на Энху, сравнил изображения.

— Мне кажется, ты переоценила ее возможности. Ты от чего ее подпитывать будешь?

— Это на перспективу, когда свои каналы сформируются, пойдет рост... Энху, кто у тебя из родственников, ты говорила, был с примесью-то? — Альхэ одновременно что-то подчеркнула в записях.

— Это не точно, но, — замялась та под взглядом жреца, понимая, что сейчас за Аль спрятаются не выйдет, — говорят, что основатель Хиллоки был изгнан отсюда, а семья отца вела отсчет поколений от него, и...

— Был такой, в архивах упоминается, — кивнул Мактар на внимательный взгляд Альхэ. — Даже больше скажу, какой-то твой родственник.

От какой-то странной надежды во взгляде Энху у преобразователей на миг сжалось сердце. Пробрало в основном Мактара, успевшего наступить Альхэ на ногу прежде, чем та успела придумать, какую колкость сказать, чтобы осадить человечку. Анктар сжала зубы, но быстро взяла себя в руки: не время портить отношения. Ни с жрецом, ни со смертной. Тем более, что если все получится, то жить бок о бок им до скончания дней. А уж если быть до конца честной, то вот такое неожиданное родство, пусть и очень дальнее, случилось вовремя.

Альхэ на миг прикрыла глаза, по метке кидая Мактару “Спасибо”, и повернулась к записям, в деталях разясняя Энху, что той предстоит. Даже аквариум с заготовкой под крыло выкатила. Мактар посчитал выемки под накопители и мысленно посочувствовал Дунха, которому предстояло их создавать. От размышлений отвлекло урчание чужого желудка, крайне отчетливое для нечеловеческого слуха.

— Увлеклись, да... Пойдем вниз, — Альхэ подумала и неуверенно дополнила, — если ты готова спуститься к остальным?

— Думаю, да...

“Да ты очеловечиваешься с невероятной скоростью”, Мактар едва ощутимо коснулся шестипалой ладони, заставляя Анктар остановиться и посмотреть прямо в глаза.

“Меня больше удивляет, что ты не ревнуешь. Она мне может и родственница, но крайне дальняя, а у моих родителей родство было значительно ближе, да и слухи про меня ходят самые разные”, она приблизилась вплотную, заглядывая в глаза.

— Если я вам мешаю, я могу там подождать, за дверью...

— Все хорошо, пойдем.

Мактар покачал головой и первым вышел в коридор. Кто бы что не говорил, а первое правило жрецы соблюдают неукоснительно. “Никогда не думай, что твое божество принадлежит только тебе”. И пусть Менху считает его помешанным фанатиком, особенно после того, как во время неожиданного прихода застал возведение малого алтаря в одной из ниш. Рассказать ему обо всем Мактар не мог, так что в ответ получил только полный недоумения взгляд и однозначный жест у виска. Жреца это не задело.

А сейчас он шел на шаг позади, погруженный в свои мысли. Все-таки не зря заглянул именно сюда. Думается, алтарной статуе не помешает дракон.

*

— Ты хорошо справляешься.

Энху невнятно угукнула, устраиваясь под боком у Альхэ. За эти несколько недель к преобразовательнице она почти привыкла, хотя и пришлось объяснить самой себе, что постоянные резкости не от дурного характера идут. В своей голове она сравнивала Аль с выброшенной собакой, которая долго бродила где-то, а теперь пытается научиться жить рядом с людьми.

— Я обещал себе и ей, что ревновать не буду, но... нет, ты видел, каким взглядом она на нее смотрит?! — прошипел Мактар, от колонны наблюдающий за залом.

— У тебя такой же взгляд, если ты не замечал, — Менху нехотя отвернулся от помоста и пробормотал под нос. — Фанатики несчастные...

Макху все-таки дал преобразователям устроить поминальный праздник, пусть и омраченный тем, что “спящие” не могли в виде теней присоединиться к ним. По крайней мере, те, кого не удалось вытащить из поврежденного склепа. А вот отчетливый силуэт Антара на одной из стен алхимик разглядел спокойно. Раздраженный взгляд жреца превосходно игнорировался, Альхэ снова выглядела ожившей, а старший брат все-таки выполз из лаборатории — нет ни одной причины, чтобы не радоваться. Вот Менху и радовался, пусть и по-тихому, общаться с кем-либо не слишком и хотелось, а компания Мактара его вполне устраивала. Правда, ровно до тех пор, пока жрец не наткнулся взглядом на Энху. К “новой игрушке” Аль все успели попривыкнуть, делая ставки, как скоро той наскучит, и пусть лучше так относятся, если кто-то спросит мнение Менху.

Алхимику и жрецу предстояло отвлекать внимание на себя, когда Альхэ уйдет наверх, работать. Так уж совпало, что именно эта ночь была признана идеальной для первого этапа трансформации. Даже легенду придумали — вернее, чуть исказили правду — Энху пусть на какую-то малую часть, но была преобразовательницей, пробуждение дара при сильно разбавленной крови — редкий случай, но не невозможный. А уж на месте силы и вовсе закономерный. Людей, как считало большинство, Макху именно по этой причине и притащил, чтобы получить преданные лично ему семьи магов. “Пусть развлекается”, пожимали плечами.

— Иди потанцуй, зануда, — Менху вытолкнул Мактара в центр зала, когда метку едва ощутимо обожгло.

И сам направился следом, не находя взглядом Альхэ, даже не понимая, куда и когда она скрылась, хоть и знал о планах. Ухватил по дороге остатки “Черного хмеля” в чьем-то кубке, опрокидывая его в себя — сегодня ему предстоит быть душой компании, а Мактар проследит, чтобы ничего не натворил. И отправит в бессознательное состояние, если что, есть у жрецов приемы, схожие с менталистскими.

Альхэ посмотрела с балкона вниз, мысленно желая удачи, и скрылась в узком проходе, куда чуть раньше уже прошла Энху. Смертную — хоть это и не надолго — трясло от волнения. И предвкушения, что уж скрывать, пусть отдаление от несостоявшихся родственников и сгладило воспоминания, как и грубоватая опека Альхэ, но обида то и дело поднимала голову. Правда, что она будет делать после, Энху пока не представляла. Но преобразователи же находят, чем занять свою вечность? Значит и она сможет. Аль уже начала учить ее читать и обещала провести в библиотеку, помочь выбрать что-то интересное. Так что... начать можно будет и с этого, а потом будет видно.

В лаборатории горел свет, пусть преобразовательнице он был не слишком нужен. Химера-нянька приветственно кивнула с высокой ветки выращенного прямо здесь дерева. Скоро предстояло забирать маленького полукровка из Хиллоки и Альхэ была намерена заняться им сама. Так что работу над защитником для ребенка она заканчивала одновременно с работой для Энху.

— Аль...

— М? — Анктар чем-то зазвенела на столе.

— Зачем тебе все это?

— Ты про себя или про...?

— Все и сразу.

— Как сказать, — она задумчиво повертела в пальцах накопитель. — Если про тебя — мне интересно, где предел способностей у преобразователя, насколько сильно можно разбавить кровь, насколько возможна такая трансформация, а еще...

Альхэ отвела взгляд от Энху, рассматривая свое отражение в зеркале. Сказать или нет? Соврать или нет? С мгновение порассматривала свое абсолютно неподвижное лицо и повернулась к собеседнице, приняв решение.

— У тебя были тогда такие же пустые глаза как у меня, но даже сквозь эту пустоту было видно твое желание отомстить. И вернуть себе свою жизнь. А ребенок... Может я и не любила Антара, так, как должна бы любить жениха, но он был моим близким другом. Самым близким и понимающим из возможных. От Дженталь никого не осталось, возродить семью некому, но я могу сохранить хотя бы этого полукровка, позже провести для него ритуал и не дать уйти в тень еще одной линии чистокровных.

— Почему вы так держитесь за эту чистоту?

— Сила. Слишком велика разница между полукровкой и чистокровным. И между чистокровным — и древним. И если у меня все получится, — со странным возбуждением в голосе выдохнула Альхэ буквально на ухо застывшей

Эн, — то я стану на шаг ближе к предкам. Тебе пока не дано понять, как давит эта разница между тем, что ты можешь, и снами, которые тебе показывают тени первых.

Энху кивнула, делая вид, что поняла, чем вызвала у Альхэ едва заметную улыбку. Преобразовательница кивнула на широкий стол, подкатывая к нему необходимые для работы аквариумы и устраивая сбоку сундук с накопителями. Руки жгло желание приступить, так что в какой-то момент она слишком сильно затянула ремень вокруг запястья своей подопытной.

— Извини. Боли быть не должно, но произвольные движения могут помешать. Лучше позаботиться об этом заранее. Ты же не против?

Получив в ответ отчаянное махание головой, Анктар отвернулась к от стола, стягивая траурную белую рубашу и откладывая одежду подальше, переплела косу потуже, чтобы волосы не мешали. Заперла покрепче входную дверь и потянулась к разуму Башни, впервые пользуясь возможностью потребовать от нее поддержку.

Сознание чуть поплыло, как обычно бывало от избытка силы, но в этот раз получилось удержаться на грани между беспамятством и сосредоточенностью. Сила легко идет через руки, касаясь человеческой кожи, создает еще одну оболочку, которая и будет отвечать за смену облика. Альхэ обеими руками вырисовывает контуры чешуек, нужен лишь небольшой участок, остальное образует сама оболочка.

Энху, кажется, что-то произносит, но слова уже не доходят до разума, слишком быстро преобразовательница погружается в процесс. Увлекается им. Чуть выныривает из этого состояния, когда контуры тела начинают плыть, бросает мимолетный взгляд на планы и принимается лепить новый облик вручную, одновременно усилием воли впечатывая его в магическое тело пока еще смертной химеры. Слух едва улавливает слабый звон, свойственный магическому фону. Губы Анктар медленно, словно нехотя, изгибаются в улыбке. Прекрасно, значит она действительно происходит от одного из них.

Энху с шумом втягивает воздух, когда изменения становятся слишком заметными. Сознание начинает проваливаться в какие-то животные инстинкты, но по нему ударяет строгое «Нельзя», заставляющее подчиниться. Оковы исчезают, жесткая рука раскрывает драконью пасть и буквально запихивает в нее руку, заставляя прокусить. Кровь капает на язык, она пытается отстраниться, но все-таки проглатывает несколько капель, ощущая, как от груди словно веревки протягиваются. В голове наступает ясность — кожу слегка обжигает, она пытается посмотреть, почти пугаясь в непривычных лапах, но получает легкий щелчок по носу:

— Не лезь, потом покажу. Можешь попытаться поспать, время уже далеко за полночь.

Дракон, пока еще небольшой, удивленно мотает головой — приши они сюда немногим позже заката. Кажется, в ходе работы потеряли счет времени. Складывает голову на лапы и дает Альхэ возможность спокойно приживить накопители на каждую из чешуек

— Просыпайся. Ты молодец.

Энху с трудом открыла глаза, мимоходом отмечая, что солнце уже клонится к закату, она, кажется, проспала весь день и теперь не совсем понимает, что вообще вокруг нее происходит. Голову словно кашей набили, но ничего не болит, в теле удивительная легкость, ей казалось, что чувствовать себя она будет отвратительно. К счастью, этого не случилось.

Стоило химере сесть, как на ней скрестились взгляды Мактара, Дунха и Менху, пришедших посмотреть на исход работы. У жреца было какое-то совершенное непередаваемое выражение лица, вызывавшее усмешки от остальных. Альхэ смотрела на их переглядки, закатывала глаза до белков и отмахивалась от попыток подколоть. Преобразовательница повернулась к столу, смахивая с него остатки рабочих материалов. Энху дернулась, вспоминая россыпь мелких кристаллов, потянулась пощупать спину, но та была абсолютно гладкой, словно с ней ничего и не делали.

— А в человеческом облике ничего и не будет заметно. У тебя только глаза цвет поменяли. Сегодняшнюю ночь и утро потратим на восстановление, а вечером до деревни пройдемся. Кажется, срок уже подошел, да и метка однозначно отзывается...

— Ты серьезно хочешь забрать ребенка сама? Не думаешь, что Макху это не понравится?

— А мне есть какое-то дело до того, что ему понравится, а что нет?

— Аль, — Дунха примирительно коснулся ее спины, — я все понимаю, но ты выложились полностью. Тебя я сейчас скручу играючи, да что я — тебя Инар уложит...

Анктар с грохотом опустила поднос с инструментами, резко разворачиваясь к алхимику. В какой-то момент всем показалось, что она его ударит, но та только зарычала, снова отворачиваясь. Обидно. Но доля правды есть. Руки от усталости тряслись, до еды она тоже не добралась. Истощение было заметное, просто плотным ужином такое не закроешь. А вот... Она подняла взгляд на Мактара, но тут же отвернулась к алхимикам, попросив их помочь Энху устроиться, проводить ее до комнат Аль. Даже прямой путь им открыла. Проследила.

— Мактар...

— Да? — жрец сам подошел ближе.

— Мне нужна кровь. Не мог бы ты...

— Запястье или шея? — с готовностью отозвался он.

— Шея, — выдохнула Альхэ, у которой перед глазами уже темные пятна поплыли.

Мактар помог ей сесть на пол — на самом деле, просто не дал на него рухнуть — и устроился рядом, ослабляя ворот и наклоняясь ближе. Свойственные хищной форме клыки укололи кожу, но практически безболезненно. Только когда в плечи вцепились ледяные пальцы, а клыки впились глубже, Мактар ощутил укус. А вот урчание ему явно показалось, тем более, что Альхэхватило нескольких глотков, после которых она откинулась, прижимаясь затылком к стене. Взгляд стремительно ясенел.

Преобразовательница с хрустом размялась, по стене дошла до зеркала. Скривилась при виде наполовину белой головы и пожелтевших глаз. Не удивительно, что ей так хотелось крови, спасибо, что в инстинкты не скатилась. Хотя, это странно, при таком внешнем виде она должна была скатиться в инстинкты. Задача, но ее решение Анктар поищет потом, когда будет больше свободного времени. Жрец маячил за ее спиной, нервируя взглядом в отражении, слишком пристальным, слишком внимательным.

— Альхэ, — теплые пальцы прошли по шее.

— Я пойду спать. Завтра тяжелый день...

— Как скажешь, — рука исчезла, — тебя проводить?

Неопределенное движение плечом он все-таки принял за согласие, тем более, отпускать Альхэ одну на узкую крутую лестницу было страшно. Нелепая вышла бы смерть. Кстати, о несовместимых с жизнью травмах у преобразователей он не слышал. На вопрос Аль хмыкнула. Она тоже, кроме случаев с алхимиками, но и тем гореть нужно было достаточно долго. Менталисты чаще счеты с жизнью сводили сами, уставая от постоянного давления на сознание. Химерологи... эти вообще отличались огромной жаждой жизнь и практически полной неубиваемостью, при должной подготовке и запасе силы отращая себе конечности даже в бою. Правда, таких были единицы.

Но, утешила она себя, монстрами от химерологии не сразу становятся, так что у нее вся жизнь впереди. И Энху — прекрасный первый шаг на этом пути. Даже нестабильность магии, скорее, следствие истощения, ведущего к скачку резерва, все-таки она пропустила через себя достаточно много занятой у Башни энергии. Альхэ остановилась на миг, сладко щурясь от открывающихся перспектив. Определенное, будущее начинает играть яркими красками.

*

— Зачем ты здесь? — прошипел Мери, увидев рассматривающую закатное небо преобразовательницу.

— Хочу сделать гадость Макху. И ты мне в этом поможешь.

— Нет...

— А я не спрашивала. Ты и так жив остался по моему большому одолжению. А я ведь могу вспомнить про месть.

— Этот твой желтоглазый и так, — он взмахнул рукой в запале, но ничего не успел сказать.

— Месть Антара мы засчитаем за его сестру. Но помимо Райтаны в уничтоженном вами Керэн-Лэ была моя мать. А уж сколько там было жрецов, которые тоже являются преобразователями... И отбиться вам сейчас нечем — Макху материалы не дает, это я знаю точно, а в наших местах их найти не выйдет. И я вот думаю, может, мне отомстить за всех разом?

Глаза у преобразовательницы были желтые, но не ясные, как у покойного менталиста, а совершенно звериные. Она прекрасно понимала, что здорово рискует, выходя из Башни в таком состоянии и тем более приходя сюда, но не могла себя удержать, да и не хотела.

Закат был ал. Альхэ, прищурив глаза, могла рассмотреть первые языки пламени на другом конце Хиллоки, прекрасно зная, откуда те взялись. Энху все-таки молодец, умная девочка, учится быстро. Она, конечно, тоже постаралась, закладывая своей химере какие-то базовые рефлексy, чтобы та в лапах не путалась, да и обращение нужно было подтолкнуть только в первый раз. Идеальный результат, прям как по книжке.

Крик из дома отвлек Мери, чем Анктар и воспользовалась, наконечник взметнувшегося хвоста прошил позвоночник. Запахло кровью, когти преобразовательницы стремительно удлинились и темнели. Ни одна ступенька под ногой не скрипнула, суетящиеся люди не заметили ее присутствия, пока та скрывалась в тенях. Воздух пах новой жизнью, Альхэ с научным интересом наблюдала за процессом. Животные, люди, какая разница...

Где-то за стенами развлекалась Энху, поливая огнем деревянные постройки, крики и рев пламени уже доносились сюда. Они условились, что в эту сторону химера полетит, когда получит команду от Аль. Вот только роды явно процесс не быстрый, вот вроде суетятся эти смертные постоянно, а тут ждать придется. Еще и Макху небось нагрят. Впрочем, можно ускорить происходящее. Девчонка, правда, умрет, но матери полукровок в большинстве случаев и так не переживают рождение маленького мага, слишком много сил те из них выпивают. Решено. Альхэ протягивает руку к смертной, поддевая ярко горящие нити в ее теле, воспринимаемые магическим зрением.

Едва повитуха, изумленно-хмурая, тянется протянуть молодой матери ее сына, Анктар возникает прямо между ними, выхватывая ребенка. Тот знакомо фонит, явно унаследовав дар Антара, даже глаза такие же, желтые, только бледнее. Возмущения и крики она не слышит, мысленно потянувшись к Энху, направляясь к выходу из дома.

— *An'ya'o th'e, Lass.* * Ласс Дженталь...

Хорошее имя, подходящее. Отмщение. Она плотнее укутывает ребенка в покрывало. Тот смотрит на нее слишком ясным, осознанным взглядом. В первые часы жизни полукровки обладают практически тем же сформированным сознанием, что и чистокровные преобразователи, это потом человеческая природа берет свое. Но со временем он вспомнит все, даже если его заберут, Аль отпечаталась в его сознании вместо кровной матери.

— Не переживай, мой хороший. Мы им отомстим, тем, кто обрек тебя на жизнь непризнанного полукровки. Мое маленькое чудовище...

Деревню охватывало пламя, Энху сделала круг почета над Хиллоки и опустилась на прогалине недалеко, дожидаясь, пока Альхэ дойдет до нее. Преобразовательница посмотрела в горящие глаза химеры и предложила сделать крюк через озеро, чтобы не пересекаться с наверняка спешащими сюда сторонниками Макху все-таки Аль видела, что кто-то после начала пожара проскочил в лес.

Вот только у озера они столкнулись с пришедшим на берег Инаром. Полукровка, к огромному сожалению, сложил зарево над лесом, светящиеся глаза Энху, ребенка на руках у Аль и очевидные свидетельства потери преобразовательницей контроля, и рванул в лес. Анктар передала Ласса химере и бросилась за ним, ощущая угасающим сознанием, как стремительно проваливается в инстинкты. Тяжелый наконечник хвоста попал под колено убегающему, Альхэ упала сверху и принялась без разбора наносить удары когтями...

*

— Я даже не уверен, что она вспомнит, как тут оказалась. И давайте быстро, мне и так отец голову открутит за то, что я вас сюда провел, — Эттер снова замкнул контур защиты на изоляторе.

— Альхэ? Аль, ты меня слышишь?

Сознание не возвращалось, в голове была сплошная ледяная пустыня, такая, что прикосновение жреца обожгло, вырвало из этого забытья на миг. А возвращаться почему-то не хотелось. Альхэ попыталась понять, где находится, но магически истощенный организм с трудом воспринимал реальность вокруг. Даже Мактара она узнала исключительно по запаху.

— Где...

— «Где» кто, Аль? — жрец обхватил ее за талию, поднимая с колен.

— Энху...

Руки, до того долго поднятые вверх, наконец, опустились. Восстановление тока крови оказалось слишком болезненным, а вырвавшееся вперед сознания имя выдернуло из ледяной пустыни, заставляя вспоминать.

От с трудом опознаваемых ошметков ее отвлек крик где-то позади, у озера. Остатки разума твердили, что там осталось что-то важное, но у преобразовательницы уже началось «затмение», так что точнее она сказать не могла. Сорвавшись с места она за несколько ударов сердца добралась до берега, благо, что ее прошлая добыча не успела скрыться достаточно далеко.

У берега стоял дракон, прикрывающий поврежденным крылом что-то маленькое у своих лап и поливающий огнем окруживших его преобразователей. В толпе бессмертных Анктар учуяла и человеческий запах, тихий рык заставил некоторых из них вздрогнуть и обернуться.

— Явилась, — Макху посмотрел на испачканные руки химеролога. — Кровь?

— А ты обрыв метки не почувствовал? Ах, да, ты же ее не поставил, забыл, что связь родителя и ребенка у нечистокровных формируется далеко не всегда?

У берега дрогнула и поплыла фигура Энху, небольшой оставшийся в накопителях запас магии кончился, заставляя ее вернуться в человеческую форму. Старший преобразователь посмотрел на Альхэ потемневшими глазами.

— Так вот зачем она тебе была нужна... А ты помнишь, что преобразования на основе разумных запрещены?

— Недобровольные, — оскалилась она, покачиваясь перед прыжком.

— Ты не докажешь, что она пошла на это сама, — вернул ей оскал Макху.

Того, что тому хватит мастерства за доли секунды заставить упасть толстую ветку, росшую прямо над тем местом, где стояла Энху и преобразовать ее в лист металла — даже не хотелось думать, сколько энергии он сейчас отожрал у первого слоя защиты Башни. Альхэ только дернуться вперед успела, когда Макху чуть изменил направление полета насыщенного магией лезвия. Обезглавленное тело стояло еще какое-то мгновение. Как забирают из рук Энху Ласса преобразовательница уже не увидела, на разум упала пелена.

Дальше память сохраняла только крики и вспышки боли, которые иногда пробивались из этой темноты. Кажется, она выплеснула последние остатки сил, направляя их на атакующих.

— Дыши, Альхэ, давай! — ее встряхнули, а потом и вовсе отвесили тяжелую пощечину, вернувшую в суровую реальность.

— Руки при себе держи!

— Не лезь, жрец, зато она хоть реагировать начала.

— Ласс? — губы слушались плохо, вместе с прояснением сознания к ней приходили и все ощущения от тела.

— У отца, — помрачнел Эттер, чей удар и привел ее в чувство. — Аль, он... он собирается вживить тебе подавители. Совет предлагал другие варианты, но он уперся.

— Пусть попробует. Давно я тут? Руки будто неделю в таком состоянии провели, даже при моих возможностях.

— Почти две. Это было где-то здесь, — он отошел к стене и нашел ручку от цепей.

Альхэ осела на пол, удерживаемая от падения Мактаром. От жреца шел жар как от костра, Аль забила крупная дрожь. Невольно вспомнился Антар. Так вот как ощущаешь себя после полного «затмения»... Только умирать не хотелось. Говорят, что химерологи проще воспринимают какие-то эмоции, и более притупленно, что ли, может именно за счет этого она и не испытывала никаких особых моральных терзаний по поводу той кровавой бани, которую устроила. А вот Энху...

Анктар взрыкнула, заставив вздрогнуть своих посетителей. Она отомстит, уж в этом никто может не сомневаться. Внутри тоскливо завывали волки. Эн доверилась ей, даже начала вызывать какое-то умиление, больше свойственное людям, Альхэ даже понимать чужие реакции чуть лучше стала рядом с ней, да и свои тоже. Люди пусть и усложняют все, но подмечают иногда интересные детали. А сейчас хотелось чего-то простого, даже примитивного. Крови она уже напилась.

Мозг подкинул еще один обрывок воспоминания, где она сидела на берегу в луже крови и заставляла ошметки плоти собираться во что-то совсем уж неприглядное, но сил не хватило и она упала буквально под ноги Макху. Еще и хохотала при этом как умалишенная. Впрочем, ума тогда в ее голове действительно практически не было, одни животные инстинкты. Смех прорвался и сейчас, но совершенно надрывной, больше похожий на крик. Мактар кое-как перехватил ее руки, когда когти заплясали, чтобы не дать навредить самой себе.

— Я тебе что говорил!

Жрец обернулся через плечо: вспомнишь только его... Макху за шиворот вздернул сына на ноги, что-то рыча тому в лицо. Мактару было немного не до того, потому что Альхэ его интересовала больше.

— Отойди от нее, мальчик, — алхимик подошел ближе.

Эттер не смотрел в их сторону, но по руке несложно было догадаться, что держится он за лицо. Да и запах крови ощущался неожиданно отчетливо.

— Культ Безымянной Вам не подчиняется.

— Куклы больше нет.

— Мы существуем, пока есть хоть один жрец, — тени в помещении стали гуще. — И имеем полное право вмешаться, если наказание нас не устроит.

— Не много ли ты о себе возомнил, мальчишка?!

Мактар помог Альхэ аккуратно устроиться на каменном полу и медленно встал, неожиданно придавленный хлынувшей через него силой. Кажется, его божество тоже было недовольно происходящим, раз так щедро поделилось с ним. Губы и глаза закололо, он наверняка выглядел примерно также, как Аль в момент одержимости. От потока чужой силы лицо сереет, а те места, где виднее всего сосуды — губы и веки — словно наливаются чернотой.

— Я имею полное право вмешиваться в процесс. Хотите вживить подавители? Не имеете права. В своде есть маленькая пометочка — за убийство чистокровного. И палач должен быть тоже исключительно чистокровным. Удобно, когда вокруг одна молодежь, да? Можно не соблюдать общие законы... Понимаю, — сейчас он считывал мысли алхимика удивительно четко, понимая, что за эту четкость придется заплатить разбитым состоянием после. — Максимум, что вы можете ей сделать — это храмовые ограничители. Которые я, так и быть, вам предоставлю.

— Какой бред, — истерический смешок Альхэ не дал им вцепиться друг другу в глотки. — Тебя поимел жрец, которого не сумел поиметь твой полулюдок. Кому расскажешь — не поверят.

От хохота преобразовательницу буквально выгибало дугой. Макху дернулся было к ним, но Мактар на остатках контроля хлестнул его заемной силой. Не ментальный удар Антара, конечно, но тоже эффективно. Поднял Альхэ на руки — кандалы на запястьях распались от всплеска сырой магии, не выдержали — и вышел, кивнув застывшему у стены Эттеру.

*

Второй раз она пришла в себя спустя почти сутки, в своей комнате, переодетая, закутанная в несколько одеял и с отчетливым привкусом крови во рту. Мактар обнаружился под боком, в ногах сидел Менху, среагировавший на шевеление.

— Как ты себя чувствуешь? — руки алхимика, раньше казавшиеся прохладными, сейчас были приятно-теплыми.

— Как будто меня на ледник бросили. Истощение.

— Ты еще хорошо держалась. Башня гудит, все со всеми цапаются.

— Странно, что меня не попытались во сне придушить, — Альхэ не стала шевелиться, только вытатила руку из-под одеяла, чтобы погладить Мактара по волосам.

— Он тебя все это время своей кровью отпаивал.

Она кивнула, уже заметила истерзанные запястья, на которых уже залеченные следы от ножа, видимо, настолько ей было плохо, чередовались с более свежими укусами. Жрец сквозь сон потянулся к ласкающей руке, но даже не приоткрыл глаза.

— А по поводу «придушить»... Войти не смогли, Башня перестала подчиняться Макху. Ты же здесь последняя чистокровная, это тоже подливает масла в огонь споров. Эттер отсиживается в приемной в лаборатории Рейты, дальше его не пускает, но выйти к отцу он боится. Ну, раз уж ты в себя пришла, могу пойти спать. Если что — зови.

Альхэ махнула рукой, мол, иди уже, и повернулась на бок, рассматривая Мактара. Ее все еще била дрожь от озноба, зато жрец даже в таком измученном состоянии оставался источником тепла. Так что преобразовательница осторожно вытянула из-под него край одеяла и придвинулась ближе, укрывая уже двоих. Мактар открыл глаза и молча стиснул ее в объятиях.

— Макху тебя сожрет, ему давно никто так не хамил...

— Подавится, — жрец сцепил руки за спиной полностью переползшей на него Аль. — Я за тебя больше переживаю.

— Ты же можешь контролировать намоленный металл? Ну и все, никакой серьезной проблемой это не станет. Правда, нам, наверное, уйти придется.

— Я хотел тебе сказать об этом в более подходящих условиях. Хотя, более своевременной эта новость быть не может. Твой отец жив. И даже обустроился недалеко от Башни, за границей ее магического поля... Антар засек незадолго до смерти.

— Знаешь, я наверное слишком устала, чтобы удивляться. Да и можно было предположить, что он так просто отсюда не уйдет, если верить словам матери, — она приподняла голову. — Предлагаешь организовать воссоединение семьи?

— А ты не хочешь? — ладони скользнули по гладкой коже, иногда ощущая похожие на царапины очертания спрятанного хвоста.

Альхэ неопределенно пожала плечами, задумчиво расшнуровывая ворот, попыталась раздеть жреца не отрываясь. Тот недолго понаблюдал за ее возней, но все-так приподнялся. Аль села, умудряясь продолжить кутаться в одеяло, чтобы сохранить тепло. Со времени приезда из Керэн-Лэ Мактар немного окреп, стал чуть шире в плечах, ребра больше не торчали. Да и лицо изменилось.

— Знаешь, вот сейчас бы тебя с девчонкой никто бы уже не спутал.

— О, меня это очень радует!

— Я без шуток.

— Так я тоже, — он дернул Альхэ на себя. — Зато ты сейчас сплошной скелет напоминаешь.

Альхэ обиженно прихватила зубами тонкую кожу у ключицы, жрец дернулся, но скорее от неожиданности, чем от боли, и шлепнул ее в запале начавшейся возни. Глаза у Анктар потемнели, но она просто молча ухватила его за руки, металлический хвост тяжело упал на постель, подкрадываясь к изголовью.

— Да что за привычка-то такая, а? — дернулся он, когда запястья оказались скованы.

— Давай вот ты только сам себе врать не будешь? — Альхэ наклонилась совсем близко, довольно скалясь. — Тем более, сейчас нас точно никто не отвлечет. Я соскучилась...

*

— Не ожидал, что ты выйдешь сама, — встретил Макху спустившуюся из лаборатории Альхэ.

— Решила тебя не нервировать, возраст, наследственность дурная, еще сердечко не выдержит.

Алхимик отчетливо скрипнул зубами. Придушить бы девчонку прямо здесь, она истощенная, даже особых усилий прилагать не придется. Одна беда — проблемы потом расхлебывать придется, все-таки Анктар и до демонстрации силы определенной популярностью у молодняка пользовалась, пусть и общалась в основном со своим кружком. А старики начнут клевать ему мозг по поводу последней чистокровной, прямой наследницы предков, и вообще, а за преобразователей ли радеет сам Макху, что при нем так стремительно гибнут сильные и знающие? А может у него и к семейству Анктар личная неприязнь? Вон, Иттрэя изгнали, Рейта погибла, теперь он за Альхэ принялся. Еще и историю со сватовством этим неудачным вспомнят... Нет, нельзя.

— Ты же понимаешь, что от приговора тебе не отвертеться?

— Зато от стандартных для него подавителей — легко.

— Жрец, да... Думаешь, тебе это поможет? Без подпитки от Башни ты все равно умрешь.

— Я — Анктар, мы живучие.

— Вы самонадеянные и бестолковые, — Макху кивнул на следующую лестницу. — Пойдем, твой жрец уже должен принести ограничители.

— Ну пойдете, — плечи преобразовательницы дернулись, выдавая смешок.

Макху привел ее на площадку, расположенную немногим выше того места, с которого прыгнул Антар. Какое чудесное не-совпадение, забавно, что традиционным местом казни стала та точка, в которой предки открыли приведший их сюда проход из другого мира. Символично даже в чем-то.

Альхэ уселась на узкое возвышение, напоминающее высокую табуретку с подлокотниками. Мактар уже был здесь, стоял за ее спиной выкладывая на подставку ограничители в правильном порядке. На шее у жреца еще красовались несошедшие следы от зубов, красноречивое свидетельство его предвзятости в этом процессе. Впрочем, практически у всех сюда пришедших был тот или иной личный интерес. Анктар спокойно улыбнулась, развязывая шнуровку и стягивая до талии верх попавшегося первым под руку балахона. Кажется, это было неудавшееся платье, но его хотя бы не жалко будет залить кровью.

Когда руки уже привязали к подлокотникам, жрец все-таки наклонился к ней, протягивая что-то к губам. Альхэ с трудом опознала невнятный комок. Кажется, еще при первых местных поколениях, когда пытки еще были в ходу, такое давали пленным, чтобы те зубы себе не раскрошили. Удивительно, что Мактар вообще нашел эту пакость. Она же при контакте со слюной еще и галлюцинации вызывала. Разве что, в запасниках Храма завалялась?

— Обойдусь.

— Уверена?

— Более чем.

Он кивнул, отходя в сторону, лишь мимоходом по плечу пальцами скользнул. Альхэ улыбнулась еще безмятежнее. Беззащитная спина ощущалась непривычно, все-таки с хвостом она успела сродниться, но оружие заранее вынес из Башни Мактар. На всякий случай, не хотелось бы показывать его Макху. Сзади щелкнула открываемая крышка шкатулки, по коже прошли мурашки — в общем магическом фоне подземных этажей ярко выделялась пустота вокруг пыточного ножа. Он временно создавала лишенный магии участок в теле, в который и вживляли ограничитель, потому что в ином случае организм просто отторгал его. Потом, когда сила возобновляла движение, искажения в токе магии уже не поддавались исправлению. Жреческие, намоленные, по идее должны были контролироваться так же, как памятное кольцо. Во всяком случае, они с Мактаром посчитали данный вариант более... приемлемым.

Первый надрез она ощутила неожиданно остро. Альхэ даже невольно попыталась дернуть рукой, отмахиваясь от болезненного прикосновения, но не смогла, забыла о том, что прикована. Ограничитель... такое чувство, словно его запикивали с усилием, стремясь загнать как можно глубже.

— О, — протянула Анктар, которой в голову начинала бить сырая магия места, — замените палача, он получает от казни удовольствие!

Макху в ответ не сдержался, второй подавитель магии вошел еще глубже, перекрывая боль от первого, разрез для которого уже зашивал кто-то из старших, Альхэ сейчас не могла с ходу определить, кто это был. Зато захохотала.

Голос отражался от сводов, умножаясь. Мактару в какой-то момент даже показалось, что со дна пещеры кто-то отзывается, даже будто бы голос Антара послышался. Давление силы постепенно нарастало. От запаха крови начало воротить, хотя никогда до этого жрец за собой такого не замечал.

— Я вас всех еще переживу! — Альхэ захохотала еще громче, запрокидывая голову и мешая вживлять оставшиеся ограничители. — И спляшу на ваших поминках!

— Пойдем, Аль. Пойдем, — Мактар аккуратно придерживал ее, не давая упасть с того места, где она сидела, и стараясь не слишком задевать незажившую спину.

— Я их всех пере... пережи... ву, — Альхэ кое-как встала на ноги.

— Обязательно. А сейчас нам нужно идти. Утром выйдем из Башни, к вечеру как раз через границу пройдем.

Жрец поджал губы, поднимая взгляд на лестницу. Альхэ надо не только вывести из подземных этажей, но и до ее комнаты с ней дотянуть. Ладно, он справится, даже вопреки гудящим от переизбытка голой силы мышцам.

Впрочем, тянуть на себе преобразовательницу ему не пришлось, на нулевом уровне их уже ждали Дунха и Менху. Последний раздраженно косился куда-то в угол, где жрец с трудом разглядел Эттера. Вид у алхимика был далеко не радостный, а уж несходящий след от удара по лицу и вовсе дополнял картину крайне выразительными штрихами. Аль махнула рукой рыжему, подзывая его, но тот только покачал головой, скрываясь в переходах. Преобразовательнице было слишком тяжело стоять, не то что думать о его поведении, так что она просто закрыла глаза на передачу своего тела из рук жреца в руки старшего алхимика и дала отнести себя на верх. Спина реагировала на прикосновения, так что уже через пару пролетов пришлось закинуть Альхэ на плечо. Та даже не возмушалась, просто обмякла.

— Больно? — засуетился Менху, едва за ними закрылась дверь.

— Отвратительно, — кивнула преобразовательница, когда смогла сфокусировать на нем взгляд. — Спать хочу.

— Может, поешь сначала? — глаза у преобразовательницы слипались, усталость не давала даже понять, кто задал этот вопрос.

Вопрос, впрочем, остался без ответа: Альхэ повалилась на бок, засыпая уже в полете, и даже на боль от ран почти не отреагировала, так, недовольно поморщилась, переворачиваясь на живот. Она только отмахнулась от рук, пытавшихся уложить ее нормально, так что Мактар оставил попытки и просто сел на край кровати рядом с ней.

— Когда вы...

— Утром. Пусть хотя бы поспит и раны немного закроются. Вещи мы собрали заранее, почти все, так что смысла задерживаться нет.

— Накопители нужны? — Дунха пробежался взглядом по полкам, но не нашел ничего, что могли бы забыть в процессе сборов. — У меня есть небольшой запас заряженных, возможно, за ночь еще что-то успею. Основная масса, конечно, ушла на Энху, но... хоть что-то. На первое время.

Жрец благодарно кивнул, ему-то дополнительная подпитка не нужна, а вот Альхэ пригодится. У Иттрэя, конечно, был свой источник в лаборатории, но потянет ли он двоих — это вопрос. Мактар невольно слотнул, вспомнив первую «встречу» с отцом Аль. Когда случилась эта история с Антаром, преобразователь подошел слишком близко к территории Башни, вот жрец его и почувствовал. А тот видимо знал, с кем имеет дело, сумел дозваться. А Мактар и вышел, наивный. Когда за территорией Башни он резко перестал чувствовать связь с храмом и Безымянной — стало страшно. Когда на него посмотрели светлыми звериными глазами Альхэ, еще и тем взглядом, каким она обычно Инара рассматривала, стало страшно вдвойне. А уж когда тот прошел через щиты на сознании, перерывая все его мысли и воспоминания — жрец был согласен на любой исход, тем удивительнее было, что его отпустили.

— Папина копия, — посмотрел он на Аль.

— О, так Мин'Иттрэй все-таки не ушел слишком далеко? А то слухи ходили, но меня-то из колбы вытащили за пару дней до его изгнания, а Аль его и вовсе не застала, — Дунха рухнул с другой стороны кровати. — Хотя мне до сих пор казалось, что внешне она на мать похожа.

— А я не про лицо. Он жуткий. Такая сила в отрыве от источника... такое вообще бывает?

— А, ты об этом... я слышал, что древним подпитка была не нужна, только в первое время в этом мире. Но после пожара никто не занимался восстановлением записей, да и своих резать во имя науки запретили. Так что кто их знает, чистокровных? Ты же сам видел, они от нас отличаются, как мы от людей.

— Ты преувеличиваешь, — неуверенно протянул Мактар, убирая с лица Альхэ упавшую на него прядь.

— Ты очень скоро поймешь, что я преуменьшаю.

*

— Спишь?

— М? — только задремавший жрец с трудом разлепил глаза. — Уже нет.

— Там рассвет уже...

Мактар огляделся. Тьма была практически кромешной, но внутренние часы действительно показывали почти утро, это было какое-то предчувствие рассвета. Размяв шею, щелкнувшую после сна в неудобной позе, он попытался разглядеть Альхэ. Глаза у полукровок переставались медленнее, так что Аль целых два удара сердца ждала, когда жрец поймает ее взгляд.

Когда он наконец рассмотрел преобразовательницу, то тяжело вздохнул, даже так было видно, что ткань на спине намочила за ночь и практически приклеилась к коже. Но Анктар смогла сесть самостоятельно, что все-таки обнадеживало. Да и на улице было достаточно тепло, так что не придется тревожить поджившие раны дополнительными слоями ткани.

— Пойдем, пора.

— Да, сейчас.

Альхэ встает на ноги, но не слишком уверено, и все-таки до двери доходит сама, правда, та распаивается раньше, чем преобразовательница успеет коснуться ручки. За ней — хмурые Дунха и Эттер. У алхимика в руках шкатулка с накопителями, а вот присутствие второго вызывает вопросы. Мактар осторожно придерживает за локоть покачнувшуюся Аль и придавливает взглядом рыжего.

— Отец послал меня присмотреть, проконтролировать ваш уход.

— Бойтесь, что гадость напоследок сделаем? — губы у жреца дергаются совсем как у раздраженной Альхэ, Дунха, видя это, прячет ехидную усмешку в глазах.

— Мактар, — устало осаживает его Альхэ. — Ты не в ту сторону ядом плюешься. Пойдем лучше...

Жрец не совсем согласен с «не в ту сторону», но замолкает. Сейчас, в полумраке, Эттер так похож на своего отца, что не плевать ядом никак не получается. Но признать, что рыжий этого все-таки не заслужил, приходится. Он даже ловит взгляд алхимика и изображает какую-то извинительную гримасу, получая в ответ короткий кивок. Вот и поговорили.

На пороге Башни Альхэ на миг оборачивается, обводя взглядом стены и своды парадного зала, огромный барабан в углу, звук которого по праздникам перекрывает все помещение и гомон преобразователей. Слабо улыбается, что-то шепчет себе под нос, и твердо разворачивается. Волна сырой силы, поднявшаяся из-под ног, проходит по ней, вызывая в голове образ тоскливо глядящей вслед собаки. Той, что понимает — хозяин не вернется вечером как обычно. Только вот Аль обещает себе, что еще придет сюда, даже если на это придется потратить несколько столетий. Она молода, у нее много времени впереди. А ограничители... даже если Мактар вырежет их неаккуратно, ее регенерации хватит, чтобы залечить следы без последствий.

Проходя через двор, Анктар чувствует спиной внимательные взгляды, теперь прекрасно понимая, почему Мактар и Дунха все-таки закутали ее в тонкий плащ. Меж лопаток стекает одинокая капля, кровь определяется по запаху сразу. Впрочем, в лесу ее запах быстро теряется среди многих других.

— Дальше он слушать не может, можете спрашивать, — усмехнулся Эттер, первым ступая на тропинку.

— Мне казалось, Башня дальше ему показывала? — неуверенно протянула Аль, все еще продолжая держать спину прямой, но уже не сдерживая раздраженного шипения.

— Перестала, когда он с Мактаром поругался, — хохотнул Эттер, словно речь шла вовсе не об его отце. — Храм-то раньше появился, у жрецов, в отсутствие нормального главы Совета, здесь больше власти. Если мы в расчет чистокровность не берем. У тебя были шансы, раз Башня тебя столько времени укрывала, но...

Какое «но» он имел в виду, Аль прекрасно понимала. Проклятые ограничители, которые не смогла бы скомпенсировать вся магия Башни, даже при том, что Мактар изначально свел их воздействие к минимальному. Даже так они разрушали потоки магии в теле, делая ее слабее.

— Давай не пойдем там, — придержал ее за локоть Мактар, когда Альхэ свернула к озеру.

— Мне надо там побывать.

— Ее там уже...

— Ее оставили там, — прошептал Эттер, перебивая жреца. — Отец запретил прикасаться, запретил хоронить. Даже для исследования в лабораторию — уж извини, Аль — забирать запретил. Чувствую, черные времена для химерологии наступают.

— Ты же алхимик? — с подозрением протянул Мактар, но Альхэ и Дунха синхронно хмыкнули.

— Из него алхимик, как из меня менталист, — Альхэ прислонилась плечом к дереву. — Склонность есть, но основная окраска дара другая. У Макху просто личная неприязнь ко всем химерологам разом. А Эттеру он запретил даже смотреть в эту сторону, или ты думал, что он просто так — посредственный, потому что идиот?

— Спасибо на добром слове...

— Пожалуйста. Мы и ядом друг в друга плевались в основном из-за этого.

— Завидовал я, по-черному, — буркнул рыжий, поймав взгляд Мактара, напрягшегося от того, что Эттер подошел слишком близко к Альхэ. — Потому что ее-то никто ни в чем не ограничивал, а я получал даже за то, что слишком близко к зверинцу подошел.

Мактар хотел было что-то сказать, а потом вспомнил, как сам стал свидетелем любопытной сцены. Как и все, он считал, что даже нахождение в библиотеке этим двоим не помешает сцепиться, по крайней мере, из тех секций, где обычно сидела Альхэ, Эттер выходил разукрашенным. А потом, в какой-то из дней, уже после выхода Альхэ из храма, он застал, как Аль рисует рыжем кровоподтек, прежде чем тот выйдет из тупика. Именно «рисует»,

кончиками пальцев, как при аккуратной работе с химерой.

Спрашивать он не стал, пришлось бы признаться, что подсматривал, а проверять, как отреагировала бы Анктар, не хотелось. Да и если подумать — ее компания к рыжему относилась достаточно ровно, да и во время конфликта с Инаром Эттера не прогнали, дали сесть рядом с собой.

— Если станет совсем туго — можешь пересидеть в моих лабораториях, контур тебя пропустит.

— Лучше сама возвращайся. С теорией-то я разберусь, а вот практику в одиночку не осилить... Не смотри на меня таким ревнивым взглядом, жрец, я на нее не претендую. Если ты успел забыть, я вообще-то на тебя спорил, кто до твоей тощей тушки первым доберется, а не на Альхэ.

— Легче мне от этого не стало. Впрочем, спор ты все равно проиграл.

— Уступил победу в обмен на услугу. Возможно стоило не сдержать слово и разбить тебе лицо, но...

— Я тебе потом расскажу, — Аль поймала взгляд жреца, требующего ответов. — Пойдемте уже, мне идти проще, чем на месте стоять, — Анктар двинулась в лес.

Едва между деревьями показалось озеро, Альхэ опустила глаза к земле, делая вид, что старательно смотрит под ноги, чтобы не упасть. Странно, что душок гниения не ощущался, впрочем, она столько магии в нее влила, что тело разлагаться начнет очень нескоро. Когда в поле зрения попали сжатые в кулак пальцы с острыми когтями — видимо, в последний момент попыталась начать обращение — преобразовательница застыла. Мактар замер за спиной, в паре шагов.

На колени она практически упала, но от дернувшегo к ней жреца только отмахнулась. Не сейчас. Пару раз глубоко вздохнула и все-таки посмотрела на Энху. На то, что от нее осталось.

— Прости. Жаль, что твоя месть досталась тебе такой ценой. Я обязательно найду тебя в следующей жизни. И отомщу. Дунха...

Алхимик понятиливо кивнул. Через пару ударов сердца тело вспыхнуло в наколдованном пламени, Мактар только успел Альхэ в сторону отдернуть, но ту огонь не пугал. Зато жреца пугала ледяная маска, застывшая на ее лице, пока Аль смотрела на пламя. Слишком уж это нечеловеческое равнодушие напоминало пустые глаза алтарной статуи.

*

— Эттер, — Альхэ придержала алхимика за локоть, когда тот уже собирался пойти обратно, неловко что-то пробормотав. — Подожди.

— Что-то не так?

— Я могу тебя... попросить? — на этой фразе она только дернула плечом, когда Мактар в недоумении обернулся.

— Смотря о чем.

— Присмотри за Лассом, — следующее слово она выдавила с трудом, — пожалуйста.

Неловкую тишину разрушил хруст ветки под ногой у Дунха. Алхимик изумленно смотрел на Альхэ, от которой ожидал, скорее, просьбы избавиться от менталиста еще во младенчестве, нежели такой... сентиментальности. Впрочем, она ведь дала ему имя? Такие узы что-то для преподавателей да значат, особенно, если он не видел кровную мать. Интересно, Аль успела? Успела первой запечатлеться в разуме полукровки?

— Все-таки ты имя ему дала? — Эттер улыбнулся, морща веснушчатый нос. — А я еще думал, чем отец руководствовался...

— Я. Присмотри за ним. Тебе проще всех будет это сделать.

— Если отец меня еще к нему подпустит.

— А ты не спрашивай. В Башне он тебе ничего не сделает. Серьезного. А начнет угрожать или пытаться вызывать к сыновьей совести — так тебе ли привыкать?

— Ладно. Я постараюсь. Идите, скоро стемнеет. И, подавайте признаки жизни, по мере возможности.

Альхэ кивнула, продолжая удерживать его за руку. Метки на миг обожгло, когда она перекинула ему «поводки», ту часть, что не успела утром передать Дунха. Наблюдавший за этой сценой алхимик понимающе кивнул. Он тоже присмотрит за теми, кто остался. Они по очереди аккуратно приобняли Аль, стараясь не задевать спину, и отошли в сторону от границы преобразовательской территории.

Стоило Альхэ и Мактару пройти на ту сторону заклинания, отмечающего земли Башни, как лес резко поменялся, становясь темнее и неприветливее, а просветы практически исчезли. Зато стоило обернуться, как она встретилась взглядом светло-серыми, практически прозрачными глазами. Свое лицо Аль знала достаточно хорошо, чтобы сразу отметить сходство с преобразователем напротив.

— Думал, вы придете раньше.

— Аль, это, — попытался сгладить ставшее не слишком уютным молчание, повисшее сразу, как Иттрэй Анктар замолчал.

— Я достаточно хорошо помню свое отражение. Раньше мне казалось, что я похожа на мать, но сейчас...

— На бабушку свою ты похожа даже больше, Аль.

— Альхэ. Не надо сокращать мое имя.

Мактар подавил желание подслушать ее мысли, потому что ему, стоящему совсем рядом с преобразовательницей, было видно, как та сжимает челюсти. И непонятно, от боли или от раздражения, от того, что она там успела себе сочинить. Дженталь бы сейчас раскусил эту задачку в два счета, но...

Но он — не Антар Дженталь, да и Альхэ не оценит такого порыва, так что ему остается только поговорить с ней, когда они придут в дом Анктар-старшего. Иттрэй уловил нежелание дочери разговаривать прямо здесь и сейчас, так что махнул пришедшим рукой и первым двинулся по едва заметной тропе. Лес за пределами Башни заставлял Альхэ нервничать, он был темный, сырой и шумный, слишком много в нем было невидимой жизни.

— Пока идем, может расскажите, за что вас изгнали? Более предметно, а не в общих чертах, — он сбавил шаг, подстраиваясь под Альхэ.

— Я сам ушел, за компанию, — хмыкнул Мактар.

— За разумную химеру.

— Добровольная?

— Да.

— Мгновение, — Иттрэй замер. — С каких пор за такое стали изгонять, да еще и с вживлением?

— А тебя самого разве не за это выгнали? — Аль цеплялась за слова, понимая, что еще немного, и осядет на землю, настолько сильная накатывала слабость.

— За опыты над людьми и недобровольные преобразования меня изгнали. И то, с оговоренным сроком — четыре сотни лет. А тут... Макху, да? — рыкнул он.

Мактар дернулся, вспоминая Аль в период затмения. И куда вот он ввязался? Впрочем, если он сейчас попытается вернуться в храм — его Безымьянная уничтожит. И далеко не сразу, предварительно ему дадут шанс осознать, в чем и насколько он был не прав. И проверять всю глубину недовольства божества на себе он не хочет. А алтарь... соберет на новом месте. Впрочем, алтарь ему сейчас не слишком и нужен, кажется, если эти двое сорвутся, он будет молиться так усердно, что дозвется и без усилителей.

Альхэ только кивнула, признавая, что проблема была исключительно в Макху, и попыталась осесть на землю. Иттрэй поймал ее раньше, отгесняя жреца от дочери, цыкнул, взглянув на ее спину, и аккуратно устроил на плече, кивая Мактару идти за ним. Жрецу ничего не оставалось делать, кроме как молча пойти следом.

*

— Аль, если ты не будешь есть, тебе даже накопители не помогут, — Мактар присел на край кровати.

— Они мне и так не помогают. Я попыталась вытащить один, но он словно врос в мясо... только спину себе разодрала. И Иттрэй не знает, почему так происходит. Говорит, они искажают токи магии в теле, но он не понимает, в какую сторону, — шепотом ответила Альхэ.

Отца она все эти дни принципиально называла исключительно по имени, причем, тот и не давил на нее. Мактару на ум снова и снова приходило сравнение с хищниками, обживающими одну территорию. И, кажется, он начинал в полной мере осознавать, почему Дунха считал чистокровных слишком отличающимися от преобразователей с разбавленной кровью. В Храме его учили, что преобразователи, те самые, первые, пришедшие из иного мира, произошли от одного из двух самых свирепых хищников на своей планете. В воздухе, конечно, были свои гиганты, но и их приручили айрани, когда обрели разум. Вот только в этих прекрасных совершенных существах была загвоздка.

Все это совершенство достигалось ритуалами, убирающими последствия кровосмешения, позволяющими лучше контролировать магию, делающими разум острым, а память — идеальной. В этом мире с их выполнением имелись определенные проблемы, не было такой подпитки сырой магией, как на родине. «Затмения» начали случаться все чаще, но не касались тех рожденных, кто разбавлял кровь. Такой вариант устраивал не всех, в первую очередь Иррэй, последнюю Первую на тот момент. Благодаря ей чистокровных преобразователей начали «создавать» в специальных колбах, иногда выращивая в них и детей смешанной крови, исправляя «дефекты», но таких было немного. Да и полностью выправить все проблемы это не помогало. В итоге, все больше и больше преобразователей приводили в Башню смертных партнеров.

Кроме Анктар и Дженталь. Эти двое... о, они гордились чистотой крови, восходящей к Иррэй. Вот только остальным такое соседство было не по душе, удержать их в узде было практически невозможно, они просто контролировали друг друга, да жрецы еще хоть как-то могли с ними совладать. Если не попадали под их влияние, все-таки след Виттор Анктар, по сути дела создавшей современный им культ Безымьянной, нельзя было переоценить. Говорят, именно при ее жизни у богини стало по шесть пальцев на руках — явное указание на чистоту крови. После смерти жрицы, Макху сделал все, чтобы служителей богини не было на севере, не хватало ему стовора между ними и чистокровками. Впрочем, Рейта и тут ему подгадила, притащила жреца. Да и в Керэн-Лэ стала слишком популярна, Мактар получал письма от коллег незадолго до трагедии.

Если бы алхимик не подсуетился, долго бы не прожил. С Альхэ он об этом не говорил, но мысль о том, что Рейта Анктар недооценила Макху, осторожно высказал Анктар-старшему. Тот хмыкнул и, к удивлению жреца, согласился.

— Опять не ест? — Иттрэй заглянул в дверь.

— Я, вообще-то, здесь.

— Как ты?

— Чем активнее двигаюсь — тем сильнее эта гадость из меня силы сосет. А мне еще пожить хочется, — она вяло шевельнула плечом.

— Я не думал, что с ними тоже будет так, — едва слышно ответил Мактар.

— С обычными было бы хуже, поверь. Болезненнее и быстротечнее. Вы бы даже до границы не дошли, на своих ногах так точно.

Альхэ отчетливо хмыкнула и снова вернулась в свои мысли. Опыты показали, что так легко избавиться от ограничителей, как казалось до этого, у нее не получится. Даже при условии, что они не разрушали магистрали магии в теле, а просто изменяли их, все равно истощение стало ее постоянным спутником, да и пользоваться силой не получалось даже при том условии, что Мактар ограничил их мощность до минимально возможной. Зато в голове зрела интересная идея, благо, что времени подумать у нее было предостаточно.

— Ты не пробовал посчитать, в какое состояние они меня приведут, если так и дальше продолжится?

— Аль, — Иттрэй аккуратно коснулся ее плеча, но вздохнул, когда не получил ответа, и произнес, — пробовал. Я такого ни у кого не видел. Теоретически, твоя структура станет чуть ближе к предкам, потому верхняя часть точно похожа на то, что было в лабораторных журналах Виттор, еще до ее жречества. Но как это скажется на внешности и контроле — сложно предсказать. Они убирают все то, что было исправлено поколениями колб и ритуалов.

— Я... у меня странная идея. Не знаю, как я до этого дошла, но это единственный вариант, который я могу предложить.

Мактар, услышав предложение погрузить Аль в «долгий сон» почувствовал, что стремительно седеет, хотя жрецам это вообще не свойственно. От алтаря, который он обосновал в углу комнаты Альхэ, единственного жилого помещения под землей, потянуло чем-то холодно-недовольным. Проверять, чем это закончится, очень не хотелось. Сейчас он даже был готов согласиться с брошенным кем-то из сторонников Макху, а может и им самим, замечанием о редкостной трусливости жрецов.

Зато Иттрэй уже мысленно что-то подсчитывал, они с Аль обменялись обрывками фраз, по которым — удивительное сходство мышления! — поняли друг друга и огрошили жреца тем, что мощь ограничителей в Альхэ нужно будет довести до максимума. Не сразу, но достаточно быстро.

— Не зеленой.

— Ты ко мне спиной лежишь.

— А я чувствую. Все со мной будет хорошо. Лучше, чем вот так. А у меня будет уникальный опыт и материал для исследования.

— Не на себе же...

— Жрецы, — закатил глаза Иттрэй и встал, оставляя Альхэ с Мактаром одних, отправляясь готовить лабораторию.

— Знал бы Макху, насколько близко мы находимся, — протянул жрец, стараясь разбить тишину и аккуратно устраиваясь на краю кровати за спиной у Аль.

— Думаю, он в курсе. Мне интересно, мать с Иттрэем продолжала общаться? — преобразовательница развернулась к нему лицом, устраивая голову на плече.

— Не знаю. Может быть. Ты уверена, что это единственный вариант? — он сжал ледяные пальцы, чтобы хоть немного согреть. — И почему по имени.

— Да. Уверена. А по имени, — она прикрыла глаза. — Его не было рядом со мной всю мою жизнь, он для меня почти что посторонний. Не могу иначе. Лучше скажи... Побудешь со мной, пока я не усну? И после? Говорят, в долгом сне разум бодрствует, воспринимая все, что происходит вокруг.

— Тогда я буду рассказывать тебе о событиях в мире снаружи. И когда ты проснешься, изменившаяся жизнь не причинит тебе вреда. Ты будешь готова к тому, что будет ждать тебя снаружи.

10. Интерлюдия

— Хорошо горит...

— Мне не нравится, — Мактар прислонился к стволу, разглядывая черный дым над Башней.

— Почему? — хмыкнул Иттрэй и сам себе ответил. — А, да. «Аль бы не понравилось».

— Скорее, она бы посчитала, что пылающая Башня не стоит потерь в лабораториях. Да и зверинец было бы жалко.

— Не без этого.

Иттрэй искоса посмотрел на жреца, который впервые за последние столетия поднялся на поверхность так надолго. Обычно он лишь пару раз в год ненадолго выходил в лес, пробираясь в храм, благо, что щиты Башни все еще неплохо его слушались. Но особо ни с кем не общался, не хотел подставлять. Зато прекрасно мог подсматривать за происходящим и подслушивать мысли окружающих. И воспоминания Иттрэя смотрел, когда тот возвращался от людей, принося новости о событиях в мире и человеческих достижениях.

Так что Альхэ разговорами он развлекал регулярно. Иногда ему даже казалось, что лицо преобразовательницы дергается, что она реагирует на его слова. Иттрэй говорил, что она его точно слышит. И точно не чувствует боли, «долгий сон» вообще не доставлял особых неудобств телу. И ограничители тоже не ощущаются.

Мактар сжал в ладони тонкий металлический цилиндр, который носил с собой последние несколько лет — первый из множества вживленных в Аль, который по какой-то причине перестал влиять на нее, который организм отторг. Жрец тогда навел панику в лаборатории, доведя до седых волос работающих с Иттрэем полукровок и редких смертных, когда взлетел по лестнице, что-то невразумительно бормоча на айрануме. Как итог, только Анктар-старший, пришедший на шум. По мнению преобразователя, долго проводившего различные исследования и буквально поселившегося на этот срок рядом с дочерью, ограничители воздействовали на определенный участок магического тела, изменяя его под какой-то образец и, видимо, после выполнения задачи, физическое тело само от них избавлялось.

Вышедший ограничитель Иттрэй утащил к себе, в личную часть лаборатории. Найдя на нем едва заметные знаки, больше похожие на царапины, он впервые за почти полтысячи лет испытал желание убить жреца. Он гонял Мактара по окрестностям, кричал, ругался, проходясь по умственным способностям всех служителей разом и одного конкретного жреца в отдельности, несколько раз даже догнал верткого южанина, от души приложив того о дерева и землю. Только «Аль бы не понравилось», ставшее потом своеобразной присказкой, удерживало его от более решительных действий. А ограничитель оказался с сюрпризом. По сути дела, это был артефакт, направленный на очищение крови и приведение преобразователя к идеалу. К образу Древних. Удивительно, что Мактар вообще нашел нечто подобное, тем более на севере. Альхэ, можно сказать, повезло.

— Интересно, есть кто живой?

— Ну, Макху, конечно, та еще гадость, но составы у него мощные... удивительно, что Башня устояла, — протянул Иттрэй. — Точно... Башня устояла.

— Это не взрыв в лаборатории.

— Пойдем. Посмотрим поближе. От щитов и так практически ничего не осталось, да и срок моего изгнания прошел.

— Мне это все не нравится, — пробормотал Мактар, когда они подошли к воротам.

Иттрэй замедлился у входа, с недоумением осматриваясь, а потом замер, прислушиваясь к ощущениям. Магия Башни, бывшая раньше удивительно послушной, словно стремительно дичала, становясь грубой и злой, будто сжимала на горле мощные челюсти с длинными клыками.

В главном зале было удивительно пусто и чисто. Анктар прошел сразу к едва заметной нише, о которой Мактар узнал случайно, когда Альхэ срезала через нее путь вместе с ним. Вот только Иттрэй не пошел вверх, он двинулся к сердцу Башни, туда, откуда хлестала сила. На знакомом жрецу ярусе у того по спине прошел противный холодок. Его провожатый нахмурился, глядя под ноги, жрец присмотрелся — едва различимые следы крови. Сглотнул. Вряд ли кому-то еще кроме Альхэ могла принадлежать эта кровь.

— Нам еще ниже. К арке.

«Арка» когда-то действительно была аркой, но время не пощадило даже ее. Теперь место выхода предков представляло собой два каменных столба, изрядно обветшавших, но все еще фонящих сырой магией, как и тяжелые ворота за ними. В подземный город современным преобразователям хода не было, сюда-то еле спускались. Иттрэй был чистокровным, и не самым слабым — и на него этот фон просто давил, как давит на бунтующего внука общение с суровым дедом. Мактар был жрецом и к такому давлению сырой магии привык, его божество иногда устраивало проверки на прочность. Анктар встал ровно «под» центром арки, недовольно сморщился и повернулся к жрецу:

— Если вдруг все начнет рушиться — беги вверх без меня.

И поочередно прокусил оба запястья, опускаясь на покрытый тонкими бороздками пол. Мактар выругался под нос, до побеления сжимая пальцы, боль от впившихся в ладонь ногтей заставила собраться и опознать рисунок под ногами, точную копию которого он постоянно видел в храме на витражах, мозаиках и в росписи потолка. Впрочем, кровью наполнялся только центральный элемент, камень под ногами трянуло, но и только, зато давление магии немного ослабло, совсем чуть-чуть.

Жрец выругался еще раз и впился в свою руку, вливая кровь во внешний контур под тяжелым взглядом Иттрэя. Впрочем, тот смягчился, когда поток силы стал ровнее, словно Башня возвращалась в свое околоразумное состояние.

— Надо проверить храм, — потер висок Мактар.

— Проверим. И тела туда перенесем.

— Думаете, будут?

Иттрэй вместо ответа прикрыл глаза. От потери крови он оправится достаточно быстро, так что еще пара ударов сердца и можно будет идти обратно. Башня тянулась к нему, показывая происходящее, так что Иттрэй прекрасно знал где и кого искать. Жаль, что среди оставшихся здесь, живых уже не было.

Сознание медленно возвращалось к привычному восприятию мира вокруг. Чувство тела обрушилось внезапно, но магии в теле словно и не было никогда. Альхэ выгнуло, она попыталась сжать пальцы, вцепиться в край лабораторного стола, опутанного заклинаниями как паутиной. Вот только то и дело прошивающие тело судороги делали тело абсолютно непослушным, из-за чего преобразовательница рухнула на пол, благо, что высота была уменьшена. Наверняка отец и Мактар постарались, ожидая ее пробуждения.

На холодном полу стало немного легче, но встать на ноги не выходило никак. Анктар попыталась осмотреться, все-таки Мактар хоть и рассказывал ей об изменениях и во внешнем мире, и здесь, но пришлось выждать несколько ударов сердца прежде, чем она вспомнила, который из проходов ведет наверх. В ноздри ударил запах крови. Альхэ переползла тщательно расчерченный контур, давление магии чуть спало, позволяя по стене подняться хотя бы на четвереньки.

— Иррэй-прародительница, что ж так тяжело-то?

Перебирая руками по каменному полу, она смогла подняться на этаж выше. После полной темноты по глазам бил яркий свет из приоткрытого помещения, к которому она и двинулась, практически в дверном проеме, по косяку, поднимаясь на ноги. Возня прекратилась, ее шумное, слишком частое для преобразователя дыхание стало отчетливо различимым. Откуда-то из-за полок выглянул рыжий парень, в первую секунду вызвавший очевидную ассоциацию с Этгером. Потом Аль присмотрелась, сильнее цепляясь за дверь, чтобы перестать качаться.

Да, он тоже был рыжим, но темнее, скорее, медным. Веснушек у Эттера тоже не было, преобразователи все до единого от них избавлялись. Да и лицом он скорее смутно напоминал кого-то из Дженталь. Антара, кого же еще, смысл себя в этом обманывать? Даже глаза сохранили характерный желтоватый оттенок, пусть и маскирующийся под светло-карий.

— Альхэ?

Анктар кивнула, мысленно отмечая, что тот как-то странно произносит ее имя. Парень нахмурился, словно вспоминая что-то, а потом заговорил — или, скорее, произнес заученную фразу на айрануме, специально на такой случай:

— *Меня зовут Рей Майерс. Меня оставили здесь на случай, если ты проснешься.*

Он протянул руку, на которой была выведена половина плетения, позволяющего работать с воспоминаниями. Она различила там слова «язык» и «речь». Собственно, больше ей сейчас и не надо, Мактар не слишком нагружал ее человеческими языками, пока та спала. Но вот о ее пробуждении, кажется, позаботились. Интересно, где они Дженталь нашли, неужели Макху расщедрился? Глупость какая, тот скорее удавился бы, чем уступил.

Альхэ вцепляется в удивительно горячую руку, хотя ей казалось, что у бледного как тень парня она окажется ледяной, и голову на несколько ударов сердца сжимает тугой обруч. Передача языка ведь не только про слова и их правильные сочетания, это еще и определенный образ мышления, образы, эмоции, идеи, которые стоят за ними. Анктар прикрывает глаза, так воспринимать информацию становится легче. Правда, на пол она все равно оседает, вместе с рыжим.

Тот начинает бездумно гладить Аль по отросшим сверх меры волосам, та что-то раздраженно фырчит и не понимает, почему хвост не отзывается на ее желания. Только спустя какое-то время приходит воспоминание о том, что она сняла его еще в Башне.

— Не трогай, — собственный голос, издающий новые звуки, звучит непривычно.

— Прости. Тебе помочь с ними? — он убирает руку с тем же виноватым выражением лица, что и Энху, когда преобразовательница снова начинала шипеть на нее за излишнюю прилипчивость. Люди...

— Нож.

— Зачем?

— Отрезать. Мешают.

— Тогда лучше ножницами, ровнее выйдет. Давай я помогу тебе сесть и поищу, где-то у меня на столе были.

Он рывком поднял Альхэ с пола, пересаживая на стул у стены и снова скрылся за полками, чем-то шебурша и вызывая глухое раздражение. Аль была уже готова обрывать его, когда парень снова появился в поле зрения. Она молча показала сколько оставлять и привалилась боком к спинке стула.

— Мактар просил передать, — он протянул ей в руки исписанную тетрадь, возвращаясь к стрижке. — Там самое основное по событиям за прошедшие века. Как станет лучше, переедем отсюда в город. Мак и Мин'Иттрэй уехали, а здесь ни благ цивилизации, ни еды толком.

— А если бы я проснулась, пока ты за едой ходил?

— Ездил, ходить тут... далековато. Контур бы не выпустил. Может не надо так коротко, все-таки жалко, — он провел ладонью по оставшейся длине, но даже не видя лица чутко уловил недовольный вздох. — Понял.

— Откуда ты? — Аль наискосок проглядывала записи жреца, потом почитает внимательнее.

— Из Хиллоки. Не тебе современного, понятное дело. У реки стоит, просто назван в честь старого города.

— Не про это. У тебя ведь в предках есть кто-то из наших.

— Почти у всех местных есть. Твои сородичи здорово порезвились.

— Упрек?

— Факт.

Альхэ пожалала плечами. С этим не поспоришь, один только родной отец чего стоит... Впрочем, это дела прошлых лет, сейчас ей нужно привыкнуть к новому миру, а там уже решит, что будет делать. Был большой соблазн восстановиться за счет Рея, но что-то говорило, что он ее поить своей кровью не станет, на такое только Мактар был согласен. Скорее бы жрец вернулся...

Она развернулась к Рею, пристально вглядываясь в его лицо, заставляя парня нервно повести плечами. Взгляд у нее практически неподвижный, неживой, как у очень реалистичной куклы, преобразовательница еще и не двигается, не желая тратить силы, почти не дышит — по людским меркам. Майерс пытается понять, где Мактар разглядел ту захватывающую дух красоту, о которой упоминал. Возможно, будь у нее выражение лица чуть помягче, и Рей бы проникся, но сейчас преобразовательница напоминает ему почему-то медленно идущую к берегу огромную волну. Зрелище впечатляющее и захватывающее в своей смертоносности.

— Кофе? — Рей кивнул на небольшую емкость, в которой булькало.

— Что это? — Альхэ принялась, незнакомый и очень насыщенный запах заставлял недовольно фыркать, а темный цвет жидкости только добавлял подозрений. — Оно же растительное, я надеюсь?

— Естественно, — он хмыкнул, разливая напиток в две чашки и отпивая из своей.

Альхэ нахмурилась, рассматривая его снизу вверх, склонив голову к плечу, словно настороженная птица. В стуче сердца что-то изменилось. Терять свою пока что единственную компанию не хотелось, так что вторую порцию она решительно отодвинула.

— Больше тебе нельзя.

— Да ничего мне не будет, — явно слышит не в первый раз, вон как глаза закатывает.

— Ты хочешь со мной поспорить? У вас, людей, и так сердце колотится как бешенное, а от этого, — она запнулась, вспоминая слово, — кофе и подавно. Я тебя сейчас не вылечу, если что. Так что пока я в силу не вернусь...

— Да что вы за народ-то такой! Сколько можно? Слово в слово.

— Послушай умные речи, детка, и не кричи на старших. Все, молчу, — она подняла ладони, заметив, как потяжелело дыхание Майерса, — молчу. Все время забываю, какие вы чувствительные... Как ты тут вообще оказался? Мне показалось, что ты не очень-то любишь преобразователей?

— Жить хотелось.

Не горя желанием расспрашивать, Альхэ обхватила горячее запястье пальцами. Руки у Майерса горели так, словно его лихорадило, до этого только Мактар отличался такой температурой тела, да Энху после преобразования. Воспоминание неожиданно кольнуло в груди. Но это дела минувших дней, пусть и малоприятные. А вот сердце у рыжего действительно пошаливало, да и с дыханием явно были проблемы. Впрочем, с его наследственностью и не удивительно, у Дженталь пульс и дыхание были чаще, чем у остальных преобразователей, мозгу требовалось больше ресурсов. Аль бы поставила на то, что у него случаются проблески дара, что и бьет по слабому человеческому телу.

Она повертела в руках чашку, которую отобрала у Рея, задумчиво принялась и совсем по-звериному лизнула. Подняла глаза на хмыкнувшего парня, на лице которого читалось отчетливое «Как все запущено», настолько несвойственное его предку, что невольно начали закрадываться сомнения в их родстве, пусть и совершенно беспочвенные.

— Итак, значит, мой родитель тебя лечит, а ты за это... как назвать... «принеси, подай, скройся с глаз и не мешай»? — она все-таки отхлебнула из кружки, не до конца понимая, нравится ли ей.

— Вроде того. У меня был выбор к кому идти, но у Макху не осталось химерологов, вот и...

Альхэ сжала чашку так, что осколки впились в ладонь, выплеснувшийся кофе оставил отчетливое пятно на штанине, заставляя промокшую ткань противно прилипнуть к телу, но ей было плевать. Рей со вздохом принялся разжимать напряженные пальцы, одновременно разговором отвлекая преобразовательницу:

— Я помню, что у вас были с ним сложные отношения, но он достаточно неплох, по человеческим меркам. Дед так и вовсе с ним был в хороших отношениях всю свою жизнь.

— А зовут его? — Аль отдала осколки, позволяя обработать руку, все-таки собственной регенерации ей сейчас не хватало, чтобы быстро заживить ладонь, да и легкая боль отвлекала от неприятного предчувствия, она уже знала, кем был дед Рея, просто продолжала отрицать это неприятное знание.

— Ласс. Ласс Майерс...

— Дженталь, — перебила она его, недовольно фыркая. — Еще и человеческую фамилию себе взял, мальчишка.

— Почему ты так не любишь людей? — он закончил перевязку.

— В основной массе я их не люблю. Мне на них просто плевать. Ну, если они ко мне не лезут. Проблем от смертных...

— Странно. Мне показалось, что остальные так не считают.

— Это ты по отношению к себе судишь? Так ты и не человек, у тебя еще очень отчетливая примесь нашей крови. Даже пользоваться магией сможешь, если заниматься будешь.

Майерс фыркнул отчетливо скептически, Альхэ переубеждать не стала. Потом сам все поймет, если доживет до прекрасного дня ее полного восстановления, когда Аль сможет ему помочь. Добровольно-принудительно, но это мелочи. Да и говоря, что Рей — не человек, она даже не врала, он действительно все еще в значительной степени был преобразователем, пусть и с покоренным даром.

Она наклонилась ближе, пригнувшись к Майерсу, и застыла. Ухватила его за руку, удерживая на месте и теперь уже внимательнее начала разбирать запах, отсеивая все посторонние лабораторные примеси. Странное сочетание почему-то царапало мозг, она никак не могла понять, кого же ей напоминает... очевидно, что Антаром, да, запахи родственников схожи, но было что-то еще, вот только вспомнить не получалось.

— Все хорошо?

— Да, просто...

— У тебя та же привычка, что и у твоего отца. Хотя он не обнюхивает людей так в открытую.

— У меня сильнее выражена склонность к химерологии. Поэтому и инстинктов больше. Да и возраст, мне же меньше трех соте... тьма, мне же уже за тысячу перевалило. Отвратительно, я в одно мгновение состарилась.

— А как хорошо сохранилась! — всплеснул руками рыжий.

— Ух ты, детка, ты умеешь зубки показывать? — оскалилась она в ответ. — Это все, безусловно, очень мило, но я хочу есть как последняя оголодавшая тварь в этом мире, как хищник в хранилище овощей, как...

— Я понял, — остановил он поток слов. — Предпочтения есть?

— Ем все. Веди.

*

Альхэ ковырнула вилкой рыбу. Не сказать, что она ее сильно любила, предпочитала все-таки мясо. Хотя даже его в вареном виде не жаловала. Но Майерс уперся рогом, ткнув в рекомендации, оставленные ушедшими преобразователями, даже недопитую чашку кофе на другой стол переставил. Преобразовательница отслеживала его действия с поджатыми губами, она могла бы без особых проблем отвоевать себе что-то повкуснее вареной рыбы, но решила пока повременить. Всегда успеет испортить отношения со своим... как бы его назвать? Со своей сиделкой, да. Рей явно чувствовал себя не слишком комфортно под тяжелым взглядом Анктар, но держался неплохо.

— От тебя животинной пахнет. Кажется... да, у тебя собака?

— Пес, да. Драконом зовут. Я вас потом познакомлю.

— Мактар накопителей не оставлял?

— Мне — нет. Так что спросишь у него сама, когда он вернется.

— Я хочу на улицу. Пойдем. Меня уже тошнит от этих стен. И не смотри так, я не собираюсь углубляться в лес.

Если парень и хотел что-то сказать, то явно махнул на это рукой. От Майерса вообще веяло каким-то странным смирением, словно ничто в поведении окружающих уже не могло его удивить и сильно выбить из душевного равновесия. Или же, словно он очень устал от жизни. Аль это раздражало, пусть и слабо, но желание растормошить вызывало.

Впрочем, сейчас в лес хотелось сильнее, она тут же отодвинула от себя тарелку, вскакивая, немного пошатываясь с непривычки — без хвоста равновесие было держать сложновато, и вылетая в коридор вперед Рея. Тот только тяжело вздыхал, неуловимо напоминая этим Антара, правда, менталист вздыхал не тяжело, он вздыхал смиренно. Но все равно вышло настолько похоже в какой-то момент, что Альхэ замерла, отгоняя наваждение.

Коридоры она смутно узнавала, хотя проходила по ним тогда на грани затмения, подавители корежили и тело, и разум. Сейчас, находясь в здравом уме и трезвой памяти, она старательно запоминала маршрут, следуя за своим проводником. Ноги еще не слишком хорошо слушаются, с чувством равновесия вообще беда, но она упрямо отказывалась от поддержки, убежденная, что чем больше она будет перемещаться сама, тем быстрее войдет в норму. Так что ступеньки преодолевали долго. К удивленному раздражению Аль, лестница оказалась настоящим препятствием, руки дрожали, лоб покрылся испариной, а Майерс каждый выстраданный шаг предлагал вернуться назад и отлежаться. Анктар шипела и отмахивалась. Но в итоге все же присела на лестницу, рассматривая просторное помещение.

— Мне кажется, или это...

— А? А, в углу-то... Основной алтарь у Мактара где-то в закрытых помещениях, но и тут он угол обжил. Мне иногда кажется, что он не в себе.

— Он? Я бы поспорила, жрецы куда крепче дружат со своей головой, чем все мы. В большинстве, конечно, исключения и фанатики есть и тут, но Мак...

— Но Мак как раз-таки фанатик. Может раньше он и был нормальным, судить не берусь, но сейчас он все свободное время просиживает колени у алтаря и пустым взглядом перед собой смотрит, — Рей поежился. — Зрелище — на любителя.

— Мактар на коленях? — голос у Аль как-то странно скользнул еще ниже, теряя обычную хрипотцу. — Кажется, я как раз любитель этого зрелища.

Рей на миг замер, а потом широко распахнул глаза. На лице рыжего легко читалось возмущение, которое, впрочем, он и не пытался скрыть. Губы Альхэ дрогнули, люди все-таки слишком сковывали себя рамками морали. Впрочем, винить их за это она не могла, человеческие организмы очень хрупки, любое неосторожное движение в их случае — смерти подобно. Даже с примесью их крови.

Вот, если посмотреть на Рея. Она сразу может сказать, что тот среди преобразователей протянул бы от силы месяц. С другой стороны, была в этой слабости и хрупкости своя прелесть. Анктар наклонилась ближе, принюхиваясь. Под теплой кожей так вкусно проступала венка. Плывущее от такой резкой нагрузки сознание и то и дело трясущееся от напряжения тело требовали подпитки. Раз накопителей не было, то ей бы пригодилась сырая магия. Вот только логово отца сильно в стороне от источника. Зато в крови она есть, даже в такой разбавленной. Рывок.

Рывка хватило на то, чтобы опрокинуть Майерса, но добраться до шеи он не дал, справляясь с ослабшей за столетия преобразовательницей. Краем сознания она понимает, что ведет себя неправильно, но ей слишком хочется крови, как и любому химерологу в ее состоянии, и слишком не хочется что-то объяснять. Когда у Аль почти получается добраться до Рея, над головой распаивается дверь. Сознательная часть нервно хихикает где-то на задворках сознания — слишком часто ее в жизни пытаются прервать прямо в разгар веселья. Обидно. Злит. Знакомо... знакомо пахнет?

Рей пользуется минутной заминкой, выбираясь из хватки и, здраво оценивая силы, взлетая на пять ступенек выше, чтобы скрыться за Мактаром. Альхэ смеется, показывая клыки. Наивный. Как будто за жрецом получится спастись от нее.

— Я даже не буду спрашивать, что тут происходит. Совсем тяжело?

Не дожидаясь кивка, он закатал рукав. Майерс вздрогнул, когда севший рядом с озверевшей преобразовательницей жрец спокойно протянул ей руку и даже не дернулся, когда та прокусила кожу, с животным урчанием принимаясь пить кровь. Ему объясняли, что у молодых преобразователей, особенно у химерологов, случаются подобные, кхм, эпизоды, но лично он такого не видел. Мактар вообще был поразительно спокоен, когда дело не касалось Альхэ и религии. Иттрэй тогда на его вопрос просто пожал плечами:

— Она похожа на бабушку, с моей — как вы это называете? — тещи ваяли самый популярный вариант главной алтарной статуи. А жрецы всегда были... немного не в себе. Просто прими это как факт.

Майерсу оставалось только согласиться с таким подходом. Вот только спустаться по лестнице мимо преобразователей он не рискнул, пошел в обход, а ехидный смешок ему, конечно же, только померещился.

— Я скучал...

— Охотно верю. Хвост-то почему не прицепили, я без него все углы собрала, — Альхэ подобралась к Мактару ближе, а потом и вовсе переползла к нему на колени. — Ты как-то изменился... в плечах прям раздался.

— Несколько десятилетий усердной работы и меня со спины уже ни с кем не путают, — усмехнулся жрец.

Альхэ прикрыла глаза, прижимаясь теснее, ощущая, как противный, казалось, пропитавший ее после одиночной камеры холод немного отступает. Ровно настолько, чтобы пальцы начали слушаться хоть слегка. Мактар едва слышно рассказывал о событиях прошедших столетий, плавно избегая темы Башни и преобразователей, до тех пор, пока Аль не подкинула ему мысль о том, что Майерс уже проболтался.

Жрец фыркнул, но комментировать не стал, только нашел взглядом почти скрывшегося в переходе Рея, не зная, стоит ли поднимать с ним тему его длинного языка или нет. Все-таки полоскать друг другу мозги они могут до бесконечности. Мактар скосил глаза на Альхэ, губы невольно изогнулись в ухмылке — не повезло ей, фактически трех менталистов разной силы иметь под боком.

— Какая поразительная тишина...

Анктар поражено озиралась, удивленная тем, что не слышит вечного гула из звериной возни, биениях их сердец, хлопанья крыльев и подобных звуков дикой жизни. Правда, радовалась она этому недолго, ровно до тех пор, пока не поняла, что тишина вызвана полнейшим магическим истощением. Даже те накопители, которые отдал ей Мактар, не помогали восполнить резерв, их энергия просто ушла в пустоту. Это раздражало, но приходилось терпеть, вмешиваться в процесс восстановления более серьезными способами никто не рискнул. Иттрэй строго запретил, пообещав открутить голову помогавшим, а самой Аль — даже не пришлось бы, потому что ее бы просто вывернуло бы наизнанку. И отнюдь не в переносном смысле.

Впрочем, сама преобразовательница предпочитала рассматривать происходящее как интересный опыт, все-таки одно дело — представлять, как живут и воспринимают мир обычные смертные, а другое — самой испытать это. Так что Анктар от души наслаждалась тишиной, новыми запахами, вкусами, ощущениями. А уж когда Мактар подпихнул ей дольку шоколада на пробу, Аль и вовсе решила дать новому миру шанс. Теперь шоколад и конфеты от Альхэ прятали по всем щелям, кто же знал, что та окажется редкостной сладкоежкой. Стоило где-то прошуршать фантику, как она тут же оказывалась за дверью, лишая менталистов законной подпитки для мозга. Впрочем, Мактар как раз прекрасно понимал, что магия — в мозгах, так что делился. Альхэ вообще ела за пятерых, чистокровные преобразователи могли почти не питаться, если не испытывали недостатка в магии, но в остальных ситуациях еда, казалось, испарялась, не доходя до желудка. И на этапе восстановления главным было не мешать и не ограничивать. Даже если утробное рычание с кухни и грохот посуды по ночам иногда пугали. Благо, что животных повадок в поведении Аль становилось все меньше и уже можно было не бояться подходить к ней в такие моменты.

— О чем вы там шепчетесь? — Альхэ потрепала между ушами подбежавшего Дракона, Рей все-таки забрал пса от друзей, получив разрешение привезти его сюда.

Животное, кажется, искренне намеревалось сменить хозяина на жоака. Дракон даже спать теперь приходил к Альхэ, которая, убедившись в чистоте лап, пускала его на кровать. Майерс недовольно сопел, но переубедить питомца не мог. Живность вообще питала удивительно теплые чувства к Аль, видимо, сказывалась природа дара, только химер приходилось приручать искусственно, а обычные животные приходили сами.

— Думаем, можно ли тебя вывести в город или еще рано.

— Не хочу. Меня вполне устраивает лес. В нем, хотя бы, нет людей. Ладно, почти нет. Да и до Башни мы так и не добрались.

— Вот тебе туда сейчас точно не стоит туда лезть.

— Да что мне будет? — она закатила глаза. — Макху, как я поняла, давно оттуда ушел, а больше никто на меня зуб и не точит. Не думаю, что я во сне умудрилась врагов нажать.

Пес рядом с ней согласно залаял, но замолчал и обиженно посмотрел в ответ на тихое хозяйское «Предатель». Майерс усовестился. Зато Мактара ни взгляд собаки, ни взгляд преобразовательницы не впечатлили. Может, он и сам был бы не против пройтись до прежнего места жительства, заглянуть в старый храм, пусть все самое важное из него давно уже перенесли в новую постройку. Но рисковать Альхэ... Скажем так, от ее разгневанных родственников его не спасет даже смерть. Так что пусть сидит себе тихонько в Хиллоки, кошмарит Рея и не лезет к Макху.

— Не вздыхай на меня так! — Анктар продолжила смотреть на жреца. — Макху меня уже наверняка благополучно похоронил, и искать не будет.

— С учетом того, что он недавно устроил охоту на людей с пробудившимся даром, у которых в предках бастарды Иттрэя отметились... Не уверен. Кажется, у него ко всем Анктар личные счета.

— Да с чего бы? Нет, я понимаю ко мне, ладно, готова признать, крови я ему, по матушкиному примеру, попортила немало, но этих-то за что? У него и к жрецам вопросы были, но ты же жив вполне.

Мактар повел плечом. Его счастье, что Аль не рассматривала спину, иначе бы обязательно заметила бы белую полосу от сведенного магией рубца, почти отправившего его на тот свет. Нелюбовь к его братьям он еще мог объяснить, все-таки амбиций у него было много, но за столетия жизни служители культа много раз ему мешали. Да и сам Мактар явно влез во что-то личное, когда вступился за Альхэ. Но вот в чем причина такой нелюбви ко всем Анктар да и вообще ко всем чистокровным разом — это большой вопрос.

— И вообще, раз вы так печетесь о моей безопасности, то с чего взяли, что в городе будет лучше? Там слишком много людей, ждать подвоха от каждого встречного — отвратительно, да и когда дар начнет возвращаться, спрятать это будет сложнее...

— Никаких проблесков? — жрец совершенно верно истолковал заминку.

— Ничего. Вы точно все выгащили? — нервно хохотнула Альхэ.

— Точно. Могу показать шкатулку, пересчитаешь.

— Спасибо, обойдусь. Стоп, ты их сохранил?

Мактар невольно вздрогнул, потому что в глазах у Альхэ читалось то самое недоумевающее напряжение, с которым его рассматривал Рей Майерс, когда жрец заговаривал о Безымянной или об Альхэ. Да и от других он его получал. «Не знаю, чего ждать», так бы он его истолковал. Нужно было срочно дать хоть какой-нибудь ответ.

— Мало ли, когда пригодится. Все-таки не абы какой материал...

— Главное, чтобы не для менягодились...

Дракон чутко уловил смену настроения, опустив голову на колени преобразовательнице и сочувствующе вздохнув. Альхэ отвлеклась, запуская пальцы в густую шерсть, местами кучерявую, с тоской вспоминая оставшихся в прошлом химер. Она примерно представляла, что ждет ее во внешнем мире, и не слишком горела желанием туда выходить. Да, сейчас люди изменились, но кто сказал, что в лучшую сторону? Впрочем, если Аль продолжит сидеть здесь, настолько близко к прежнему дому — она сама себя изведет, и от этого ее состояние точно не улучшится.

Альхэ поймала внимательный взгляд Мактара и обреченно кивнула. От всей фигуры жреца дохнуло облегчением. Он даже присел рядом, Дракон снисходительно подставил ему бок для почесывания. Преобразовательница дернула уголок губ: отношения у южанина с псом были сложные, они друг друга не признавали, относясь с холодным равнодушием. Только взаимная любовь Дракона и Альхэ немного изменила эту ситуацию.

— Только я не уверена, что пройду столько...

— Тебе и не придется. Доедем. Тебя даже укачивать не должно, по идее, у тебя вроде неплохой, как это называется...

— Вестибулярный аппарат? — уточнил Рей, решив все же вклиниться в диалог. — Судя по тем забегам по лесам с прыжками во всех плоскостях, что ты описывал, у нее проблем быть не должно. Раз мы завтра уезжаем — я иду собирать вещи и отсыпаться. Вам советую сделать то же самое.

— Он мне Дунха напоминает, — пробормотала Альхэ, когда Майерс скрылся за дверью. — Такой же нудный временами, аж придушить хочется.

— Я бы не сказал. Что Дунха был сильно нудным. А этот... Тьма с ним. Как ты себя чувствуешь?

— Ты уже спрашивал сегодня. С жизнью совместимо. По крайней мере, я не чувствую себя вытасченной из аквариума заготовкой. Я пока вообще не знаю, что чувствую. Мне надо побыть одной, извини, — Альхэ кивнула псу, уходя в дом.

Мактар запрокинул голову, рассматривая темнеющее небо и первые звезды. Он был счастлив, что Альхэ вернулась, вот только теперь она была какая-то не такая, и он не мог даже гадать, вернется ли его прежняя Аль. Изнутри головы словно холодными пальцами прощлись, заставив жреца поежиться. Кажется, он случайно подумал что-то не то.

Она и не должна под тебя подстраиваться и оставаться прежней. Это ты можешь позволить себе застрять в прошлом. А преобразователи — настоящие преобразователи, Мактар — меняются. Помни об этом. Иначе я быстро найду тебе замену.

Как будто кроме меня остался кто-то из жрецов!

Всегда можно призвать новых.

Ощущение чужого присутствия в голове исчезло, оставив после себя тупую боль и стекающую по лицу кровь. Вот и поговорили... Мактар запоздало понял, что внимательный взгляд Безымянной в последнее время, когда появлялся, был слишком уж холодным. А сейчас словно что-то изменилось. Жрец попытался прислушаться к мыслям Альхэ и Рея, но ничего не уловил. Успокаивая тем, что оба, возможно, уже спят, Мактар вбежал в дом. Вот только Аль была еще на ногах, рассматривала малый алтарь, остановившись всего в шаге от него. И взгляд у преобразовательницы обдавал уже знакомым холодом. Значительная часть его силы ушла в единый момент, словно кто-то в два глотка опрокинул в себя стакан воды, оставив лишь немного на самом дне.

Жрец сделал еще один шаг, понимая, что Альхэ у алтаря не было.

*

— Все хорошо? — Рей бросил на нее взгляд через зеркало заднего вида.

— Ага... Я просто пытаюсь посчитать, сколько времени у меня уйдет на восполнение пробела в знаниях.

— А разве в тот раз ты не...

— Нет. Я знаю подходящие слова, но многие понятия из твоей головы для меня очень размыты. Мне нужно взаимодействовать с миром. И не взаимодействовать с людьми, желательно, но тут уж как получится.

Майерс кивнул, не отвлекаясь от дороги, тихо радуясь тому, что бледно-зеленый жрец уснул сразу, как они выехали. Таким подавленным он Мактара не видел ни разу, но отчетливый запах, названия которому Рей не знал и которым было пропитано пространство у алтаря, заставлял думать, что корень проблемы кроется в его непостоянном божестве. Попытки относиться скептически к вере южанина в Безымянную провалились, когда существование древней богини подтвердил даже дед, с которым Майерс общение не прерывал, пусть они и

значительно отделились. По рассказам Макху, которые Ласс почти дословно передал внуку, жрецы культа поклонялись вполне реальной сущности, но вот ее происхождение вызывало вопросы. Сам преобразователь, правда, считал, что сущность эта осталась в мире предков, а сюда, до здешних жрецов, долетали только ее «отголоски», эхо силы. Мактар на вопрос отреагировал нервно, поменялся в лице, покосился на статую, но все-таки сказал одну-единственную фразу:

— Корни ее лежат в другом мире, да, но родилась она здесь.

И больше к этой теме они не возвращались. Иттрэй тоже картину не прояснил, но Рей и сам начал замечать странное. Словно кто-то стоял рядом, внимательно его рассматривая. Иногда он ощущал странную волну, прижимающую к полу, обычно перед очередным ухудшением состояния, будто неведомое существо проверяло его на прочность. С пробуждением Альхэ стало словно проще. Он ощущал присутствие, но теперь смотрели не на него, и жить стало гораздо легче.

Анктар тоже посмотрела на жреца, нахмурилась, поджала губы. Майерс, решив воспользоваться моментом, задал вопрос:

— Почему он такой?

— У меня есть идея, но я не уверена. Он внешне похож на преобразователя, побывавшего в храме. Или на заработавшего истощение.

— И? Что это дает?

— Кажется, его божество им недовольно. Мать рассказывала, — Альхэ запнулась, лицо на миг стало совсем жестким, но продолжила, — она однажды видела жреца, отказника... Не помню, то ли сам уйти хотел против воли Безымянной, не то чем ей не угодил — и не смотри так, я тоже сомневалась, переосмыслила все, пока лежала тысячу лет — выглядел он примерно также. И прожил потом недолго. Очень надеюсь, что Мактар по его стопам не пойдет.

Рей кивнул. Он примерно представлял, чем может закончиться для жреца впадение в немилость. При всех его недостатках — такого исхода пожелать Мактару было нельзя. Альхэ сделала себе мысленную пометку поговорить с ним позже, когда приедут в Хиллоки. Жаль, что магия еще не вернулась и метки были неактивны. Смотреть на запястье вообще не хотелось, потому что из всех отметин на руке живой была только одна, та, что связывала ее с Мактаром. Еще одна была едва заметно серой на фоне остальных, но надеждами по поводу Энху Аль себя не тешила, скорее всего она останется такого цвета пока сама преобразовательница жива, все-таки магический фон химеры во многом повторяет фон создателя.

Лежащий рядом на сиденье Дракон поднял голову, осмотрелся и с тяжелым вздохом лег обратно. Анктар задумчиво потрепала пса по густой шубе, заодно отогревая руки. Ее после пробуждения часто знобило, даже не так, после ограничителей в подвалах Башни. Очень хотелось закутаться в одеяло с пачкой расчетов, но такой отдых она себе сейчас позволить не могла. Никто не знает, как подавители повлияли на ее дар, многому придется учиться заново, наверняка. Хотя Рей с Мактаром старались внушить ей веру в более благоприятный исход.

— Вообще, это странно. Она к нему всегда была благосклонна. А зная, сколько всего в жизни себе позволяли остальные жрецы, удивительно, что он умудрился сотворить что-то, что ей не понравилось.

— Твой отец сказал, что вы с алтарной статуей похожи... Не могла его богиня приревновать?

— Да не... Даже звучит глупо. Ладно, смысл гадать, проснется — спросим.

— Не расскажет, он как-то неохотно про нее говорит. Если спрашивать, я имею в виду.

— Я сама с ним поговорю тогда, лично. Я бы все-так предпочла его живым видеть.

Она посмотрела на отражение в стекле со стороны Мактара, но не подала виду, что заметила, когда тот проснулся. Вид у жреца действительно был печальный и откровенно нездоровый. Альхэ только уголком губ дернула, когда Мактар распахнул глаза, встретившись с ней взглядом. Впервые на ее памяти тот напоминал побитую собаку, даже у достаточно равнодушной к такому Аль сердце сжалось. Жалость и сочувствие не были у нее ярко выражены, пожалуй, только Энху вызвала в свое время нечто похожее.

Жрец слабо улыбнулся ей в ответ и снова закрыл глаза. А Альхэ впервые с почти позабытого детства вспомнила древние слова, сложенные еще ее предками. Правда, беззвучно шевелящиеся словно в задумчивости губы произносили не их, почему-то казалось, что что-то шаблонное Безымянная пропустит мимо ушей. Зато айранум Анктар знала прекрасно и могла произносить то, что действительно хотела. В какой-то момент ей даже показалось, что на нее кто-то смотрит. И даже не вскользь, а очень внимательно, оценивающе, словно проверяя, насколько преобразовательница убеждена в том, что говорит, насколько она сама себе верит.

*

— Уже устроилась? — Мактар заглянул в открытую дверь.

Вместо ответа Альхэ постучала по кровати рядом с собой. Жрец подошел ближе, Аль невольно прищурилась, заметив как тот вцепился в изножье, опускаясь не на саму кровать, а на пол рядом с ней.

— За что она тебя так? — она запустила пальцы в спутанные кудри, не то пытаясь привести их в порядок, не то

делая еще хуже.

— За несогласие с ее пожеланиями. За сомнения в ее решениях. За неисполнительность.

Альхэ сползла вниз, устраиваясь плечом к плечу. Мактар осторожно коснулся кончиками пальцев холодной руки, преобразовательница перевернула ее ладонью вверх, даже пальцем поманила. Шестым. Улыбнулась, когда увидела на лице жреца чуть более живое выражение, едва тот сплел пальцы.

— Ты останешься?

По лицу Мактара скользнул луч света от проехавшего мимо автомобиля. Только глаза так и остались непроницаемо-черными, даже блика не возникло. Анктар рассматривала его внимательно, до боли напоминая этим взглядом безымянную, в горле комом застряло желание рассказать о событиях тысячелетней давности.

— Я должен тебе кое-что рассказать... Наверное. Я не знаю, нужно ли тебе это вообще слышать...

— Ты хочешь уйти?

— Что? — выходит на грани слышимости, очень сипло, очень сдавлено. — Нет, я... Я вообще не об этом. Старая история, наверное, нужно было сразу сказать...

— Раз старая — пусть в прошлом и останется. Не хочу тащить из прежней жизни что-то, что может мне не понравиться.

От объятий Мактара, казалось, хрустнут ребра, Аль не ожидала такой хватки, резко выдыхая, но все-таки отвечая, заваливаясь вместе с ним на холодный пол. Правда, в какой-то момент преобразовательница, все так же довольно улыбаясь, тянется к его шее и вцепляется в нее зубами. Он шипит, но попыток оторвать от себя Альхэ не делает. Та еще несколько раз несильно прихватывает тонкую кожу и успокаивается.

Мактар тоже расслабленно вытягивается на ковре, бездумно поглаживая Аль по спине. Уходить не хочется, да его вроде бы и не гонят прочь. Он поворачивает голову, рассматривая прижавшуюся к нему Альхэ. Интересно, если Темная все-таки лишит его подпитки, останется ли Альхэ с ним до конца? Уйдет? Может, милосердно добьет? Помявшись, жрец решает не спрашивать об этом сейчас, не портить момент. Тем более, что она сейчас напоминает пригревшуюся кошку, даже вцепиться зубами и когтями норовит, мигом превращаясь из домашней мурлыки в хищника.

Анктар переворачивается на живот, приподнимается на локтях, рассматривая жреца сверху вниз. Холодные — опять холодные! — пальцы обводят по контуры следы от зубов, оставленную Безымянной отметину, кадык, скользят выше, переходя на лицо.

— В худшем случае, — голос у нее снова хрипит, — я повторю с тобой тот же трюк, что и с Энху. И никуда ты от меня не уйдешь. Ты будешь со мной всегда...

— Если ты того хочешь, — жрец пожимает плечами, ощущая как идущая от Аль ледяная волна еще сильнее вжимает его в пол.

Волна настолько холодная, что очень скоро он перестает ощущать этот холод, неожиданно согреваясь. А потом все заканчивается, стоит лишь Альхэ отвести взгляд. Пальцы снова скользят по лицу, словно она резко ослепла и пытается запомнить его черты наощупь. Взгляд Альхэ мутнеет, по спине жреца стекает холодный пот, слишком уж сейчас она похожа на ту одержимую себя, которую он видел в храме. Ладонь ложится на горло, словно примеряясь. Мактар внезапно вспоминает диких животных, запрокидывает голову, открывая шею еще сильнее.

Но рука соскальзывает. Жрец выдыхает, буквально обмякая. Преобразовательница устраивается рядом, снова прижимаясь к боку. Кажется, затмения не будет, к его великой радости. Это в первый раз по глупости и от излишка сил он мог себе позволить приложить ее ментальной атакой, а сейчас за такое ему не просто выскажут неудовольствие, а отправят к предкам в тени.

— Меня волнует, что никакого улучшения нет. Я даже потоки не вижу. Чувствую себя человеком.

— Аль, — он переворачивается на бок, рассматривая Анктар. — Ты очень много лет пролежала на грани жизни и смерти. Естественно, что восстановление тоже будет долгим. Ты и раньше-то лечиться не любила, я и не жду, что что-то резко изменится. Просто пожалей себя хотя бы в этот раз. Читай, ешь, спи. Отдыхай.

— Мне иногда кажется, что какая-то часть Дунха теперь живет в твоей голове. Что с ним произошло?

— Мы так и не поняли. Такое чувство, словно все умерли разом, никогда такого не видел... Как будто из них магию откачали разом. И источник... Озверел, если это можно назвать так. Иттрэй бы сказал больше, я не очень в этом понимаю.

— Значит, будем ждать. Я скучала. Я помню, что ты мне рассказывал о происходящем в мире, я даже что-то запомнила, но... Это не то. Я так отвыкла чувствовать себя живой.

— Зато сейчас даже мелочи радуют, да? — он перекатился, подминая ее под себя.

— Не прибедряйся, — хохотнула Альхэ, едва различив хлопок входной двери. — Интересно, он просто с Драконом ушел или это был намек, мол, развлекайтесь, пока меня нет?

— Вернется — спросишь, — наклонился к ней Мактар. — Пса он выгуливает часа два обычно по вечерам, так что время у нас есть.

Альхэ с нескрываемым удовольствием потянулась к губам жреца.

*

— Помочь?

— Да, пожалуй, — Альхэ отошла от кофеварки, уступая место Рею.

Тот принялся медленно выполнять все действия, давая Альхэ возможность запомнить их последовательность. Преобразовательница, правда, следила за его руками краем глаза, предпочитая рассматривать лицо. В спокойном состоянии он отчетливо напоминал Антара, но вот кому принадлежит мимика она понять не могла. Возможно, досталась от смертной родни, но Аль не была в этом уверена.

— Сравниваешь?

— Да, — она даже отрицать не стала. — Ваше семейство еще не скоро потеряет сходство с Антаром, даже если продолжите разбавлять кровь.

— Так сильно похож? — Рей поставил кружки на стол.

— Знаешь, больше характером. Хотя, возможно, это черта всех менталистов. Мозги перевешивают сердце. А внешне... Глаза, — холодные пальцы потянулись к лицу, — нос, губы. Но видно, что много человеческого.

— Звучит как упрек, — он отпил кофе.

— Во всяком случае — не тебе. Бессмысленно упрекать за происхождение.

— А слово «полулюдок» в твоей речи просто так появилось? — взгляд у Майерса был прямой, убрать ее руки от себя он даже не пытался, хотя к прикосновениям химерологов многие относились с опаской, пожалуй, только оба Дженталь не дергались, знали, что успеют услышать опасность для себя в ее мыслях, да Энху, искренне убежденная в том, что Альхэ ее спасла не для того чтобы убить.

— О, Эттер еще жив? Я вроде только при нем его употребляла. Ну, еще при Мактаре... И то, проблема там была отнюдь не в происхождении, просто Инар продолжал вести себя и воспринимать мир как смертный. В это все дело. Дать тому, кто видит мир глазами человека, магию, все равно, что дать ваше современное оружие обезьяне.

— Все равно звучит отвратительно. Угнетательски.

— Угнетательски, милый мой, это ограничивать в исследованиях из-за того, что полукровки лезут в требующую большого количества магии отрасль, надрываются, гибнут кучами, а когда их пытаются не пускать — вопят о нежелании чистокровных делиться знаниями. Лезут как люди напрямик, а потом возмущаются, что в лоб получили. Есть, правда, идейные, как Макху, которых считал всю химерологию злом.

— Да он все злом считал, сейчас радуется, наверняка, что избавился разом ото всех, — в дверях появился Мактар, внимательно разглядывающий Альхэ.

— Ну, знаю я кое-что, да... Просто мы предпочитали эту историю на свет не выносить, а тех, кто ее застал, живых практически не было к моему сотворению.

Он продолжил буравить ее взглядом, та кивнула на Рея. Майерс, нахмурившись, оглядел обоих преобразователей, не понимая, в чем причина молчания. Жрец только выразительно развел руками, мол, я сейчас бессилён, но историю хотелось бы услышать сейчас. Альхэ помялась, не зная, стоит ли рассказывать об этом без согласия Иттрэя. Обрадованная найденным решением неловкой ситуации, она на отца и сослалась.

Мактар только хмыкнул, принимая ответ. В глазах Рея читалось Антаровское «мы оба знаем, что это отговорка, но я в нее поверю, так и быть». Жрец заметил переглядки, но ничего не сказал. Просто устроился рядом, плавно переводя тему на более нейтральную, вскользь упоминая, что ему скоро придется их оставить, уехать по очередному заданию Иттрэя. Аль кивала, пока в какой-то момент с недовольным шипением не накрыла глаза ладонями, игнорируя взволнованные вопросы. Сквозь пальцы огляделась. По довольному оскалу — назвать это улыбкой у жреца язык не повернулся бы — стало ясно, что подвижки в восстановлении все-таки имеются.

Правда, скачок очень резкий. Мактар нахмурился, но спрашивать не стал. Не при Майерсе, уж очень ему не понравится версия жреца. Альхэ посмотрела на них покрасневшими глазами, зрачки уже не пульсировали, сплетение магии вокруг она рассматривать не стала, ослепла бы еще, все-таки Иттрэй ответственно подходил к безопасности дочери, пусть та и начала бы отмахиваться от «излишней опеки», так что в известность ее никто просто не поставил.

— Мактар, — протянула она.

— Да?

— Раз уж ты нас скоро покинешь, может, составишь мне компанию? Хочу город посмотреть. Одна я далеко не уходила...

— С превеликим удовольствием.

Майерс только махнул рукой на их прощание, мол, идите уже отсюда. Альхэ вцепилась в локоть жреца, все еще неуютно ощущая себя на шумных улицах, но ровно до тех пор, пока Мактар не увлек ее в парк.

— Я уже знаю, о чем ты хочешь спросить. Не переживай, никого нет, я не чувствую присутствия. Нет, меня никто не видел.

— Аль... Ты же понимаешь, что это безответственно? Не буду говорить про аморальность, не мне к этому звать, но ты понимаешь, что было бы, если бы кто-то тебя заметил?

— Все же обошлось? — она развернулась. — Да она и так планировала на себя руки наложить, а я просто немного помогла. С пользой для себя.

— Значит, не только Макху у нас теперь слабых одаренных режет, — он тяжело вздохнул, массируя занывший висок. — Ладно, ладно... Помощь нужна?

— Я тебя обожаю! — она буквально повисла у него на шее. — Нужна. Я немного подпиталась, но, сам понимаешь, этого мало. Да и тебе восстанавливаться надо...

Они свернули в менее ухоженную часть парка. Аль принялась. Никого. По лицу словно волна прошла, снимая маску, показывая Мактару темные круги под покрасневшими глазами и посеревшее лицо. Жрец только и мог пробормотать что-то похожее на «Я даже не удивлен», вытягивая из внутреннего кармана связку накопителей, утаченную из храма. В доме Рея Альхэ таким способом пользоваться не стала бы, мало ли, какой конфликт случился б у разных по своему характеру сил. А тут... Она разломила тонкий стержень, царапая острыми краями ладонь. Светящееся нечто, похожее на стекло, буквально приросло к коже, впитываясь в руку, проникая внутрь, перетекая в кровь. Руки на миг чуть окутались светом, Альхэ рухнула на шаткую лавочку, запрокидывая голову, переживая короткое головокружение. И вдруг медленно выпрямилась, поворачивая голову куда-то в сторону.

— Не здесь. Я тебе потом в храм кого-нибудь приведу, но не тут, Аль.

— Там всякой дряни намешано, я даже не думала. Я, конечно, могу потом сама себя почистить, но приятного мало. А вот развлечься...

Она с хулиганской улыбкой посмотрела на жреца, а потом медленно выпустила когти, шипя от ощущений. Мактар явно подавил порыв закатить глаза. Следуя за Альхэ на несколько шагов позади. Животное урчание и дикий вопль заставили все-таки догнать умчавшуюся вперед преобразовательницу.

— Он хоть жив?

— Вроде.

— Тогда пойдем. Очухается сам. Когти спрячь.

Анктар кивнула, но через мгновение посмотрела на жреца круглыми глазами. Понятно, перенапряглась. И сырую силу ей тоже сейчас больше нельзя, мало ли, как отреагирует, отравление магией тоже бывает. Мактар тяжелым взглядом посмотрел на жертву отвратного чувства юмора преобразовательницы и собственных пагубных привычек. И вытащил из-под одежды тяжелый ритуальный нож, оставшийся у него еще со времен Керэн-Лэ.

Ведомая каким-то инстинктом Альхэ оказалась за спиной опустившегося на землю жреца, опуская подбородок на его плечо, обнимая его, прижимаясь. Тот накрыл холодные пальцы теплой ладонью, медленно выдохнул, полоснул лезвием по запястью. Напившийся крови нож потемнел, одновременно словно начиная просвечивать еда уловимо. И как в воду провалился в грудную клетку человека.

Анктар как будто впервые в храме оказалась, настолько ее придавило концентрированной силой. Только в этот раз она не вышибала воздух из легких, а наоборот пыталась проникнуть глубже. Альхэ протянула руку, накрывая пальцы Мактара, вцепившиеся в рукоять, и без усилия выдернула жреческий инструмент из недобровольного донора. Давление прекратилось.

— Он даже еще жив. Удивительно.

— Встречаются среди них поразительно одаренные.

Они посмотрели друг на друга и нервно рассмеялись, делая вид, что не замечают дрожащих рук. Альхэ втянула когти легко, играючи, поднялась с земли вслед за жрецом. Мактар и сам приобрел чуть более живой вид, чем до этого. Ледяная хватка на его горле слегка ослабла. Кажется, он все сделал правильно.

Зрение хоть и восстановилось, но пользоваться даром она до сих пор не могла. Зато Рей то и дело находил Альхэ в самых неожиданных углах своего жилья, где та могла часами смотреть в пространство, бормоча что-то про вывернутые мозги на грани с гениальностью. На его она в такие моменты оборачивалась не сразу, ненадолго прикрывая глаза, перестраиваясь. Он уже научился определять со стороны, на что смотрит Альхэ, на магические плетения или на обычный материальный мир, ему объяснили принцип. Вздрагивать от ее животных повадок он перестал очень быстро, к своей великой радости, да и сама Анктар уже практически не демонстрировала странных привычек, словно постепенно мозаика в ее голове собиралась, кусочки вставали на место. Да и вид она приобретала все более здоровый.

Вот и сейчас она устроилась на полу в гостиной, закинув ноги на диван, и что-то рассматривала то на потолке, то за окном. Первым на него внимание обратил Дракон, устроившийся под боком у преобразовательницы. Альхэ прикрыла глаза.

— Что-то хотел?

— Проверит пришел. Тебя не видно, не слышно.

— Зато твои хрипы через стенку слышны. Как будто тебе за сотню перевалило и все эти годы ты, в лучших традициях людей, курил всякую дрянь.

— Очень смешно. Некому просто лечением заниматься было, так, состояние облегчали и все. А тут Итрэй давно уехал, и...

— Хочешь, чтобы я посмотрела? Я, конечно, попробую, но не знаю, потяну ли...

— Хотя бы так.

Она постучала по полу рядом с собой, одним взглядом отогнав Дракона в сторону. Спустила ноги с дивана, приподнялась на локтях, снова прикрывая глаза. И, щурясь с отвычки, прошлась взглядом по Рею. Майерс внимательно наблюдал за тем, как меняется ее лицо, но вопросов не задавал. А Альхэ давила истеричный смешок, ей явно нужна была консультация кого-то более понимающего в тонких материях.

Но этот вопрос она и потом решит. А вот с болезнями Рея и его периодически слепнувшим глазом надо что-то делать уже сейчас. Альхэ уже убедилась, получше рассмотрев работу отца, что защиту она ничем не собьет, ну, только если специально не будет никуда лезть, так что можно попробовать. Преобразовательница медленно растерла каждый палец, прикидывая в голове план действий. Допустим, на первое время этого хватит, она сможет поддерживать состояние Рея, пока не восстановится полностью, и даже без особого напряжения. Наверное.

— Не дергайся, хорошо? — Альхэ устроилась на его ногах, опуская руки на грудь.

Хрипы в груди буквально ощущались кожей. Анктар внимательно проследила, где магические потоки бьют по организму на вдохе и выдохе. Одна, две, три точки. Отлично, должна дотянуться. Майерс прикрыл глаза, вздрагивая, когда руки Альхэ пришли в движение. К своему счастью он не видел, как ладони преобразовательницы словно задвоились, призрачные копии проникли в грудную клетку, повторяя движений настоящих, материальных рук.

Без подготовки она сможет просто залатать проблемные участки, энергия начинает уходить от нее, но медленнее, чем должна при подобной работе. Альхэ запрещает себе отвлекаться. Подумает об этом потом. Пальцы начинает сводить от ставшей непривычной за столько столетий работы. Собственная изменившаяся за это время магия сковывала, придавливала тяжелой волной, щекотала горло, колола губы. Зрение обретает максимальную четкость, Альхэ невесело ухмыляется, когда замечает среди золотистых нитей в самой глубине крохотное, совершенно бесполезное плетение, служащее авторской подписью. Потом. Все потом. Она аккуратно убирает руки, чтобы ничего не зацепить, не сделать хуже. Призрачные ладони сливаются с настоящими, настоящие трясутся, когда она опускает их на плечи Рея.

— Как ты?

— Пока не очень понимаю. У тебя кровь... Перестаралась? Давай я помогу...

— Сиди, — машет она рукой, не двигаясь с места и не давая ему хоть как-то сменить положение. — Такое бывает. Постарайся в ближайшие дни не напрягаться, не люблю, когда моя работа идет насмарку.

— Как скажете, доктор, — золотистые искры в глазах Рея становятся ярче, когда он улыбается.

Альхэ отработанным, вернувшимся из забвения жестом, останавливает кровотечение. И устало опускает голову на плечо Майерсу, тут же напрягшемуся от такого жеста. Впрочем, ненадолго. Альхэ мелко потряхивает. Где-то на краю сознания ревет огонь, стонут деревянные стены, оглушающе кричат люди.

Запястье покалывает, метка на коже оживает. Не думать. Запретить себе даже надеяться. Рей чуть хмурится, приобнимая Альхэ, в голове скользят как будто бы не его мысли.

— Ты громко думаешь?

— Все-таки услышал? — она сильнее зажмуривает глаза, начинает дышать на счет.

— Не знаю. Но звуку костра в моей голове сейчас точно неоткуда было взяться.

— Зато в моей... Ладно, дела давно минувших дней. Когда-нибудь расскажу, — Альхэ немного отстраняется.

От пристального взгляда горит лицо, но она специально смотрит чуть вниз, чтобы не встречаться глазами. Она первой выходит в коридор, ощущая, как Майерс продолжает ее рассматривать. Аль раздраженно дергает плечом:

— Говори уже.

— Макху делает это по той же причине что и ты?

— Что? — чуть повернув голову. — Ты о чем?

— От вас двоих отчетливо пахнет кровью и чем-то еще, чему я не знаю названия. Так пахло в лабораториях у Иттрэя. Да и от деда, когда он приходил от Макху в последний раз.

— Рей...

— Скажи честно. С тем, что вы относитесь к людям, как к материалу, я уже смирился. Я просто хочу наконец-то понять, чего мне ждать от тебя.

— Тебя я не трону даже в затмении, не переживай. Я слишком ценю свою работу. Большого я обещать не могу.

Он кивнул, принимая и такой ответ. Доставшееся по наследству чутье упрямо твердило, что Альхэ что-то недоговаривает, но Рей пока не решил, следует ли лезть дальше. И даже не в Аль проблема, ее отцу может не понравится то, что он слишком много спрашивает о ее прошлом. Если бы Майерс полностью оборвал контакты со старшим родственником, это одно дело, но Иттрэй, как битый жизнью параноик, даже подпустив Рея к дочери, продолжал следить за ним. Некоторые лица, то и дело мелькающие поблизости, Рей прекрасно знал и помнил, память на них у него была прекрасная.

В другом конце коридора щелкнула дверь. Анктар устроилась за столом, вытягивая откуда-то с полки блокнот. Ей необходимо было подумать. Преобразовательница отвлеченно черкала отдельные слова, просто для того, чтобы вспомнить, как она к этой мысли пришла. Умом она прекрасно понимала, что прошла тысяча лет, но для нее-то этот срок был смазан, а уж помня про свою раннюю юность... Она и вовсе отказывалась верить в то, что удача может ей так улыбнуться. Вот так с первого шага. Скорее в самообман она поверит.

Между четкими линиями слов Аль небрежно вписала драконью голову, выводя линии в очертания чьего-то лица. Состояние, мягко говоря, отвратительное. Ладно. Он все равно ничего не помнит, а она потом как-нибудь разберется, смысл накручивать себя сейчас?

*

Из комнаты она выползла только на следующий день, когда успевший накрутить себя Рей пригрозил вскрыть дверь. Односложные ответы его только нервировали, а взвинченная интуиция, доставшаяся от предков-менталистов, только добавляла тревоги. В итоге Майерс, сам не зная от чего, беспокойно ходил из комнаты в комнату, прислушивался к происходящему в спальне Альхэ и неосознанно ловил отголоски ее состояний. Вид у преобразовательницы, к огромному облегчению, был вполне нормальный, только слегка уставший.

За обеденным столом они смотрели друг на друга молча, тишина в какой-то момент начала давить совсем невыносимо. Даже Дракон непонимающе хмурил рыжие брови, рассматривая своих людей, почему-то так странно себя ведущих.

— Как ты себя чувствуешь? — решил начать с банального.

— С жизнью совместимо, — протянула Альхэ, переводя взгляд с лица Рея ниже. — Ты вроде бы тоже в порядке... Ни болей, ни странных ощущений ведь не было?

— Все в порядке. Не хочешь на улицу выйти? Или можем к озеру скататься, и тебе смена обстановки, и Дракон на воле побегаёт, в городе его особо не отпустишь...

Анктар кивнула, примерно представляя в голове карту окрестностей города. К Башне-то они точно не поедут, так что действительно можно немного развяться. Она посмотрела на Рея гораздо теплее, теперь уже глядя в глаза. Золотистые искры в утреннем свете были практически незаметны, но ее зрение позволяло их различить.

Еще раз кивнув, Аль перевела взгляд на тарелку. С преобразователями было проще, даже с менталистами Дженталь. Возможно, что с ними в особенность было легче общаться. Люди же выдумывали себе кучу ритуалов и рамок в общении, значительно его усложняя. Даже внутри семьи, хотя в Башне многие родителей по имени начинали называть на второй сотне лет жизни. Долгая жизнь и вечная молодость все-таки сильно влияли на взаимоотношения.

Майерс дернул пальцами, привлекая к ним внимание. В голове Альхэ почему-то всплыло тихое «Потому что леворукие с нечистой силой связаны, с нелюдьми», но от кого она слышала эту людскую глупость — вспомнить никак не выходило. Сами преобразователи — самые близкие к Хиллоки нелюди, если так посмотреть — пользовались обеими руками одинаково хорошо, особенно если речь шла про химерологов, для которых полный контакт со своим телом и абсолютный контроль над ним же были первым этапом в овладении даром. Анктар задумчиво скользнула подушечкой указательного по теплой ладони, обводя выступающую венку на тыльной стороне. Рука Рея сначала застыла, он тихо хмыкнул, но перевернул ладонь, одновременно сжимая пальцы Альхэ.

— Попалась. Ты опять как кусок льда, теплой вообще бываешь?

— После сидения в подвалах Башни — нет. Больше нет. Да и внутри меня лишь крошечная ледяная тьма, — вдруг закончила она мрачным певучим голосом, но не сдержала короткий смешок. — Возможно, когда я восстановлюсь полностью — я потеплею. Но не раньше.

— Аль...

— Если ты сейчас начнешь меня жалеть — я тебя покусая. Вот честно. А я пойму, если ты начнешь, у тебя же все на лице написано.

— Знаешь, ты вот вроде бы только перестала меня сравнивать, а сейчас этот взгляд вернулся, — он провел пальцем по меткам на запястье Альхэ. — Что-то случилось?

— Сложно сказать. Я не уверена в том, что я думаю. Но да, ты мне кое-кого напомнил, очень неожиданно, — кожу под пальцами резко обожгло.

— Не Антара Дженталь, я так понимаю?

— Не его. Я потом расскажу эту историю. Пойду собираться.

*

— Это не Мактар? — прищурился Рей, стоило им отъехать совсем не далеко от дома.

— Кажется, он. Мак!

Жрец сразу нашел источник звука, привычно падая на переднее сиденье притормозившего авто — на заднем вольно устроились Альхэ и Дракон. Аль посмотрела на Рея, сравнила с отражением Мактара, со своим отражением и, прежде чем жрец успел хоть что-то сказать, зашлась в хохоте, пряча лицо в ладонях. Майерс, демонстрируя чудеса выдержки, не ударил по тормозам, хоть и вздрогнул, а вот подобранный по пути Мактар обернулся.

— Что случилось-то?

— Мы все так прекрасно сочетаемся с серым цветом машины... Трио «свежеоживленные химеры»! Не могу!

И снова согнулась. Лежащий рядом пес с тяжелым вздохом опустил голову ей на ногу. Аль одной рукой потрепала Дракона меж ушей, сквозь собственные всхлипы различая голоса с передних сидений. Успокоиться удалось далеко не сразу, они успели подъехать практически к границе города, Рей и так жил на окраине. Невысокие однотипные домики не вызывали никакого интереса, только ощущение собственной неуместности. Эти недели она практически не выбиралась на улицу, так, недалеко, чтобы перестать дергаться от каждого шороха за окном, да иногда в парк неподалеку.

Люди раздражали. Особенно тяжело было находиться рядом с теми, от кого слабо тянуло магией. Пусть сейчас она была в неплохом, хоть и вымотанном состоянии, но отсутствие постоянной подпитки мешало радоваться жизни. В какой-то момент Альхэ начала бояться, что затмение нагонит ее в людном месте и она на кого-нибудь бросится. Проверять, какие будут последствия, не хотелось.

И близкие-то поймут. Думается, даже отец не осудит, хотя Альхэ очень слабо представляла себе характер Анктар-старшего, больше по оговоркам окружающих. Но вот испытывать на себе, чему научились смертные за эти столетия, ей не хотелось. Мало ли, фантазия у них порой поражала жестокостью, особенно когда доходило до причинения добра и справедливости ближнему своему.

— Я могу надеяться, — протянул Рей, когда местность за окном начала становиться все более зеленой, — что вы будете ловить своих жертв подальше от дома?

— Аль? — Мактар осторожно перевел стрелки.

— Он по запаху догадался, — закатила она глаза. — Я клятвенно пообещала его не жрать даже в голодный год. Жалко свою работу портить.

Жрец сжал запястье, собираясь по меткам дотянуться до Альхэ, но передумал. Что-то в последней фразе неприятно кольнуло, как будто картинка по краю пошла рябью, но лезть не в свое дело он не хотел. Если решит, что ему надо это знать — расскажет. А пока... Рей ждал ответа.

— Можешь. В парке вышло спонтанно. Я планировал храм использовать.

— Будьте аккуратней. Дед как-то оговорился, что Макху ищет что-то с божеством вашим связанное. Не хотелось бы, чтобы вы столкнулись нос к носу. Я-то может ему и не интересен, но менять компанию мне бы не хотелось. Успел как-то к вам привыкнуть. Что-то не так?

Отражение Альхэ в зеркале заднего вида расплылось в широкой улыбке, такой, что пробрало даже жреца, хотя нервы у того были закаленные как чужими странными идеями, так и капризами довольно непредсказуемого божества. Да и упрямством Аль тоже. Если бы она была настолько похожа на Иттрэя, как говорила ее мать, было бы проще, все-таки отец Аль был довольно рационален. А вот женщины Анктар... да, женщины Анктар не зря стали своеобразной легендой.

— Все в порядке. Я просто не думала, что ты можешь быть таким плюшевым.

— У тебя не будешь, — ответил вместо Рея Мактар. — Я до сих пор помню, как ты, вытащив Энху с остальными в лес, умудрилась не услышать медведя...

— Мне уже жалко животное, — поддержал тон Майерс.

— ...и не зря, он сначала был в шоке после пощечины, потому что подкрался к ней со спины, а потом носился от нее по лесу, поражая воображение похабными узорами на шубе.

— Сдох?

— Сдох.

— Печально.

— Я вас обоих сейчас перекрашу во что-нибудь этакое, — прищурилась Аль. — Если еще раз кто-нибудь эту историю вспомнит...

— Молчим, — примирительно хмыкнул Рей, которому не хотелось, чтобы веснушки сложились во что-то непотребное, и скосил взгляд на жреца. — Вообще, ты заметил, как стремительно мы превращаемся в подкаблучников? Она же не только сейчас, она дома нами вертит как хочет, я по утрам с Драконом ухожу — дышу через раз, потому что у кое-кого сон чуткий.

— Это еще ничего. Дунха при мне как-то вспомнил про посольство их Керэн-Лэ...

— Я сломаю тебе шею, если ты эту историю озвучишь! Загрызу! Сожру с потрохами! — Альхэ аж подскочила на месте.

Вспоминать про тот случай не хотелось. Не сказать, что ей не понравилось, да и за все содеянное получила не она, спасибо Антару, но эту страницу своей биографии Альхэ предпочла бы закрыть навсегда. Мактар понятно замолчал, хотя Рей теперь явно бросал заинтересованные взгляды то на жреца, то на ее отражение в зеркале. Молчал жрец, правда, недолго:

— Но, давай честно, ты меня не съешь. Я же тебе нравлюсь.

— Это не показатель. Антар у меня ходил погрызенный постоянно. Дунха. Эттеру иногда доставалось. Рея я чуть не загрызла. Энху только не трогала.

— У меня чувство, что я оказался среди семейных разборок. А давайте не в машине?

— Ну, если ты не хочешь...

— Почему мне кажется, что тут есть подтекст?

— Потому что тебе не кажется, — в голос протянули Альхэ и Мактар.

Майерс махнул рукой. К подобным заявлениям от преобразователей он давно привык, даже Иттэрэй, которому по возрасту положено было уже успокоиться, иногда ввинчивал в свою речь что-то такое. Мактар же, по словам все того же Анктар-старшего, сохранял поразительную даже по меркам своего народа инфантильность, видимо, застряв в том возрасте, когда ушел из Башни вместе с Альхэ. Что-то про подобные случаи Рей читал, но тогда не обратил внимания, а пригодились бы.

У озера Аль выскочила на воздух первой, любовью к современному она не воспылала, предпочитая передвигаться пешком. Благо, что размеры Хиллоки позволяли, не таким уж и большим был город. Дракон вылетел следом за ней. Преобразовательница быстро нашла взглядом берег, сбросила прямо у машины обувь и помчалась вместе с псом к воде. Рей с ужасом представил процесс отмывания Дракона.

— Я боялся, что ты поедешь в сторону Башни, — Мактар присел на оставленную здесь для отдыхающих скамейку, благо, что погода была достаточно сырой и холодной, чтобы кроме них никого на берегу не было.

— Хотел, но подумал, что слишком рискованно. Вряд ли бы мы смогли от туда уйти живыми, если бы наткнулись на кого-нибудь... Есть же еще какая-то причина, верно?

— Спроси у нее как-нибудь сам про...

— Про что у меня спросить? — Альхэ рухнула рядом, потрепав Дракона по голове.

— Мы затронули озеро у Башни, и...

— Про Энху, я поняла, — она мимолетно стрельнула глазами в Рея, на дне зрачка мелькнуло что-то странное, заставившее Мактара подобраться.

— А Энху...

— Энху... Энху это вершина моих достижений. Когда-то, между смертью Антара и рождением Ласса Дженталь, я наткнулась в окрестностях старого Хиллоки на девчонку, настолько жаждущую мести за все унижения и насилие, которые пережила, что даже «договор с нелюдем» ее не пугал. Разумная химера... Сложная работа, истощившая меня, ставшая причиной изгнания. После своего перерождения Энху успела только отомстить, все сложилось неудачно. Я не восстановилась после работы, она не освоилась с новой силой. Но мне нужно было забрать Ласса из деревни. Надо было оставить ее в Башне, потом бы отправили их всех в бездну...

— Что с ней стало?

— Покажи ему, ты видел мои воспоминания, — кивнула Аль жрецу, ссутуливаясь.

Мактар повернулся к Рею, а Альхэ только после этого мимоходом подумала, что такой ментальный контакт его дар и подстегнуть может. Впрочем, это ее вечная проблема. Энху вот тоже погибла из-за этого. Из-за того, что одна конкретная Анктар несется вперед, не думая о последствиях.

Она падает назад, в сырую траву, из-под ресниц рассматривая сидящих на камнях. Забавно. В той жизни они

так не ладили. Закончивший с воспоминаниями жрец ловит внимательный взгляд, Альхэ чувствует, как чужое внимание заставляет метку на запястье ожить. И теперь она может ответить на этот зов. Вот только смысла нет. Скашивает глаза на Майерса — только не думать о том, как он смотрит! — словно мимоходом поднимает потяжелевшую ладонь и шестым пальцем показывает сначала на один глаз, потом на другой. «Смотри на плетения». Если бы это был любой другой палец, смысл жеста изменился бы на просто «Смотри», но «второй мизинец» традиционно был связан именно с искусством преобразования. Мастерские в Керэн-Лэ именно на этих пальцах носили отличительные кольца, еще в те времена, когда подавляющее большинство было чистокровным.

Мактар поворачивается к Рею, глаза за мгновение темнеют. Теперь он смотрит внимательнее, прекрасно понимая намек — он что-то пропустил, не увидел, и теперь у Альхэ есть по этому поводу вопросы. Жрец пропускает крупные потоки, дело явно не в них. Непонимающий Майерс пытается дернуться, но его в четыре руки — Альхэ садится рывком — заставляют замереть.

— Подпись... Авторская подпись. Мелко как, не удивительно, что я проглядел, если не искать, то и не заметишь.

— Такое может быть?

— Надо проверить... Нужен Мин Иттрэй. У него опыта побольше, чем у нас обоих вместе взятых.

— Мы тебе все расскажем, когда будем уверены, — Альхэ коснулась колена Рея, предупреждая вопросы.

— Я могу узнать, в чем меня подозревают?

— Ни в чем преступном, — она задумчиво провела пальцем по торчащей нитке на джинсах Майерса. — Не говорить об этом я не хочу без полной уверенности.

Он сжал переносицу, тяжело вздыхая, преобразователи эти со своими сложностями... Проще акулу выучить командам, чем понять, что у них на уме, честное слово. Альхэ и так смотрела на него слишком внимательно, постоянно сравнивая и выискивая подвох, это он ощущал буквально кожей. Сейчас, правда, что-то изменилось.

Рей успел заметить как переглянулись Аль с Мактаром, почувствовать прикосновение к разуму — ощущения от подобного были еще свежи — и на каком-то инстинктивном желании, не до конца понимая, что делает, сумел закрыться. Жрец схватился за виски:

— Да чтоб вас обоих по обе стороны мира...

— Так возмущаешься, будто от Антара успело прилететь, — Анктар привстала, укладывая одну ладонь на лоб Мактару, а пальцами второй руки останавливая пошедшую носом кровь у Рея.

— Был случай...

— Попробуй только сказать, что сейчас это было незаслужено, — прогнусавил Майерс.

Анктар устало прикрывает глаза. То, что дар начал возвращаться, это и плюс, и минус. С одной стороны, ей бы радоваться, что он вообще при ней остался, а с другой — сил и так не слишком много, она постоянно на грани затмения. Вот и сейчас мир словно темнеет, на глаза будто занавеска падает, вроде и прозрачная, но мешающая восприятию.

Преобразовательнице хватает контроля, чтобы без проблем подняться на ноги, но в таком положении становится только хуже. Бежать. В лес. Пока она еще хоть как-то себя контролирует. Перед вставшим было за ней следом Реем внезапно возникает Дракон, обычно ласковый пес сейчас рычит и показывает зубы. Мактар выжидает, пока Альхэ скроется за деревьями и медленно идет в ту же сторону, чтобы не нервировать животное, не дающее им сильно сократить расстояние. Он бы мог справиться с собакой, но Аль слишком привязалась к лохматой живности, так что... Придется с ним считаться.

— И куда она...

— Подальше, чтобы нас случайно не угробить, — Мактар повернулся к нему. — Не скажу, что я согласен с ее выбором, вечно ваше семейство... Но это ее выбор.

— У вас странные отношения, — Майерс почти сразу нашел преобразовательницу взглядом, но приблизиться также не решался.

— У нас не отношения, — жрец нервно улыбнулся. — Ну, начиналось-то это как они, наверное, а вот дальше... Дальше вмешались высшие силы. Потом. Аль об этом не знает, а рассказывать кому-то раньше, чем ей, я считаю неправильным. Все-таки ее это касается в первую очередь.

— Ей это незнание ничем не грозит?

— Оно угрожает лишь мне.

Мактар хотел сказать что-то еще, но животный крик от берега заставил вздрогнуть их обоих. Даже Дракон, которому Альхэ велела не пускать их, сорвался с места, стараясь добежать до Анктар как можно быстрее. Преобразовательница осела на землю, коротко остриженные волосы стремительно белели.

Жрец, помятая Иррэй прародительницу, рухнул на песок рядом с Альхэ, перехватывая трясущиеся руки, заставляя посмотреть на себя. Губы посинели, сейчас она напоминала жреца, который не справился с проходящей через него силой божества. Вот только самой Аль ничего не грозило, ей сила Безымянной был неопасна, это он

знал четко. Но все же волны сырой магии словно перемалывали ее изнутри, будто вода, грозящаяся снести плотину и поглотить все вокруг себя.

— Режь мне руку. Нож на спине под курткой.

— А если выйдет слишком глубоко? Вряд ли твоя живучесть поможет от потери крови.

— Мы умрем оба, если с ней что-то случится. Мин Иттрэй нас на материал для химер пустит. Режь!

Майерс полоснул по запястью жреца, запах крови ударил в нос. Альхэ плавно наклонила голову к плечу, с шумом принохиваясь. Рей уже наблюдал «кормление кровью», пугал даже не сам процесс, сколько стремительная потеря преобразовательницей человеческого, разумного. Он очень надеялся, что озноб вызван реакцией на магию, а не каким-то первобытным ужасом. Было бы неприятно осознавать, что он начал бояться Альхэ.

Регенерация жреца успела зарубцевать запястье, вот только жуткое давление не ослабевало, Аль все еще не хватало контроля, крови Мактара было недостаточно. Уйти от нее они бы сейчас не смогли, инстинкты наверняка заставили бы преобразовательницу кинуться за добычей, а жить хотелось. Ну, или умереть не самым болезненным способом из имеющихся на выбор. Рей поднес нож к своей руке.

Анктар перехватила его за запястье, когда на коже уже появился неглубокий порез. Волосы у нее все еще почти белые, но темных прядей все же прибавилось, так что Мактар облегченно выдохнул, утирая лоб дрожащими руками.

Тонкая полоса набухла красным, Альхэ слизала кровь, но уже более медленным, осознанным движением, одновременно закрывая рану. И тут же рухнула на руки Рею, словно исчезли опорки, удерживавшие ее тело, только шумное дыхание и все еще до боли сжимающие запястье пальцы давали понять, что она в сознании.

— Отвратительно... Никогда такого не было и вот опять.

— Часто у тебя так?

— В последний раз — больше тысячи лет назад, — хохотнула она. — Мак, можешь оставить нас? Надо поговорить.

— Понял, ухожу.

Жрец согласился настолько быстро, что и Альхэ, и Рей сразу поняли: будет подслушивать. В целом, ничего нового он бы не узнал, но Анктар не была уверена, что тот удержится от комментариев, а разгребать последствия чьего-то длинного языка не хотелось.

Майерс пошевелил начинающей неметь рукой, намекая ослабить хватку.

— Итак. Что же заставило тебя так отреагировать?

— Тьма великая, что ж вы все такие обтекаемые формулировки выбираете... Ладно. Тебе коротко или в деталях?

— Мне так, чтобы я понял.

— Начнем издали, — Аль заставила себя сесть, но на собеседника даже не посмотрела, машинально обводя трясущимися пальцами контуры меток. — Про Энху я тебе в общих чертах уже рассказала... Когда я уходила из Башни, ее тело уже оставалось у озера, все в том же состоянии, напитавшая его магия защищала от разложения, от диких зверей. Уходя, я обещала, что найду ее в следующей жизни, все-таки всем нам свойственно перерождаться, пусть у преобразователей и есть на это определенные ограничения. Людям же в этом плане проще. Гипотетически, у людей, преобразованных в химер, даже в новой жизни должна оставаться авторская метка в магическом теле...

— Можешь не продолжать, я понял, к чему ты ведешь, — он вздохнул, потирая виски. — Явно не та информация, без которой я не смог бы жить.

— Я понимаю. Мы можем закрыть сейчас этот вопрос и больше к нему не возвращаться, — она и сама была уже не рада, что подняла эту тему.

— Мне нужно это все переварить. Верится с трудом, но даже в порядке бреда такую мысль надо принять. Звучит-то как абсурдно... Так, я пойду прогуляюсь, а вы с Мактаром далеко от машины не уходите, еще ищи вас потом. Кричите, если что.

Рей вскочил на ноги, скрываясь за деревьями. Практически сразу рядом оказался жрец, неслышно опустившийся на траву рядом с преобразовательницей. Майерс отреагировал спокойнее, чем Мак полагал, и желание побыть в одиночестве мог прекрасно понять.

*

Рей вернулся уже к закату, только кивнув на немой вопрос Альхэ, мол, все в порядке. Та пожала плечами, устраиваясь на заднем сиденье и практически сразу прикрывая глаза. Хотелось уже какого-то спокойствия в этой жизни, но пока все происходящее больше напоминало разгребание накопившихся завалов. Набегавшийся на неделю вперед Дракон со вздохом опустил голову ей на ногу, проваливаясь в сон. Аль же сквозь дрему слушала негромкий шум радио, не давая себе провалиться в беспмятство. Раз уж начались подобные срывы, то надо держаться, а во сне больше шансов потерять контроль, особенно если приснится какой-нибудь кошмар.

— Остыл? — шепотом спросил Мактар, на самом деле не слишком надеясь, что его услышать.

— Я и не злился. Просто... У меня после первого знакомства с вашим миром-то две недели картина мира

осыпалась осколками, это сейчас я уже привык, а вот к мысли о перерождении я всегда относился достаточно скептически, — так же тихо ответил Рей.

— Она и не слишком хотела говорить тебе, если ты не заметил. Боялась реакции, мне кажется.

— Есть в мире что-то, что может ее напугать? — Альхэ не открывала глаз, но по голосу могла различить, что Майерс улыбается.

— Я тоже так раньше думал. Но со стороны видно, что она склонна привязываться. Пусть и будет отрицать это до последнего. Особенно сейчас. Это для меня мир менялся постепенно.

— Странно, что срыв раньше не случился при таком раскладе. Хотя... Наверное, ей просто сил на такой всплеск не хватало. Я пока не решил, как к этому относиться.

— Просто прими. Ей нужно что-то еще, связывающее с хорошими воспоминаниями, с хорошими временами в прошлом. Аль скоро войдет в норму и проведет у себя в голове границу.

— Будем верить. Все-таки хочется, чтобы во мне видели именно меня.

Жрец хмыкнул, отворачиваясь к дороге. Желтый свет фонарей успокаивал. Альхэ поелозила на своем месте, пытаясь устроиться удобнее, но не смогла и, решив не изображать то, чего нет, села ровно, поочередно встретившись с Реем и Мактаром взглядами в зеркале.

Как бы Рею не хотелось, но пока выйти из тени Антара и Энху у него не получалось. Аль прекрасно понимала, что ничего хорошего по этому поводу он не думает, сама бы, наверное, злилась, если бы в ней видели кого-то еще, но ничего поделаться с собой не могла. Впрочем, это не значит, что она не попытается.

На заправке она выскочила из машины первой и отошла подальше, наблюдая, как скрывается в полумраке у кустов пушистый хвост Дракона. Мактар подошел со спины, протягивая что-то на открытой ладони.

— Появилась у меня эта отвратительная привычка. Людей, курение, конечно, убивает, но мы и не люди. Зато меня успокаивает.

Аль одарила его полным скепсиса взглядом, но сигарету все-таки взяла. Правда, ей хватило двух затяжек, чтобы недовольно скривиться и, пока никто не видит, испепелить остатки в ладони.

— Гадость какая. Еще и выследить по запаху — раз плюнуть. Завязывай.

— Я ему об этом давно говорю, — на плечо опустилась теплая человеческая ладонь. — Пойдем.

Альхэ только сейчас рассмотрела бледные веснушки у него на пальцах. Учужала запах кофе, развернулась, принялась к стакану в руках Рея.

— Вы оба такими темпами, — намеренно недовольным голосом начала она, — сдохните к концу года. У одного легкие откажут, у другого сердце. И за моей спиной у вас это проворачивать не выйдет, я запах учую.

Аль отобрала у Майерса стаканчик, опрокидывая его в себя в два глотка, ускорила тление сигареты в пальцах у Мактара и смерила их обоих тяжелым взглядом. Желающих спорить с едва успокоившейся преобразовательницей не нашлось.

Маграс за спиной Альхэ просел, сама она, не просыпаясь до конца, приподняла голову, принялась и, успокоившись, легла обратно, снова утыкаясь лбом меж лопаток Рея. Дыхание устроившегося на краю жреца быстро выровнялось. Аль хмыкнула сквозь сон: какая идиллия. А стоило только магическим всплеском разнести свою комнату, спасибо, что стены и потолок на месте остались. Так что обитали все теперь в одной спальне, на что Майерс только закатывал глаза. Но против не высказывался, на что ему и указала Альхэ.

К разговору почти месячной давности они не возвращались, да и сама Анктар не слишком хотела возвращаться к событиям у озера. Зато обстановка в квартире постепенно теплела, особенно после того, как Аль все-таки начала объяснять Рею какие-то теоретические моменты, касательно магии преобразователей, все-таки Мактар здесь был не лучшим рассказчиком, слишком уж сила жрецов отличалась от всех остальных. А больше спросить было и не у кого. Иттэрэй, конечно, мог бы дополнить все это историями из богатого жизненного опыта, но Анктар-младшая в свое время активно собирала слухи, так что примеры тоже выходили достаточно наглядные.

Что радовало Майерса еще больше — его состояние не ухудшалось, вложенная в него магия Альхэ приживалась лучше. Все трое догадывались о причине, но по негласному договору о ней вслух не говорили. Пусть в этой жизни у Рея никак не проявлялись преобразования из прошлого, не осталось никаких следов его бытия химерой, но на силу Аль он откликнулся все равно лучше, она легче усваивалась, если можно так сказать, не отторгалась. Да и врожденные способности словно начали оживать, он все чаще ловил особенно громкие мысли, что в первые разы немного напрягало.

— Нервные создания, вы спать собираетесь? — глухо прозвучало из подушки. — Вы слишком громко думаете.

— Я сплю. Мак?

— Я не могу не думать. Слишком много всего.

— Рассказывай, — Альхэ и Рей завозились, разворачиваясь в его сторону.

— Если в двух словах — Виттор Анктар.

— А что не так с бабушкой-то? — Аль даже на локте приподнялась.

— Ты знала, что она из первого поколения рожденных здесь? Что она еще по сути аирани, а не преобразовательница?

Анктар прикрыла глаза, пытаясь вытащить из памяти как можно более подробные воспоминания о самом раннем детстве. То, что бабушка на голову превосходила всех знакомых ей преобразователей, не было для Аль секретом. Все-таки и лет ей было очень много, чем меньше поколений отделяло преобразователя от легендарных времен переселения, тем сильнее они были, это факт.

— И к линии кого из Первых Пятнадцати она относится?

Вместо ответа жрец ткнул пальцем в отметину на шее. Он верил, что Альхэ хватит сообразительности сложить все факты. Оставить отметину на жреце может только его божество, а уж с учетом слова «наследство», выбранного Безымянной в тот день, когда Аль осознанно вошла в храм, открытая для сырой силы в нем...

— Я не знаю, что хуже. Что у меня есть родственница, которая основала культ имени себя, или, рассмотрим это как второй вариант, что ты со своим фанатизмом уже совсем потерял связи с реальностью... Я не знаю, во что мне сейчас лучше верить.

— Аль, — Рей заставил ее убрать ладонь от лица. — Он не врет. Я это чувствую.

— Нет... Скажи мне просто, что вы меня разыгрываете. Это сговор, да? Как давно вы эту шутку придумали?

— Альхэ!

Окрик заставляет ее повернуться к Мактару, которому хватает одной встречи глазами, чтобы затянуть Аль в воспоминания о той кратковременной одержимости. Рей не может «подслушать» мысли, но ему вполне хватает того, как меняются выражения лиц. И он не уверен, хочет ли знать, что именно тогда произошло.

— Я убью ее! — Анктар буквально перелетела через жреца, едва тот отпустил ее сознание и принялась собирать свою одежду по комнате. — Клянусь, я ее уничтожу!

— Ты собралась потягаться с божеством? — Рей удивленно сел. — В таком состоянии? Может, восстановишься сначала?

— Спасибо, а я надеялся, что ты сможешь мне ее отговорить от этой затеи!

— А что такого? Я так понимаю, что у вас боги — не какие-то абстрактные сущности, они как вы, из плоти и крови, значит их можно убить. Знать бы только, что ее так взбесило.

— Она отстранила меня от управления собственным телом и собиралась в это время, как вы люди выражаетесь, поиметь Мактара, еще и закрыв от меня эти воспоминания! Расчленю!

Жрец побледнел, благо, что в полумраке заметно не было, потому что в зеркале за спиной Аль проступило отчетливое видение Виттор Анктар, сверлящей его недовольным взглядом. Альхэ, правда, проследила куда он смотрит, глаза у нее потемнели, потому что родственницу в зеркале она различила отчетливо. Непонимающий

Майерс попытался прочитать по губам, что ей беззвучно сказала разве что не рычащая преобразовательница, но не знал языка. Зато Мактар словно чуть расслабился.

— Я тебе говорил, что ты жуткая? — с придыханием произнес тот.

Вместо ответа преобразовательница наклонилась к его шее, прикусывая оставленную больше тысячи лет назад метку, выжигая ее своей силой. Рей дернулся, услышав как захрипел жрец, вцепился в плечо Альхэ в попытке оттащить, но та уже и сама отпустила Мактара. Отметина расплылась, теперь больше напоминая синяк.

— Можешь сказать это еще раз.

Волосы Аль снова посветлели. Все еще не слишком довольная преобразовательница рухнула на матрас, игнорируя попытки хоть что-то спросить. Майерс вздохнул, научившись относиться к поведению преобразователей как к стихийному бедствию: раз повлиять на него не можешь, то и смысл переживать. Альхэ прикрыла глаза и между делом потрепала Мактара по волосам. «Как собаку», не смог удержаться от сравнения Рей. Как не мог не признать самому себе, что поведение жреца, когда речь заходила об Аль, наконец получило свое объяснение. Правда он был готов поставить все, что угодно, на то, что Альхэ рано или поздно надоест подобный религиозный — вот уж воистину религиозный — фанатизм.

— Какая живописная картина. Прямо сердце радуется, — раздалось от двери.

Рей подобрался, потянувшись рукой куда-то в щель у стены — Альхэ видела там нож, сама преобразовательница выхватила из-под головы подушку, посылая ее на звук. Иттрэй Анктар поймал снаряд в полете. Лицо у него при этом было крайне довольное и даже немного ехидное.

— Завидуешь — завидуй молча, — Аль села, недовольным взглядом рассматривая отца. — Что же заставило тебя явиться-таки к дочери?

— Раз уж вы не спите — оденьтесь нормально, на кухне и поговорим.

— Кого-то мне это напоминает, — в спину преобразователю пробормотал Мактар.

Иттрэй посмотрел на вошедших поверх дымящейся чашки. Дочь явно обжилась в квартире, да и Майерс никаких поводов для беспокойства не давал, он проверил, мальчишка и не контактировал практически с Лассом, так что можно чуть ослабить наблюдение за ним. А вот жрец сдал. И причину такого состояния южанина Анктар знал прекрасно, вот только заявиться с вопросом к Виттор не вышло бы, аирани явно перебралась на континент, следя за делами здесь... Ладно, даже не заботясь о делах тут, только за Альхэ присматривая, и на том спасибо.

А вот то, насколько привычно, *по-хозяйски* она с ними взаимодействовала, навевало неприятные ассоциации все с той же Виттор. Не к ночи помянутая теща тоже воспринимала всех вокруг как свою собственность. Аль, разве что, пока вела себя так неосознанно и, кажется, временами все же терзалась муками совести. Иттрэю оставалось только надеяться, что дочь не перейдет черту. А собственничество и ревнивость... Ну, кто из преобразователей лишен этого греха в определенном возрасте?

— Кто тебя так разукрасил? — Аль прекрасно видела через маску, с помощью которой отец держал нормальный внешний вид.

— Пылко поздоровался со старым знакомым.

— Макху? — она подобралась, наклоняясь вперед, даже руку Мактара с плеча одним движением скинула.

У жреца потемнели глаза, всего на миг, но и этого хватило. Алхимика ему жалко не было никогда, но вот теперь Иттрэй справедливо переживал, что дети — а для него они все еще были детьми — найдут себе приключение. И ему останется только вытаскивать их из него, надеясь, что никого хоронить не придется.

— Рей, Мактар — на выход, — Анктар-старший потер противно занывший висок. — А теперь поговорим прямо.

Альхэ вдруг придавило сырой волной силы, лишая на мгновение возможности соображать четко, заставляя просто собраться в клубок, максимально концентрируя собственную магию внутри тела, не давая ей выходить наружу. Так обычно прятались, действие на уровне инстинкта, доставшееся преобразователям от предков-аирани, древнее, как сама их раса.

— Я очень надеюсь, что ты не полезешь к Макху. Тогда он тебя не тронул, потому что его остальной Совет бы сожрал, а сейчас ему ничего не грозит, над ним ни у кого нет власти.

— А почему ты только мне это выговариваешь? — Аль очень надеялась, что вышло без скулежа в голосе, снаружи их точно не слышат, у всех комнат хорошая изоляция друг от друга.

— Да потому что прекрасно представляю себе, что у тебя за характер. Эти двое, — он кивнул в сторону двери, — сами никуда не полезут, а вот ты можешь их потащить, мелкая копия своей бабушки.

— Я постараюсь, по крайней мере, — она взяла себя в руки еще до того, как отец ослабил давление. — Рей...

— От Майерса какие-то проблемы? — что-то в его интонации напрягло Аль.

— Нет! — поспешила та перебить родителя. — Просто... Как рассказать-то, чтобы как бред не звучало...

Альхэ уронила голову на стол, и убитым голосом еще раз проговорила ту историю, которую хотела похоронить для собственного спокойствия. Стоило все-таки признать, что к Энху она действительно привыкла — нет, не

привыкла, привязалась — не только как к материалу для эксперимента. Иттрэй на миг нахмурился, опуская тяжелую ладонь ей на макушку и в лоб спросил:

— Детская влюбленность?

— Па-ап, — со странной интонацией протянула она в ответ, еще сильнее сбивая с толку неожиданным обращением, — а тебе никакой ментальной атаки не доставалось? Как в твоей голове сложились я, детство и влюбленность?

— Прекрасно сложились. Почему тебя это так удивляет?

— Да просто, — в голосе Аль появилось истерическое веселье, — преобразователи не любят. У нас только инстинкты и небольшая толика разума, чтобы мы всех вокруг не вырезали!

Она неожиданно расхохоталась, роняя голову на сложенные на столе руки. Подступающий срыв начал ощущаться еще у озера, но тогда удалось хоть как-то удержаться в рамках разумного — по меркам преобразователей, естественно. Вот только задавить тревожные звоночки — не значит избавиться от проблемы. Магическое истощение, все еще не прошедшее до конца только усугубляло ее состояние, снова заставляя спать очень поверхностно. Чуть расслаблялась, позволяя себе задремать, соскользнуть в более глубокий сон, она позволяла себе совсем ненадолго и только при наличии Мактара под боком. Потом уставший разум напоминал, что сейчас у жреца нет и половины силы, он не сможет ее остановить, случись что.

Иттрэй, пользуясь разницей в силе, заставил Аль оторвать ладони от лица и посмотреть на него. За эти века Мактар ни разу не упоминал, насколько ее расшатали события в Башне, даже про вживание ограничителей рассказал без эмоциональных деталей, и сейчас преобразователь жалел, что не стал настаивать. Подобрать слова было бы проще. В итоге он только молча сгреб дочь в охапку, краем сознания отмечая, что та больше похожа на кусок льда — последствия от нахождения в подавляющей камере в слишком юном возрасте. Сколько лет теперь разгребать последствия — даже Виттор Анктар не скажет.

— Аль, — шепотом начал Иттрэй, выдыхая куда-то в макушку, — пообещай, пожалуйста, что не станешь предпринимать шаги в сторону Макху, не предупредив меня. Я не сколько не сомневаюсь в твоей силе, но тебе нужно оправиться, да и он за столько веков мог продумать десятки планов на тебя. Пообещай не рисковать собой так.

Переход начавшего затихать нездорового хохота в рыдания заставил его вздрогнуть. Анктар-старший все еще не умел справляться с чужими слезами, так что немного скованно гладил Аль по спине, прекрасно понимая, что в окружении Виттор и Рейты та, скорее всего, не могла слишком свободно выражать эмоции, Виттор так вообще слишком высоко ставила самоконтроль. Даже удивительно, что ее жрецы отличались подобной невоздержанностью. Впрочем, та всегда различала осознанное потакание своим желаниям и действие на инстинктах, считая последнее — величайшей глупостью.

Альхэ пробормотала в ответ что-то, что можно было принять за согласие, когда внимание Иттрэя привлек скрип пола за дверью. Кто-то — наверняка Рей, Мактар бы так не выдал себя — пытался подслушивать, но не получалось. Хотя Майерса мог и почувствовать, что происходит что-то не то, вот и ждал хоть каких-то звуков с этой стороны двери.

— Как два пса под дверью. Дракон и тот спокойнее себя ведет, — вырвалось у мужчины.

— Зато в остальном от них — сплошные плюсы, — хмыкнула Альхэ, стремительно возвращая себе контроль над эмоциями. — Давно меня так не развозило. Никогда, на самом деле. Ну, пара затмений не в счет.

— Плохо. Ну, для менталиста-то такое замечательно было бы, а для химеролога плохо.

— Бабушка бы с тобой поспорила, — она пошевелила плечами, намекая отпустить себя.

— Я даже не удивлен, уж она-то как никто другой поняла, к чему приводят лишние эмоции. Вот только упрямо вбивала это в голову и тебе, и Рейте. Заходите уже, караулят там под дверью! — крикнул Иттрэй в сторону коридора, ослабляя воздействие заглушки.

Рей и Мактар, надо отдать им должное, в дверь вошли не сразу, а выдержали паузу, не признаваясь в том, что жались к дверному косяку все это время. И оба сразу выцепили влажно блестящие покрасневшие глаза Альхэ, которая только выразительно показала кулак вздохнувшему для вопроса жрецу. Тот примирительно поднял ладони, молча устраиваясь на полу, чтобы оказаться на одном уровне с Анктаром.

— Что-то случилось? — а вот Рей недовольными гримасами на лице Альхэ не проникся и молчать не стал.

— Еще пару тысяч лет назад случилось. Макху уродился на свет.

— Не, про это я знаю, я про более актуальные проблемы.

— У него обострилась личная неприязнь к Анктару, — вместо дочери произнес Иттрэй. — А может и ко всем преобразователям разом. Потому что последние трупы — точно не потомки моих бастардов.

— А чисто теоретически, — все же вклинилась Аль, — это мои много-юрродные кучу раз правнуки? Я не разбираюсь.

Анктар-старший тяжело вздохнул под понимающим взглядом молодняка. Те-то успели привыкнуть к

стремлению Аль превратить все в абсурд, а вот Иттрэю приходилось тяжело. Мактар как явления Безымянной и пробуждения айрани ждал дня, когда преобразовательница все-таки успокоится, но сильно на это надеяться не приходилось — за эти века он усвоил, что у химерологов в принципе ум за разум часто заходит, а уж с имеющейся у Аль склонности к менталистике... Словом, и на этом спасибо. На прохожих не бросается и хватит.

— Я прекрасно знаю это взгляд. Я себя прекрасно контролирую.

— А я хоть когда-нибудь в этом сомневался?

— А тебе перечислить?

— Не хочу прерывать вашу милую беседу, — на этой фразе даже у Рея дрогнули губы, хотя спокойствию Майерса некоторые исторческие менталисты могли бы и позавидовать, — но я хотел вас попросить.

— Мин Иттрэй? — Мактар повернулся к нему.

— Мне нужно, чтобы вы кое-что нашли в Башне. Ваш общий друг, Дунха, до своей гибели работал по заказу Макху над одним интересным составом, но закончил ли — большой вопрос.

— Зная Макху, я уже чувю, что это жуткая гадость, — Аль прислонилась к прохладной стене.

— Как посмотреть, — протянул Иттрэй, рассматривая собственные шестипалые ладони. — Он, как я понял, должен пробуждать дар у тех, в ком есть преобразовательская кровь, хоть капля. Но на том этапе, о котором знаю я — он только убивал нечистокровных одаренных.

— Восхитительно. А с чистокровными что?

— Не имею представления.

— А тогда в Башне...? — едва слышно спросил Мактар, что-то ища взглядом на полках над головой Анктар.

— Состав очень быстро распадается. К нашему приходу его уже не осталось.

— Мне надо сходить подышать, — жрец поднялся на ноги. — Одному.

— Я все-таки прослежу, — Рей вышел следом.

Аль кивнула отцу и выбежала следом. Иттрэй пару мгновений смотрел ей вслед, но потом кивнул своим мыслям, выдыхая. Кажется, в случае с ней все не так плохо.

*

Далеко идти ей не пришлось, буквально до ближайшего переулка, откуда до ее чуткого слуха долетали негромкие голоса. Завернув за угол, Аль остановилась, рассматривая эмоционально жестикулирующего Мактара, который разве что каким-то божественным чудом еще не попал Рею по лицу. Майерс глубоко вздохнул и все-таки во время следующего взмаха ладонью перехватил запястье жреца и дернул того на себя, крепко удерживая на месте. До Альхэ долетело только:

— ...и избавятся, как от неудачного эксперимента.

— Херню не неси, — не выдержала преобразовательница, прижимаясь к Мактару со спины.

— А ты не выражайся, — фыркнул где-то над ухом рыжий, исключительно по привычке, но руки устроил удобнее, так, чтобы и жрецу не дать лишний раз дернуться, и Альхэ приобнять.

— Я даже не начинала. Не знаю, до чего вы тут договорились, но общий настрой мне не нравится. Но избавляться я ни от кого не собираюсь. И другим не дам, — рыкнула она, заставляя трясшегося до того от смеси эмоций жреца замереть.

Правда после этого отмереть и вздрогнуть его заставили ледяные губы на шее. Кровь зашумела в ушах, так что хмык Майерса ему наверняка послышался, вот только хватку тот не ослабил. Аль прикусила кожу над все еще пульсирующей после выжигания отметиной.

— Ты опять мерзнешь? — Мактар попытался повернуть голову к ней.

— Что, даже губы холодные? — золотистые искры в глазах Рея стали ярче, когда преобразовательница посмотрела на него.

Вместо ответа она потянулась к нему поверх плеча Мактара, который с секунду посмотрел на них и пробормотал что-то невнятное с нотками обреченности в шею Майерсу.

Заставший эту сцену Иттрэй только шагнул обратно за угол, решив про себя, что даст им пару минут, а потом все же загонит молодежь в дом. Нечего по подворотням шастать... Выдержав обещанное самому себе время, он все-таки выходит к ним, намеренно громко топая. Троица поворачивается к нему, но никто не краснеет, даже недоменталист этот. На шее у Мактара новый след зубов, даже в полумраке видно, что он свежий, у Альхэ прокушена губа, она то и дело проводит по ранке языком, собирая кровь. Рей вроде бы цел, но когда тот разворачивается к преобразователю, то становится заметным отпечаток еще одного набора зубов, судя по нечетким клямкам, это зубы жреца. От Аль следы были бы более заметные.

— В дом идите. Выбрали себе место для свидания, когда по улице всякие ходят...

Он неопределенно машет рукой. Повторно отмахивается, когда Альхэ оборачивается к нему на выходе из переулка, и только достает сигареты из кармана. Дурацкая смертная привычка... Впрочем, ему-то от этого ничего не будет, а вот подумать надо. Иттрэй затягивается, рассматривая темное небо где-то наверху. В переулок на

мгновение проникает свет от фар.

Напрягает ли его выбор дочери? Да. Фанатичный жрец и смертный менталист с отметиной химеры в магическом теле — явно не те варианты, которые он бы предпочел для Аль. Имеет ли он право осуждать ее выбор и пытаться как-то на нее повлиять? Вряд ли. Доверие ему сегодня явно выдали авансом, никто не даст гарантии, что завтра Альхэ не отгородится от него снова. А вот если он попытается влезть в отношения внутри этой странной троицы — он получит себе врага, и условные родственные узы тут преградой не станут, у преобразователей с этим всегда было туго. И Аль, в далекой перспективе, конечно, для него даже опаснее полукровного алхимика Макху.

Вдох. Задержать дыхание. Выдох.

Пусть развлекается? Пожалуй. Если что, упокоить и Рея, и Мактара он успеет всегда. Пусть и терять такой материал будет жалко. Подкинуть что ли жреца теще, пусть та вразумит своего служителя? Хотя... Аль, кажется, его жречество не слишком по душе, он прекрасно знает как выглядят метки Безымянной Темной, и не узнать переженную на коже южанина он не мог. Интересно, а что у самопровозглашенных божеств с отношением к родственникам? Может, получится выторговать мальчишку?

*

— Кто не закрыл шторы опять? — Рей, которому в этот раз прилетел в глаз солнечный луч, поспешил спрятаться лицом в подушку.

— Твоя же очередь и была, — таким же заспанно-недовольным голосом ответил Мактар, одной рукой пытаясь притянуть ближе Альхэ, но не находя ее. — А где Аль?

Майерс резко распахнул глаза, осматривая комнату, словно преобразовательница была где-то в ней. Он был в этом уверен на уровне какого-то сверхъестественного чутья, обострившегося в последнее время. Преобразователи на это только плечами пожимали, мол, с твоей предрасположенностью это естественно, но это не чутье, а такое усеченное проявление способностей. Что-то заставило повернуться к окну, наверное, однозначная уверенность в том, что с вечера он его занавешивал.

Рей со вздохом сполз с кровати, подошел ближе, заглядывая за штору. Губы дрогнули, улыбку он не сдержал. Альхэ заснула на подоконнике, обложившись записями, хотя какая-то часть расчетов оказалась на ее собственной коже, по крайней мере из-под рукавов выглядывали нечеткие символы, местами перечеркнутые, а на бедре красовалось затейливое плетение, несколько раз обведенное гелевой ручкой.

— Где она столько накопителей достать собралась? Нет, я допускаю, что у нее есть идеи по их зарядке, но искать их где? — Мактар в записях даже после мимолетного взгляда понял больше.

— Такие сложности в изготовлении? — Майерс в бумагах различал только отдельные слова, аиранум он начал учить больше под давлением Альхэ, чем от необходимости.

— Вопрос качества. Одноразовую поделку даже я склепаю, а вот что-то подходящее для ее работы — уже сложнее. А это...

— Назовите мне хоть одну причину оставить вас без воспитательного проклятья? Что ваши носы забыли в моих записях? — Альхэ с хрустом выпрямилась. — И, кстати, пора бы вернуть мой хвост.

— К Иттрэю пойдешь за ним сама.

— Да ему и придется мне его приживлять обратно. И желательно до нашей с тобой вылазки в лес.

— А меня в расчет никто не берет? — Рей смотрел прямо на нее, этим упрямым взглядом напоминая Антара, от глаз которого тоже порой хотелось поскорее скрыться.

Альхэ тяжело вздохнула. Брат Майерса с собой в Башню она не планировала, все-таки предприятие небезопасное даже для преобразователей, а уж как он отреагирует на магический фон в той местности — даже богам неизвестно. На ее попытки объяснить причину он реагировал тем же непробиваемым взглядом. Преобразовательница потеряла висок и тяжело вздохнула. Посмотрела на Рея еще раз и махнула рукой. Ладно, ему должно хватить благоразумия не полезть в совсем уж развалившиеся помещения, а с остальным они справятся. Рей, понимая, что он выиграл в этом споре, сгреб Альхэ в охапку, касаясь губами виска. Та в отместку запустила под футболку ледяные руки, отогреваясь после сна у окна.

Мактар покачал головой и вышел из комнаты, через несколько мгновений принимаясь чем-то греметь на кухне — Иттрэй что-то поменял в плетениях, которыми опутал квартиру, и теперь часть звуков проникала из помещения в помещение, но как-то выборочно. Альхэ повернула голову на звук, принялась и удовлетворенно кивнула.

— Аль, я понимаю, что ты переживаешь, но со мной все будет в порядке. Вот только мне надо там быть. Я сам не знаю, почему, но я так чувствую.

— Я понимаю, — она начала клевать носом, зажевывая отдельные звуки. — Но не могу не нервничать из-за этого. Химер у меня сейчас нет, в прежнюю силу я еще не вошла. Случись что, я не смогу тебе помочь. Я даже рану глубже обычного пореза не закрою после последнего всплеска.

— Если хочешь... Боги, я не верю, что я это говорю... Если хочешь, можем съездить на окраину города, там не слишком обжитые нормальными людьми места, не самый приятный район. Но там регулярно находят трупы, и...

Одним больше, одним меньше, никто и внимания не обратит.

— Звучит заманчиво. Но страшно нарваться на Макху, должен же он где-то охотиться, — она чуть отстранилась, заглядывая в глаза снизу вверх.

— У деда узнавать рискованно.

— И не надо. Просто будем осторожны, — она легко провела по рыжим волосам. — Пойдем. Мак, кажется, уже кофе сварил.

*

Альхэ специально ушла подальше от Рея и Мактара, чтобы не отвлекаться на них. Сегодня на окраине было удивительнолюдно — по меркам этой местности, конечно, ее слух то и дело улавливал чье-то присутствие где-то в стороне. Но магией почти не фонило, и только по этой причине она до сих пор не ушла отсюда. Возможно, стоило попытаться выследить кого-то фонащего, но... Какое именно «но» ее останавливало, Аль не понимала, хотя поездку сюда она решила не откладывать на другой день, повинаясь порыву. Только вечера дождалась, весь день проведя за какими-то своими расчетами.

Мактар бы сказал про хорошее чутье, впрочем, у нее оно было такое же, как у Рея, небольшая склонность к менталистике давала о себе знать. Благо, чужие мысли она не слышала, только эмоции улавливала во время вот таких обострений. И сейчас чей-то фон вел ее вперед, в узкие переходы между брошенными постройками, откуда слабо тянуло кровью. Анктар вышла на открытую площадку, сначала замечая бледную словно моль девчонку, а потом уже приближающуюся к ней фигуру, почему-то плывущую, хотя на зрение преобразовательница никогда не жаловалась. Она посмотрела на них меньше мгновения, очертания расплывались все сильнее, а запах крови, насыщенной чистой силой, заставлял стремительно терять контроль. В этот раз в затмение Аль шагнула осознанно.

Где-то позади дернулся на пронзительный крик Рей Майерс, Мактар уже приготовился удерживать его на месте, но тот внезапно замер, будто прислушиваясь. И кивнул чему-то.

— Думаю, мы будем там лишними. Не стоит отбирать добычу у более крупного хищника.

— Мне нравится, как рядом с Альхэ все то ли обрастают цинизмом, то ли просто относятся к ней как к стихийному бедствию.

— Скорее второе. Что ж он так громко вопит, — рыжий стиснул виски.

— Только он делает это мысленно. Аль какие-то еще преобразования в тебе проводила?

— По крайней мере, она об этом не предупреждала. Хотя не удивлюсь, если ночью что-нибудь изменяла. Не удивительно, что дед так не любит людей, — Рей заставил себя переключить внимание на происходящее вокруг.

Из-за угла, едва в него не вписавшись, вышла Альхэ, глаза ее потемнели от расширившихся зрачков. Крови видно не было, но только на первый взгляд, присмотревшись, можно было различить бурые полосы под ногтями. Преобразовательница застыла перед ними, губы дрогнули, но она ничего не сказала, только махнула рукой и первой двинулась в сторону оставленной на расстоянии от заброшек машины.

Уже отогревшись на заднем сиденье она приобрела, наконец, более осознанный вид. Ни Рей, ни Мактар ее не торопили, давай время прийти в себя. Оба улавливали какую-то сытую усталость, но в темноте было не слишком видно.

— Удивительно... Я напугала ее сильнее несостоявшегося насильника... Первый раз видела, как у человека сердце от ужаса останавливается. Странно.

— Ты у нее на глазах голыми руками разорвала человека, напившись его крови, — Мактар «подсматривал» через восприятие невольной свидетельницы. — Это не удивительно.

— Хотя мне казалось, что люди в наше время более устойчивы. Ну, с учетом всяких фильмов ужасов и прочей кино-расчлененки.

— Альхэ, ты его испортила! Он был просто нудным, а стал еще и циничным.

— А мне нравится!

— А я маскироваться перестал! — в два голоса ответили Мактару.

Жрецу только и оставалось, что головой покачать. Альхэ поступила разумнее, чем тот же Макху — вместо тел остался лишь прах, который скоро разнесет ветер. Чужая кровь дала ей сил и теперь она снова фонила бесконечным холодом, заставляя вспомнить пришествие Виттор Анктар, тогда, в храме, в самый запоминающийся раз. В том, что Аль была теперь именно преобразовательницей, а не полноценной аирани, он теперь сомневался. Мало ли, какими ритуалами могла воспользоваться Виттор, пока Альхэ была в долгом сне, а он вместе с Иттреэмом лазил по развалинам Башни и решал проблемы с внешним миром.

— Ты присоединять хвост планируешь до или после Башни? — повернулся к ней Мактар.

— До. Кто знает, чем там все обернется, предпочту иметь его на себе. Разбудите меня, когда приедем?

Рей кивнул, глядя в дорогу. Теперь ехать он старался аккуратнее, чтобы лишний раз не тревожить преобразовательницу, которая и так слишком плохо спала, чтобы наплевательски относиться даже к такой дреме. Правда, он был уверен, что Аль просто притворяется, чтобы они не так переживали из-за ее бессонницы. С Иттреэмом

на эту тему, может, поговорить, вдруг что-то подскажет?

Его убежденность оправдалась, когда Альхэ сразу распахнула глаза, стоило машине затормозить у дома Анктар-старшего. Ее нечеткие движение заставили нахмуриться и встретившего их преобразователя. В другое время — и с кем-то другим — можно было бы заподозрить опьянение, но преобразователей мог взять только «Черный хмель», а человеческое пойло они не воспринимали. В голову Майерса закралось вполне оправданное подозрение, что жертва Аль, чьей крови она налакалась, был под каким-нибудь веществом. Эту мысль он постарался подумать громче, в упор глядя на Иттрэя. Тот нахмурился, но кивнул, перехватывая нетвердо стоящую на ногах дочь и заноса ее в дом.

В помещении Анктар окончательно повело, нестабильная магия хлестала во все стороны, из-за чего хрупкие предметы начали просто осыпаться осколками, лишь окна каким-то чудом остались целы да алтарь Мактара словно обновился. Жрецу хватило одного взгляда на него, на Альхэ — зрачки его при этом ненадолго запульсировали, но на фоне темных глаз видно этого не было — а после он ухватил Майерса за рукав, утягивая за угол. Лицо у Мактара было одновременно ошеломленное и счастливое, кажется, он даже довольно засмеялся, но смех заглушил грохот за стеной, словно по комнате гулял ураган.

— Что с ней? — жрец скорее угадал слова, прочитал по губам, чем действительно услышал вопрос.

— Магический выплеск, неужели не видишь? — слова буквально проникали напрямую в сознание. — Возрастное. Правда, типичное больше для айрани, и в гораздо меньшей мере для жрецов. У меня такое перед отъездом из Керэн-Лэ прошло.

— Но она-то...

— А она чистокровная! — снова захохотал Мактар, которого будто в храме окатывало волной холода. — Кто знает, какие у них особенности взросления.

Все затихло так же резко, как и началось, настолько внезапно, что на миг показалось, будто они оглохли. Только невнятное бормотание и звук отплевываемых щепок показали, что это не так. Иттрэй сидел на остатках лестницы, даже не думая приближаться к центру комнаты, где на чистом участке лежала Альхэ. И попытавшемуся пройти мимо него Мактару тоже попытался помешать, но тот ткнул пальцем в торчащий из стены металлический хвост.

— Что это было?

— Взросление, — Майерс с удивлением уловил умиление в его голосе. — Она все-таки чистокровная, это должно было произойти. Правда, я думал, что такое случится раньше, потому и держал ее на нижних ярусах в стагисе, как химеру. Правда, к такому обычно подготавливают, приучают несколько лет в храмах Безымянной, а Аль не была готова.

— Ну, в храме она себя прекрасно ощущала, по сравнению с остальными, — подал голос Мактар, устроившийся поближе к преобразовательнице с тяжелым артефактом в руках. — Оно же по идее само должно прирости?

— Да, просто оставь рядом с ней и отойди. Да и ты садись, — Иттрэя похлопал по уцелевшей ступеньке, глядя на Рея.

— Ей не надо помочь?

— Ей надо не мешать. Переночуете здесь, а утром уже двинетесь в Башню. Ты как?

Альхэ тяжело подняла руку и неопределенно покрутила кистью в воздухе, тут же роняя ее обратно. По телу словно попрыгал выводок вьючных химер, но в остальном она чувствовала себя неплохо. Погром в округ она только оглядела, приподняв голову, и снова рухнула обратно.

— Всегда так? Антар такого не рассказывал.

Иттрэй с трудом спрятал ухмылку, когда увидел, с какими выражениями лиц переглянулись Рей и Мактар, но от комментариев все же удержался, хотя и очень хотелось. Интересно получилось, как давно покойный Дженталь все равно невидимой тенью в жизни всех троих остался. Он бы с удовольствием посмотрел, как завтра пройдет встреча с тенью менталиста, тот вряд ли упокоился, но сам Иттрэй в Башню уже не пройдет. В последние годы у него началась своеобразная аллергия на ее магический фон. Он прекрасно понимал, с чем это связано, но не думал, что в его жизни этот этап наступит так скоро. Впрочем, что поделать, ритуалы и выжигание сделали из него чистокровного, но и у них есть свои ограничения...

— Можно я тут спать останусь? Я не встану.

— Ну, если ты считаешь это оптимальным вариантом... А вообще, у твоей тушки есть цех два носильщика, до кровати доставят.

Справедливые возмущения молодежи преобразователь проигнорировал.

*

— Ты же не к озеру собралась?

— Нет, конечно. По мне похоже, что я собираюсь потрепать себе нервы плохими воспоминаниями с утра пораньше.

— Прям только плохими?

— Тебя я вижу регулярно, ты не воспоминание, Мактар. Все хорошо, Рей?

Тот кивнул, поводя плечами. Сгущающийся лес вызывал у него вполне обоснованную человеческую тревогу, так что он старался не отставать и не слишком вглядываться в темноту меж деревьев. Говорить не хотелось, горло словно удавка обвила, так что Майерс просто тенью следовал за преобразователями.

Границу они почувствовали сразу. Альхэ довольно улыбнулась, ощущая, как восстанавливаются силы, как становится легче дышать. Зато Мактар становился все мрачнее, особенно когда среди деревьев стали виднеться стены храма. Альхэ нахмурилась, но лезть в религиозные метания жреца не стала, захочет — расскажет.

К разочарованию преобразовательницы, верхние этажи давно рухнули, уцелели только нижние две трети, что для подобного строения уже было неплохо. Проходя в практически уничтоженные двери, Аль удивилась, что внутрь еще не проникла дикая природа. Было бы время, можно было бы поискать обеспечивающие такую сохранность плетения, даже сейчас здесь наверняка было много интересного.

— Я схожу наверх, ладно? Не уходите отсюда, я быстро...

Альхэ, не дожидаясь ответа, взлетела по лестнице, привычно перескакивая треснувшие еще при ней ступеньки, стараясь не думать о том, в каком состоянии находится место, где прошла большая часть ее сознательной жизни.

В спальне Аль все осталось как в последний день. Даже бытовые заклинания еще не выветрились. Она принялась и замерла. Нашла взглядом на кровати тяжелое зимнее платье, сама она в таких не ходила, а вот Энху пригодилось, пока та была человеком. Кажется, после возвращения Аль никому не дала наводить здесь порядок. Преобразовательница опустила на постель, притягивая к себе неповрежденную ткань и медленно и глубоко вдыхая осевший на ней запах. Прикрыла глаза, восстанавливая в памяти удивительно яркое небо и сырой тяжелый снег. Она прекрасно понимала, что картинки пришли из разных воспоминаний, но сейчас они сошлись в одно.

Кажется, тогда Энху пришла на берег, с круглыми глазами наблюдая, как Альхэ выходит из неуспевшего замерзнуть озера. Анктар тогда в очередной раз только посмеялась над тем, как смертная покраснела, и подошла ближе.

— Ты что-то хотела?

— Я тебя потеряла. Мактар сказал, что ты можешь быть тут, вот я и пришла...

— Ты поверила отправившему тебя в зимний лес жрецу?

— Ты ему доверяешь, — Энху наивно хлопнула бледными ресницами.

— Так значит ты доверяешь мне?

Хвост метнулся к ней, обвивая шею, царапая тонкую кожу так, что еще чуть сильнее — и выступит кровь. Но смертная даже не попыталась вырваться, продолжая рассматривать Анктар в упор. Губы Энху дрожали, искусанные и сухие, успевшие лопнуть от холода. Аль вообще не понимала, как она дожидаясь до совершеннолетия, настолько слабой та казалась преобразовательнице. Смертная смотрела на нее огромными глазами так, что Альхэ подумала — спугнула. Но та молчала.

— Аль? — голос выдернул в реальность. — Ты плачешь?

— Ты что тут делаешь, Майерс? Я где просила быть? — она удивленно провела рукой по влажной щеке, запах Энху на платье жег горло.

— Тебя долго не было. Мактар отговаривал, но я решил все-таки проверить.

— Как нашел?

— По следам в пыли, — хмыкнул он. — Что-то случилось?

— Случилось и давно. Я просто масштаб почувствовала только сейчас.

Рей кивнул, осторожно поглаживая Альхэ по спине. Глаза у нее были красноватые, но слезы уже кончились, преобразовательница просто устроила голову у него на коленях, позволяя себя успокаивать. Нет, не успокаивать. Утешать. Хотя до этого она очень недоброжелательно встречала подобные попытки со стороны окружающих, стращивая с себя чужие руки крайне демонстративно и иногда даже щелкая зубами.

От Майерса шло приятное тепло, не имеющее ничего общего с тем, что бушевало в Энху даже в человеческом облики. Анктар тихонько кашлянула, привлекая к себе внимание:

— Рей...

— Да?

— Если ты вдруг решишься на полноценное пробуждение дара или на какие-то продляющие срок жизни преобразования, пообещай, что придешь ко мне, а не к моему отцу.

— Обещаю, — произнес он после паузы.

Довольная ответом Альхэ кивнула и принялась вставать с постели. Пятиминутка ярких эмоций и спонтанности окончена, у нее еще работа здесь есть. Рей поднялся следом и неожиданно для преобразовательницы сгреб ее в охапку, прижимаясь к застывшей спине.

— А если бы я не успела остановиться и прошлась бы по тебе хвостом?

— Я в тебя верю. Ты бы в любом случае успела. Пойдем, там Мактар уже выть наверняка начал.

Преобразовательница фыркнула, но промолчала. Терпение у Мактара было железным, в этом она убедилась, он выносил ее даже в те моменты, когда Дунха был готов кинуть в нее чем-нибудь тяжелым. Да, такое случалось редко. Но случалось.

Жрец прошелся по ним нечитаемым взглядом и снова отвернулся к темному углу, в котором находился вход на «короткую» лестницу, позволявшую быстрее перемещаться между этажами. Аль самым разумным местом для начала поисков считала уцелевшие лаборатории, хоть таких было и не очень много, в частности ту, что принадлежала Рейте Анктар. И, возможно, личные комнаты. Может быть — дальние стеллажи библиотеки, но этот вариант — под очень большим вопросом.

— У меня нехорошее чувство, — произнес Рей, когда они начали подниматься. — Как будто кто-то смотрит мне в спину.

— А они могут. Тени. Надо будет вниз потом спуститься, — Альхэ нервно дернула плечами.

Он прекрасно помнил, что спина у преобразовательницы покрыта шрамами, но про подавители она всегда рассказывала только мимоходом, не слишком горя желанием возвращаться к таким свежим для нее воспоминаниям. Хотелось хотя бы плечо сжать в поддержку, но металлический хвост, извивающийся при ходьбе словно кошачий, не давал подойти ближе, чем на пару шагов. Повторяющая позвоночник полоса вообще сздаи смотрелась интересно, делая и без того плавную походку совсем уж текучей.

Но ощущение взгляда раздражало. Впрочем, привлекало к себе внимание оно недолго, ровно до того момента, как компания поднялась к лаборатории Рейты Анктар. Удушливый запах разложения ударил в ноздри даже через заклинания.

— Вот же... Возвращаемся. Там искать нечего, — Аль через несколько мгновений махнула рукой. — Там сплошное месиво. Кажется, Макху подготовился к нашему возвращению. Жалко, конечно... Ладно, осталась еще моя личная лаборатория. И отцовская.

— А она уцелела?

— Должна. Доступ-то у меня теперь есть. Заодно и посмотрю, что там такого, что мать меня туда не пускала. Все хорошо?

Рей кивнул, но кровавые разводы под носом и мутный взгляд никак не вязались с «хорошо», благо, что хвост обвился вокруг него раньше, чем рыжий успел упасть с лестницы. В четыре руки его усадили у стены, Альхэ с ужасом смотрела, как тот стремительно даже не бледнеет, а сереет. Ведомая каким-то странным порывом, она полоснула концом хвоста по запястью, кровью вычерчивая что-то смутно знакомое, пришедшее из глубин памяти, уже не слыша слов Мактара. Сила уходила как вода, она едва успевала зачерпывать магию из того потока, что тянулся к ней от Башни. На мгновение ее и саму повело...

Но стоило черноте отступить, она обнаружила себя сидящей рядом с Реем, рядом с притаившим откуда-то воду Мактаром, то и дело трясущимися ледяными ладонями умывающим их обоих. Но потом она перевела взгляд выше, встречаясь с золотисто-желтыми глазами Антара Дженталь.

— Ты не изменился, — вышло еще более охрипло, чем обычно.

Менталист мягко улыбнулся, рассматривая Аль, покосился на Рея, потом присмотрелся пристальнее, нахмурился. Удивленно приподнял брови.

— Вы чем-то похожи, пусть и отдаленно.

— Насчет отдаленности я бы поспорил. Ему веснушки закрасить, волосы в черный — копия будет, — Мактар дернул плечом, даже не оборачиваясь к безмолвной тени. — Ты просто не сравнивала специально. Ласс так вообще — одно лицо. Я его как-то видел издали, успел подумать, что мне кажется.

Антар продолжает улыбаться. И молчать. Аль прекрасно понимает, что это значит — самоубийцы не разговаривают. По крайней мере те, чье тело было уничтожено, те, что сами лишили себя возможности вернуться.

Дженталь смотрит на них еще немного и растворяется, оставляя живых. Альхэ поворачивается к Рею, успевшему прийти в себя, и с удивлением понимает, что тот действительно слишком похож на Антара, если посмотреть объективно. Впрочем, это уже неважно.

— Долго мы так лежали?

— Не очень. Ладно, да... Антар за вами присматривал, пока я искал воду... Библиотека пуста. Макху позаботился. Лаборатории, кажется, в таком же состоянии. В твоей перебито оборудование и аквариумы. Мы только лабораторию Иттрэя проверить можем, наверное, не знаю, которая из запечатанных — его.

— Ладно... Поползли, поищем.

Альхэ принялась вставать по стене, с каждым движением ощущая, как стоять становится все легче. Рей тоже выглядел более живым, чем при приступе аллергии на местную магию. Именно поэтому она и не хотела брать его с собой. Вот только теперь он фонил примерно также, как фонят своей силой жрецы. Крови видно не было, но спрашивать о том, что вообще происходило, Аль пока не стала, потом, как обратно вернуться, немного в себя придут,

там и будут разбираться.

К тому моменту, как в конце коридора показались уцелевшие запечатанные лаборатории, шум в голове окончательно прекратился, так что темное помещение за легко поддавшейся дверью преобразовательница обводила уже осознанным взглядом. Сдвоенный удивленный вздох заставил ее обернуться и заглянуть в смежное огромное помещение, где в аквариуме плавал, свернувшись в тугие кольца, огромный змей.

— Вот тебе и легенды, вот тебе и сказочки, — Рей не рискнул подойти ближе, рассматривая мутноватую жидкость, чуть светящуюся в этом полумраке. — Альхэ, там, кажется, твое имя.

Он указывает на насест со странным комком сверху. Анктар подходит ближе, рассматривая находку внимательнее и с удивлением отмечая на ней тонкую металлическую пластинку с подписью. «Если ты это читаешь, значит я не смог сюда вернуться. Но ты можешь написать мне письмо», выведенное четким почерком Иттрэя. Она режет палец острым краем, напитывая плетение на обратной стороне, и крупная птица приходит в движение, переставая прятаться за собственными крыльями. Альхэ распаивает глаза, рассматривая костяную голову и длинные перья, будто бы острые на вид. У такого почтальона точно ничего не отнимешь.

Птица несильно прихватывает окровавленный палец, наклоняет голову, рассматривая хозяйку.

— Забавно...

— Что именно? — Мактар отвлекается от жуткого зрелища в аквариуме.

— «Энху» на айрануме «подарок».

Рей внимательно посмотрел на задумчивую Альхэ, на химеру перед ней, и хмыкнул, покачав головой. Анктар еще немного погладила существо по оперению и все же шагнула в основную часть лаборатории. Готовых образцов было немного, но все же она надолго застывала перед каждым аквариумом. Вот что значит опыт — в ее работе стыки все равно бросались в глаза, в то время как у химер Иттрэя даже перехода не было, словно существа такими и родились. Как все это закончится — она снова вернется к учебе.

Совсем рядом со змеем нашелся глубокий аквариум, в котором калачиком свернулось пушистое существо, чей светлый мех странно выделялся на общем фоне. Альхэ внимательно посмотрела на две пары ушей и мягкий розовый нос как у кота. Преобразовательница зарылась в записи, стеллаж с которыми нашелся чуть дальше, невидимый от входа. Идеальный порядок заставил завистливо вздохнуть — в ее бумагах она сама не смогла бы найти что-то конкретное, предпочитая держать все в голове. Непонятная химера оказалась нянькой.

— Мне вот интересно...

— М? — раздалось за спиной из разных углов лаборатории.

— Все говорили, что отца изгнали за опыты над разумными. Но я не вижу в записях даже намек на это.

— Он как-то упоминал, — Мактар покосился на повернувшуюся к нему почтовую химеру, — что пытался восстановить какой-то ритуал, который над ним провела в юности Виттор Анктар. Но что там было — я не знаю.

— Все здесь! Все — здесь! — проскрежетало существо на насесте, перелетев к аквариуму со змеем.

Альхэ медленно подошла ближе, краем глаза замечая рядом тени Рея и Мактара, даже спиной ощущая их напряжение. Огромное животное, в пасти которого они втроем свободно бы разместились, приоткрыло глаз. С трудом взглядевшись в узкий зрачок, Альхэ все поняла и восторженно захохотала. Оригинальное решение! Спрятать записи в химеру, а химеру закрыть в аквариум — надо еще постараться. Змей снова сомкнул веки, лениво повернулся, заставляя колыхнуться состав, в котором плавал, и уснул обратно.

— Нам здесь больше нечего искать. Пойдем. Я запроу лабораторию обратно.

— А он? — Рей кивнул в сторону гигантской химеры.

— Когда-нибудь и его время придет. А пока — пусть спит. Так будет лучше для всех. И с отцом надо поговорить.

Альхэ вышла из ванной, на ходу одним движением высушивая волосы. Подпитка от Башни пошла ей на пользу, так что теперь преобразовательница радовалась жизни, но при этом продолжала радовать глаз широкими белыми прядями в волосах. Впрочем, ее саму это перестало смущать, когда она присмотрелась к отцу — виски у Иттрэя успели поседеть, но на контроле это никак не сказывалось.

Преобразовательница оглядела открывшуюся ей картину, хмыкнула и устроилась симметрично Рею: закинув ноги на подлокотник дивана, а голову устроив на ноге Мактара. Лицо у жреца в этот момент было потрясающе невозмутимое, он только мимоходом погладил их обоих по волосам и потянулся за пультом, когда в дверь, игнорируя звонок, постучали.

— Может, мы их проигнорируем и они уйдут? — Альхэ посмотрела на Мактара.

— У нас свет в окнах горит, не получится.

— Пойду открою, — Рей махнул рукой, начиная подниматься.

— Лежи, я сама.

Альхэ сползла на пол, давая хвосту время отделиться от кожи, но пока держала его под домашней футболкой, пряча от посторонних глаз. Дверного глазка, к сожалению не было, так что она сначала закрыла дверь на цепочку, а потом уже щелкнула замком. Лицо, увиденное ею после этого, заставило вздрогнуть.

— Эттер?

Мактар, расслышав удивленный голос из коридора, поспешил выйти, посмотреть на неожиданного визитера. За входной дверью было темно, но зрения хватало, чтобы распознать черты лица. Да и Альхэ узнала его сразу, так что сомнений быть не могло. Преобразовательница обернулась к нему через плечо и после кивка открыла дверь. Эттер неуверенно шагнул внутрь, не слишком рассматривая жреца, все-таки они несколько раз пересекались за эти века, зато не отводя взгляда от Аль.

— Жива, — даже плечи его расслабленно опустились, а потом он шагнул к ней, сжимая до хруста ребер.

— Куда же я денусь, Макху не дождется, — улыбнулась она в ответ, а потом резко нахмурилась. — А что с лицом? Ну-ка, включите мне свет! А ты сядь.

При ярком свете выглянувший из-за двери Рей смог рассмотреть Эттера и даже понял, почему в первую встречу Аль сослепу их перепутала. Только глаза у пришедшего были мертвые, а потом он разглядел рассыпь мелких шрамов, идущих от подбородка вниз, скрывающихся за воротником. Мактар прищурился и отошел к двери комнаты, не давая Майерсу приблизиться.

— Лучше не лезь туда, мало ли...

— Какой же он криворукий... Как хорошо, что у меня не все наработки на бумаге были. Подожди, он? — Альхэ проверила свои ощущения еще раз. — Так, мне нужен адрес... Я обещала отцу не лезть туда сама, я одна и не полезу.

— Что не так?

— Все, все не так! Макху — охреневший от собственной безнаказанности маньяк, вот что! — она отошла от опустившего голову Эттера. — Он знает, что ты здесь?

— Он не всегда меня контролирует. Пока планировал выбраться на континент, так что я временно без присмотра. Я, скорее, попрощаться зашел. С удовольствием бы сдал все, что знаю, но не после прямого запрета...

— Аль? Что происходит? — Рей попытался шагнуть вперед, но жрец с места не сдвинулся, заставляя его остаться в комнате.

— Я тебе все объясню. Чуть позже. Так, ты сидишь тут, я сейчас оденусь и мы пойдем поговорим. Хотя... Вы двое тоже соберитесь.

Она умчалась в комнату, на ходу стягивая футболку. Мактар только махнул рукой — ему-то что, куртку накинуть и можно идти. Так что он посмотрел на Эттера, оценил неживой цвет его лица, а потом присмотрелся к магическому телу, подавил желание выругаться. Пусть в химерологию он глубоко и не копал никогда, но отличить живое от оживленного мог. После увиденного захотелось медленно поджарить Макху, но дотянуться до него сейчас...

— Что все-таки ее так всполошило?

— Ну, то, что мой отец, используя ее наработки, по сути дела превратил меня в химеру, предварительно умертвив — достаточно весомый повод?

Майерс сдерживаться не стал и выматерился, понимая глубину ямы, в которую он попал, связавшись с преобразователями. Нет, против Мактара и семейства Анктар он ничего не имел, хотя уже успел осознать, насколько моральные рамки у них отличаются от общепринятых человеческих. Он даже с историей Энху могу смириться, правда, во многом из-за добровольности случившегося. Но эта ситуация... Ведь вряд ли же Эттер добровольно лег под нож?

— Знаешь, — Мактар подошел ближе к неожиданному гостю из прошлого, — до изгнания Аль мне казалось, что вы друг друга ненавидите.

— Значит, хорошо притворялись. Оба Дженталь знали, да Рейта. Ну, может Дунха и Менху что-то подозревали, но не лезли. А тебе повезло, что я тогда уступил ей победу в споре. Кто знает, где мы были при ином раскладе. Обнимешь? На прощание.

Жрец кивает. Так-то они одного роста, но у смотрящего снизу вверх Эттера вид настолько беззащитный, что даже изначально не слишком расположенного к нему южанина пробирает. Беззвучно вышедшая из комнаты Альхэ только застывает в дверном проеме, не решаясь прервать момент. А после все-таки неслышно подкрадывается, мягко касаясь плеча гостя.

— Мне очень жаль, что с тобой все вышло так...

— Я надеюсь, что у тебя не дрогнет рука, когда придет время.

Майерс отводит от троицы глаза, ощущая, что присутствует при чем-то очень личном. И в очередной раз пересматривает свое отношение к преобразователям. Все-таки человеческое им не чуждо, пусть и в такой странной форме. А еще он знает, что и без того плохо спящая по ночам Альхэ сегодня будет ворочаться вплоть до рассвета, но так и не уснет, под утро может и вовсе уйдет на кухню, уступив еще одно нагретое одеяло жрецу. Мактар начнет бормотать во сне, зябко трястись, иногда поднимая голову и мутным взглядом обводя комнату. О том, что ему снится, он никогда не рассказывает. Рей заметил все это не сразу, но теперь может, не просыпаясь, сказать, кто именно из преобразователей мучается сегодня бессонницей в особо тяжелой форме.

Но сейчас они смотрят на него, ожидая, пока Рей соберется, чтобы все-таки выйти на улицу. Они редко рассказывают о том, что происходило в прошлом, ограничиваясь какими-то несерьезными историями, предпочитая не касаться того, что осталось в Башне. Рей может и понимает, что это — тоже своеобразная забота, но это молчание усложняет понимание того, что с ними происходит. Хотя сейчас, кажется, его все-таки начинают понемногу подпускать к тому странному мрачному миру, что всегда существовал параллельно с Хиллоки, в стороне от людей.

*

— Ты ведь уже была в Башне? — Эттер нервно потер щеку, под натянувшейся кожей проступили накопители.

— После пробуждения? Да. Твой отец там порезвился.

— Это был я... Сама ведь знаешь, если не развиваться по своей специализации, можно и контроль потерять, а меня туда никогда не подпускали. Я успел добежать до лаборатории Мин Рейты, думал, что там пережду срыв и никого не задену. Забыл только, что Макху работал над составом для Ласса, у него как-то нестабильно развивался дар, слишком медленно даже для полукровки.

— Конфликт сил?

Эттер кивнул. Рей, не желая вклиниваться в диалог, перевел взгляд на Мактара за разъяснениями. Тот посмотрел на идущих впереди и сжал запястье Майерса, раз уж меток у него не было.

«Магия похожа на какое-то излучение по представлениям человеческой науки. И в зависимости от склонностей она немного меняет свою природу. Вот у Эттера как у химеролога от природы все-таки, как бы Макху не пытался слепить из сына свое подобие, да еще и пошедшего в разнос, случилось «несовпадение векторов», назовем это так. в результате, видимо, и состав исказился, и взрыв произошел».

— А с остальными лабораториями что?

— Где-то я пытался укрыться, когда понял, что что-то идет не так. В итоге получилось то, что получилось. Состав добил практически всех, но быстро выветрился, так что к возвращению отца и Ласса в Башне был только я, успевший закрыться в твоей лаборатории, и горы трупов... А потом уже отец без зазрения совести вытащил нужные ему журналы и устроил взрыв на верхних этажах. У тебя сейчас такое лицо, будто ты хочешь кого-то ударить.

Альхэ действительно сжала зубы, стараясь не дать прорваться раздраженному рыку. Огляделась, посмотрела вокруг, никого не нашла и по газону пошла к группе деревьев. Из тени раздался все-таки звук раздраженного хищника и треск древесины. Вышла она оттуда через пару минут, жестом показала «Не разговаривайте со мной» и пошла вперед по дорожке.

Эттер нервно обернулся на остальную часть странного трио, но те демонстрировали удивительное спокойствие. А вот он сам, кажется, успел отвыкнуть от характера Анктар за эти столетия. Накопители несильно закололи кожу, когда они почти догнали Аль, значит, отец уже вернулся на остров. Пришлось догонять преобразовательницу и объяснять ситуацию. Мактар отзывает его в сторону, а Альхэ аккуратно утягивает Рея к выходу из парка, разворачиваясь к отошедшим в сторону парням спиной, осознанно вслушиваясь во что угодно, кроме тихих голосов.

— Не ревнуешь? — спрашивает Майерс, когда они отходят на пару десятков метров.

— А должна? — она даже не оборачивается на оставленных позади преобразователей.

— Мне казалось, что ты редкостная собственница. Такие как ты обычно даже друзей между собой не знакомят.

— Ты же понимаешь, что Эттер — однозначно покойник? А еще он не совсем посторонний для меня. Может в детстве мы и не переносили друг друга на дух, но позже достаточно сблизились. Тем более, я уверена в Мактаре. Да и в Эттере тоже, знай я его хуже, у меня был бы повод переживать, что тот попытается использовать Мактара против меня.

— Кому кости перемываете? — жрец появился за их спинами.

— Тебе, кому еще. Все совсем плохо? — Аль как будто не заметила прокушенную губу жреца.

— С острова нам не выбраться. Макху за эти столетия успел воссоздать защиту вокруг побережья. Даже обычным транспортом. Начнет корежить магическое тело. И когда успел...

Альхэ только кивнула, испытывая острое желание выпить, желательно — «Черным хмелем», потому что этот вечер нужно было забыть хоть ненадолго. Понятно, что Макху нужно убирать, иначе эта проблема так и останется, он в любом случае будет ставить палки в колеса. Знать бы почему. Преобразовательница мысленно вернулась к разворошенным лабораториям. Он ведь наверняка не просто так собирал все мало-мальски полезные записи, преимущественно — дневники химерологов.

Она замерла, уставившись пустым взглядом в пространство. У него было подчеркнуто-негативное отношение именно к ее семье, не к Дженталь, которые тоже были чистокровными, хотя и тем перепало. Но гораздо меньше. Так что дело не в этом, или не только в этом. Что могло отличать Антар от менталистов? Почему к Альхэ он воспринимал даже хуже, чем ее мать, хотя та осознанно ему вредила? В голове что-то щелкнуло.

— Ритуал...

— Что? — в два голоса спросили ее спутники.

— Он искал записи отца о ритуале. Том, который провела над ним бабушка. Он не говорил, что это было?

— Я... У меня есть странная мысль, — вдруг пробормотал Рей. — Но я не уверен в этом. И, думаю, нам не следует обсуждать это посреди улицы. Пойдемте домой.

Вот только за закрытой дверью Майерс не сразу принялся излагать, зависнув над чашкой с кофе. Альхэ старалась не смотреть на него слишком уж намекаяще, хотя терпения оставалось все меньше. Дурацкий день вообще не радовал, так что Мактар, посмотрев на их лица, куда-то ушел, вернувшись с плоской флягой с характерным узором на боку. Анктар хмыкнула, надо же, все это время прятал такое сокровище. Вот только с желанием налакаться придется пока повременить. Так что в кувшин с водой ушло не больше рюмки, тут же окрасившей содержимое в насыщенный, практически черный цвет.

Рей с сомнением понюхал содержимое стакана, поставленного перед ним. Пахло чем-то некрепким, но кто знает, что там за секреты у этих нелюдей. Впрочем, в голову с одного глотка не ударило, и на том спасибо. Напрягало только то, что шло обманчиво легко, и никто не знает, какой момент окажется для него критическим.

— Ну что... За скорое воссоединение Эттера с предками?

— Станный тост. Хотя... В его состоянии это, кажется, будет избавлением, да?

— Именно.

— Тогда, за скорый его переход!

Стукнули стеклянными боками друг о друга, отхлебнули, снова замолчали. Рей встряхнул потяжелевшей головой и неожиданно произнес:

— Иттрэй не был изначально чистокровным.

— В смысле?

— Помнишь, вы мне рассказывали про ритуал «выжигания», якобы давно утерянный? Ну, не якобы... Из живших при нас в Башне его знала только моя мать и все. Что тебя вообще на такое умозаключение натолкнуло?

— Я сравнил с тобой. По тому, как вы пользуетесь руками, это заметно. Если присмотреться. Мактар возможно, не обратил на это внимания...

— Давайте честно, я все эти годы думал о других вещах...

— ...а мне вот показалось странным. Ты тогда что-то резала, вторым мизинцем отодвигая лишнее. И это было очень, — он пощелкал пальцами, — естественно. У меня взгляд и зацепился. Это очень отличалось от твоего отца. А сейчас я вдруг понял...

— Это звучит логично. Как бы мне не хотелось это отрицать, но звучит очень логично.

Альхэ отхлебнула еще. Рей вполне мог быть прав, все-таки ему, менее вовлеченному, способному воспринимать происходящее со стороны, могли быть заметны детали, на которые они сами внимания и не обратили бы. Да и Мактар мог не заметить, что с жестами Иттрэя что-то не так, все-таки чистокровных он знал немного и не очень долго, а после их ухода из Башни сосредоточился на ней — от Аль не укрылась слишком уж похожая на нее саму статуя на малом алтаре.

И эта теория объяснила бы интерес Макху. Грешок всех преобразователей, особенно тех, кто пришел в Башню от людей — жажда силы. Алхимик исключением на этом поприще не был. Вот только Виттор Анктар, насколько Аль знала, всегда не упускала случая поддеть не в меру амбициозного полукровку. И, видимо, отказала ему в

проведении ритуала. А тот и рад затаить обиду, отыгрываясь на ее потомках.

Альхэ потеряла ледяными руками горящее лицо. Надо как-то это решать. И чем быстрее, тем лучше.

*

— Он ведь не мог пропасть? Мак, он же всегда на связи... А если с ним что-то случилось? Ласс ведь на Макху работает, вдруг с Реем что-то случилось?

— Ты думаешь, он готов воспользоваться потомком ради чего бы то ни было?

— Посмотри на того, кто его воспитывал и подумай! — она резко развернулась к жрецу, хлопая влажными ресницами.

— Аль... С ним все будет хорошо. Я в этом уверен. Если хочешь, мы можем написать письмо Мин Иттрэю, тот не откажет в помощи. По крайней мере, лезть к Лассу с шансом попасться Макху — глупо. Без посторонней помощи — так точно.

Преобразовательница кивнула, признавая разумность доводов. Мактар после встречи с Эттером словно немного пришел в себя и, кажется, сделал что-то, что пришлось по душе его покровительнице, потому что силы к жрецу начали возвращаться, что не могло не радовать.

Едва почтовая химера упорхнула, унося записку за пределы Хиллоки, в дверь постучали. Стоящий на пороге преобразователь смотрел на них пустыми глазами, позволяя четко понять, что в этот момент Макху полностью контролирует сына, словно тут искусственно созданная зверушка, а не его плоть и кровь.

От услышанного Аль готова сорваться в лес хоть сейчас, так что Мактару приходится ее встряхнуть, рискуя напоротся на острый наконечник на хвосте, но преобразовательница берет себя в руки. В любом случае, им необходимо будет проехать мимо жилища Иттрэя, так что без предупреждения они в храм при Башне не выдвинутся. Альхэ мысленно тянется к химере по протянутой между ними магической связи, передавая той несколько коротких слов. Связки позволяют птице их воспроизвести и с отцом они не разминутся.

Мактар, заводя автомобиль, ругается сквозь зубы — не потому, что ему все-таки пришлось сесть за руль, а из-за влезшего в святилище Макху. Очень хочется верить, что Мин Виттор все-таки дотянется до него, хотя что-то подсказывало, что в этот конфликт аирани влезать не будет, даст им разбираться самим. И это его не радовало.

Весь путь Аль воспринимала обрывками, ощущая, как стремительно теряет контроль над собственным даром, так что все силы уходили теперь на удержание себя в руках, потому что пешком идти через город к лесу ей явно не хотелось. Тихие слова Мактара и то и дело ложащаяся на колено теплая ладонь немного снижали тревожность, но ничего не могли поделать с жаждой крови, которая сочилась из нее при каждом вздохе.

— Аль, я понимаю, что ты переживаешь, но твой фон мешает вести машину... Экономь силы, тебе еще Макху рожу бить.

— Думаешь, получится? — спросила она, сжимая пальцы жреца.

— Уверен. Даже если не сама — не думаю, что Мин Иттрэй откажется поддержать его связанным и не даст тебе шанс выпустить пар.

— У меня очень плохое предчувствие, — выдохнула Альхэ.

— У тебя оно хотя бы есть, значит, инстинкт самосохранения тебе все-таки не чужд, — хохотнул жрец.

Плохо было другое, сомнения по поводу исхода сегодняшнего вечера терзали и его, нос то и дело щекотал фантомный запах крови, что само по себе не добавляло оптимизма. Гадать, кого же они сегодня проводят к предкам, не хотелось. Можно, конечно, убеждать себя в благоприятном исходе, но у преобразователей не бывает хорошего финала. Как будто судьба заставляет их расплачиваться за все блага, которыми они пользуются по жизни. Но главным сейчас было успокоить Альхэ.

Иттрэй ждет их на крыльце и, едва они выходят, срывается в лес. Молча, не говоря ничего, только передает Мактару обрывистый образ лабораторного журнала, спрятанного в этом убежище, который ему нужно забрать, если Анктар-старший по какой-либо причине не вернется сам. Жрец хочет что-то спросить, но получает только хмурый взгляд в ответ. Где-то рядом Альхэ едва не падает, споткнувшись о корягу, но хвост помогает выровнять шаг.

У бывших стен Башни преобразователи останавливаются, переводя дыхание. Аль уже откровенно трясет, но она старается не показывать виду, только белые волосы выдают, что еще чуть-чуть — и она сорвется. И в этот раз срыв будет страшнее, чем любой из тех, что были раньше.

— Я очень прошу вас обоих не лезть вперед меня.

— Я жрец, мне в храме практически ничего не грозит, — пытается возмутиться Мактар.

— Пока Виттор к тебе благосклонна — да. Не грозит. Кто знает, в какой момент она передумает? Так что тоже не высовывайся лишний раз.

Иттрэй первым шагнул в ворота, кожей ощущая, как Башня отторгает его, заявившего на нее права, но по сути дела — самозванца, стоящего между ней и последней чистокровной. Все-таки у шестипалых по мнению псевдо-разумного источника были свои привелегии.

У дверей храма они на миг замирают, а потом Анктар-старший все-таки проходит внутрь, ежась от

потустороннего холода, чуждого как людям так и преобразователям, и в целом этому миру. И даже то, что Виттор Анктар родилась тут, не ослабляет давления магии. Когда-то он слышал — и как бы не от самой аирани — что храмы могут в какой-то момент стать проходом домой, раз уж таковой в подземельях Башни уже не работает. Хотела ли она вернуться в мир прародитель, о котором слышала из первых уст? Что-то ему подсказывает, что нет.

С единственного подсвеченного витража на вошедших смотрят близнецы Иррэй и Онна, беловолосые, шестипалые, похожие друг на друга как отражения в зеркале, разве что он — чуть выше. У алтаря — четыре фигуры. Человек в полумраке принял бы их за статуи, но вошедшие преобразователи ощущают, как те фонят жизнью, да и Рея Альхэ учуяла сразу, как открылась дверь. Зверь внутри недовольно ворчит, как же, на его собственность кто-то посягнул. Хвост раздраженно дергается, со скрежетом проходясь по каменному полу.

У Майерс лицо в крови, но не от удара, а как будто бы от ментальной атаки. Рей поднимает на нее взгляд и Альхэ осознает — он почему-то все помнит. Потому что ни Рей Майерс, ни Антар Дженталь никогда так не смотрели. Глаза напротив принадлежат Энху. Энху в тот последний миг, когда тело химеры еще не успело осознать собственную смерть, в тот краткий миг между отсечением головы и падением на землю.

— Какая приятная встреча! Вы предпочитаете полный протокол или сразу к делу перейдем? — Альхэ вглядывается в лицо Макху на этих словах и невольно кривится.

Алхимик заметно постарел, по меркам их расы — так вообще жутко, по меркам людей — лет на двадцать, если сравнивать его внешность в момент прошлой встречи. Вот только сейчас ее волнует не это — под ногами у Рея тяжелая плита, вынесенная из ее лаборатории. На ней даже разметка сохранилась.

От этого осознания Анктар-младшая начинает подрагивать, как от озноба. В храме сложно дышать от концентрированной магии, а потом она замечает на руках у Макху и пришедших с ним преобразователей знакомые кольца. Мактар тоже обращает внимание на их руки и шипит сквозь зубы: они посмели обнести запасы Культа! Он чувствует, как за спиной словно появляется кто-то еще, но не рискует оборачиваться.

— Давай без торжественных речей. Сразу к торгам, — Иттрэй вглядывается в спутников Макху, пытаясь понять, что тот задумал.

— Мне нужны записи по «выжиганию». Проводить его я вам не доверю, но у меня есть на примете подходящий специалист, так что, — алхимик разводит руками, на которых от возраста уже проступили пятна.

— Нет, — произносят три голоса.

Иттрэй, прекрасно понимающий, что цена неравнозначна. Мактар, имеющий представление о том, кто перед ними. И Рей, четко осознающий, что живым он отсюда не выйдет и успевший смириться со своей участью. Если бы стоящий за его спиной Ласс Майерс — Дженталь, поправляет он себя — держал бы нож поближе к его шее, то Рей бы и сам на него напоролся, чтобы у Анктар не было повода искать компромис. В конце концов, умирать ему не впервые.

Вот только Альхэ молчит. Смотрит на него поверх плеча Мактара и молчит. Жрец прекрасно понимает, что не удержит ее, если та попытается рвануться вперед, а потому пока просто не дает ей сосредоточить внимание на четверке перед алтарем. Пальцы Альхэ сжимаются на его локте так, что еще немного — и кости треснут, но она еще держится. Пока еще держится.

— А ты что скажешь, Альхэ? Это ведь твоя зверушка, — он как собаку потрепал Майерса по волосам.

— Странно слышать такое пренебрежение к людям от того, кто родился и рос среди смертных. Что же ты самого себя зверушкой не считаешь? — она сделала полшага вперед, оказываясь между отцом и Мактаром. — Очень невоспитанной зверушкой?

Мактар невольно выпрямился, слишком уж отчетливо в рычащем голосе послышались нотки Виттор Анктар, даже Иттрэй их уловил, покосившись на дочь. Жрец оставалось теперь только надеяться, что нового приступа одержимости не произойдет. Зато воздух в храме заледенел еще сильнее, заставляя даже преобразователей выдыхать пар, всех, кроме Альхэ.

— А давай проверим? — Макху кивнул на Рея. — Как думаешь, переживет он сейчас трансформацию или нет?

Хватка Ласса становится крепче, Альхэ напрягается как перед прыжком. Ей даже расчетов проводить не надо, чтобы дать ответ — не переживет. Даже если случится чудо и он выживет, во многом благодаря отметкам из прошлой жизни, то процесс преобразования может превратить его разум в кашу из обрывков воспоминаний и инстинктов. Сейчас-то, с вылезшей памятью Энху, он не очень стабилен, а что с ним станет после вмешательства — предугадать сложно. И не хочется.

— Ласс, — неожиданно поворачивается она к нему. — Ты ведь должен был уже вспомнить, что сделал Макху в день твоего рождения. Ты никогда не задавал себе вопрос, почему он так стремится уничтожать одаренных? Не думал, что однажды такая же участь может постигнуть и тебя, м? Не думал о своей судьбе, Ласс Дженталь?

— Я Ласс Майерс, — произнес он, и Альхэ стоило больших трудов не вздрогнуть, услышав голос покойного Антара.

— Нет. Ты именно Ласс Дженталь. Я сама дала тебе это имя, взяв тебя на руки раньше выносившей тебя

смертной. Ты должен был расти рядом со мной, раз уж твой отец из-за Макху отправился к предкам.

Песок вокруг неожиданностью не стал, храм должен был пострадать от такого потока силы, так что каменное крошево вокруг — наверняка следствие разрушений. Удивительно, что сама она до сих пор жива, после такого-то выброса. Странно только то, что весь этот мусор горячий, словно раскаленный на солнце. Надо бы открыть глаза и попробовать встать, но так не хочется. Потому что реальность явно окажется к ней немилосердна.

Руки касается что-то чешуйчатое, заставляя вздрогнуть и все-таки распахнуть глаза. Она была не в храме и даже не в Хиллоки. Вокруг был лишь песок, над головой светил раскаленный добела шар солнца, в стороне от которого висела удивительного темно-зеленого оттенка луна, напоминающая какой-то поделочный камень, будто гематит такого странного оттенка.

— Живучая, — произнес женский голос над головой.

— И с неплохим потенциалом, — ответил ей мужской, но похожий на нее.

Альхэ заставляет себя сесть и встречается взглядом с серебристо-серыми глазами беловолосых близнецов. Аль сразу вспоминаются две статуи в самых темных углах храма, поставленные там еще при Иррэй Прародительнице, и чем дольше преобразовательница на них смотрит, тем больше сходств замечает.

— Не думала, что кто-то из моих потомков сможет пробиться сюда. Как тебя зовут, ребенок? — слишком прохладной для такого места ладонью Иррэй стирает с виска Аль кровь.

— Альхэ. Альхэ Анктар.

— Ты все-таки поддалась на его уговоры? — Она поворачивается к сестре приподнимая бровь. — Впрочем, лучший вариант из имевшихся, не спорю. И окраска интересная получилась.

— Это от потери контроля над силой... Я побелела... Пошла в разнос и... Из-за меня, — она неожиданн всхлипывает, но быстро загоняет слезы обратно, с силой кусая ладонь.

Иррэй опускается на песок рядом с ней, накрывая прокушенную руку, накрывая отпечаток зубов тонкими пальцами. Альхэ смотрит на слишком совершенное даже по меркам преобразователей создание, живую легенду по сути, и думает о том, что все это — ее предсмертный бред.

Где-то наверху хлопают мощные крылья, заставляя Аль запрокинуть голову, рассматривая огромного дракона, способного устроить на месте Хиллоки и окрестностей себе гнездо, причем оно явно будет скромным для такой зверушки.

— Смотри-ка, он тебя почувствовал! — мягко улыбается ей аирани. — Вот только познакомитесь вы потом. Тебе пора идти.

— Куда?

— Ты еще жива, Альхэ Анктар. Тебе не место среди теней. Но кое-что ты отсюда заберешь. Наш тебе подарок.

Иррэй поднимается на ноги, пока Она помогает Альхэ встать. Руки у него тоже шестипалые и Аль ненадолго замирает, не разжимая хватку, рассматривая белые ладони, будто чуть светящиеся в ярком свете солнца. Ей столько хочется спросить, но предки ясно дали понять, что сейчас неподходящее для этого время. Да и Мактар... Мактар точно оставался еще живым! Вблизи она понимает, что волосы у аирани не белые, а серебристые, просто очень мягкого оттенка, даже платиновые. И не может не думать о том, что в полной потере контроля она будет похожа на них, даже сейчас не слишком любящая рассматривать себя в зеркале преобразовательница замечает общие черты.

— Пытаясь удержать силу в себе, ты только мешаешь ей развиваться. Тебе нужно научиться не загонять ее в рамки, а жить с этим потоком, не теряя себя.

— Когда закончишь все свои дела там — возвращайся сюда, — Она гладит ее по волосам. — Надеюсь, ты к тому времени тоже станешь светлой.

— А сейчас тебя ждут, ребенок. И не пытайся тянуть на себе все наследие своего племени. Ты — его часть, но ты не все они. Иногда нужно выбирать себя. Я ведь оставила племя, чтобы попытаться спасти Онну.

— И породила этим кучу домыслов, — не удержалась Аль.

— А это уже исключительно семейные дела, не касающиеся некоторых любопытных! — улыбнулась Иррэй. — Тебе пора.

Близнецы по очереди поцеловали ее в лоб, а потом их фигуры начали осыпаться песком, таким же мелким, как тот, что составлял пустыню. Над головой взревел огромный дракон, и Аль пообещала себе, что обязательно вернется сюда, хотя бы ради этого зверя, почему-то проникшегося к ней симпатией.

Она открыла глаза в храме.

Руки действительно касалось что-то чешуйчатое, и этим чем-то, к облегчению Аль, оказалось тело того самого змея, которого она видела в лаборатории отца. К облегчению, потому что в первый миг она успела подумать, что трансформация Рея все же произошла. Как химера оказалась здесь — Аль не знала, хотя подозревала, что та вполне могла откликнуться на магию раненного Иттрэя, или на ее собственную — как прямой наследницы. Зверь могу броситься на защиту хозяев и пострадать.

Магии в огромном теле она не чувствовала, а вытекший глаз явно говорил о том, что и до записей Иттрэя кто-то добрался. Присутствие Макху рядом не ощущалась. Альхэ вскарабкалась по свернутому в кольца телу и огляделась. Алхимика действительно не было в храме. Ласс и Рей тоже отсутствовали и ей оставалось только надеяться, что с последним все хорошо. Сбоку кто-то закашлялся.

Анктар спустилась со своей «обзорной площадки», находя взглядом источник звука. Мактара придавило обломком и, судя по всему, грудная клетка пострадала. Хвост слушался Аль легко, так что убрать в сторону камень она смогла, сразу после этого тяжело опускаясь на колени рядом со жрецом.

— Хвала Бездне, ты жива.

— Я успела так испугаться... Не поверишь, что я видела... Ладно, потом, не шевелись.

Она устроила руки на теле Мактара, рассматривая его магическим зрением. Пальцы привычно находили оборванные части структуры, скрепляя их между собой, заставляя таким образом срастаться кости и пострадавшие мышцы. Жрец рассматривал ее немного мутным взглядом, даже не думая как-то дергаться или мешать ей. Он пока не понимал, что с ней произошло — потерял сознание, когда тело огромного змея спрятало преобразовательницу — но четко ощущал, что что-то изменилось. Она как будто смирилась... Или просто успокоилась... Мактар еще не решил, как лучше назвать эту перемену.

— Аль, твой отец, он...

— Я уже поняла. Почувствовала.

— Макху хотел его добить, но Иттрэй только расхохотался ему в лицо. Сказал что-то про аллергию на магию. И почему-то упомянул свой возраст. Ни разу не слышал о таком у чистокровных.

— Думаю, это как-то связано с выжиганием. Но теперь мы не узнаем. Записей нет.

Она огляделась еще раз. С этого места удалось разглядеть рыжее пятно под хвостом химеры. Ведомая смутной надеждой, преобразовательница бросилась туда, но это был Эттер. Едва живой, синюшно-серого оттенка. Накопители, поддерживавшие в нем жизнь практически истощились.

Мактар медленно подошел к ним. Пусть Аль и вылечила его, тело все еще продолжало беречься, отзываясь болями — очень может быть, что и фантомными — на каждое резкое движение. Эттер слабо улыбнулся:

— Хоть посмотреть на вас перед тем, как это все закончится.

— Я могу попробовать...

— Не надо, Аль, — он протянул к ней руку еще более холодную, чем ее собственная. — Не трать силы зря. Жаль, что я даже тенью не стану, я полукровка...

— Альхэ...

Она обернулась на голос Мактара. Тот попытался было дотянуться к ней через метки, но преобразовательница уже приняла решение. Мысленно прикоснулась к Эттеру, но рыжий лишь пожал плечами — делай все, что захочешь и посчитаешь нужным. Только подавители забирай.

Анктар провела ладонью по лицу преобразователя, погружая того в сон, одновременно потянувшись к магии храма. Мактар вздрогнул, ощущая прошедший мимо него поток силы, сошедшийся на полуживом полукровке, вводящий его в долгий сон. После Анктар лишь на скорую руку залатала основные раны и аккуратно перевернула своего давнего друга и соперника, дорывая пострадавшую ткань на спине.

— Мак... Тут где-то мой рабочий нож фонит...

Жрец кивнул, с полуслова понимая, что его просят походить где-то в стороне несколько минут. Ткани тела под шестипалой ладонью мягко расходятся, сейчас ее разум абсолютно спокоен, а потому силу слушается как хорошо воспитанная собака. Подавители покидают тело Эттера с влажным, чавкающим звуком, со звоном падая на каменный пол. Она недрогнувшей рукой подбирает их, складывая в карман — потом разберется.

— Спи спокойно, Эттер. Однажды я тебя разбужу.

Вдвоем они переносят в подвал храма сначала Эттера, устраивая его в одной из ниш, под непострадавшим за все эти века барельефом. Аль поднимает голову, невольно легко улыбается: со стены на нее смотрит Онна У'Ортанен, Ветер Песчаных Бурь. Она вспоминает аирани, безмятежного как пустыня, и кивает: хороша компания. После возвращаются за Иттрэем Анктар.

Альхэ выбирает для него соседнюю нишу, слово отец сможет присмотреть за рыжим преобразователем, чтобы тот не нашел себе лишних приключений. Устраивается на краю каменного постамента, задумчиво рассматривая безмятежное лицо. У аирани над ним лицо сколото, но по остальным фрагментам становится ясно — здесь тоже был Онна, но более молодой, еще не ушедший в живую пустыню, не ставший единым целым со своим оружием. В воздухе будто слабо пахнет лавандой, но Аль не обращает на это внимания.

— Пойдем. У нас много дел.

— Куда мы теперь? — жрец решается заговорить только в главном зале храма.

— На континент. Макху самонадеянно посчитал, что нас и добывать не надо. А вот Эттер на чистом упрямстве дотянул и кое-что передал, — она достала из кармана подавители. — Это наш пропуск через пролив.

Жрец кивает. Возможно, и их дни сочтены. Но это не значит, что они ничего не попытаются сделать.

Полгода спустя

Альхэ стояла на пороге закрытого на эти месяцы отцовского дома. Помощь Эттера, пусть и практически посмертная, дала ей и Мактару возможность выбраться из города и перебраться с острова на материк, но, увы, пользы от этого не было.

Единственное, что им принесла поездка за пролив — небольшую передышку, в которой всплыла еще одна проблема. Мактар стремительно терял силы, а Виттор Анктар на связь не выходила. Аль нутром чувствовала, что та жива, но не могла понять, где ее искать. Да и не была уверена, был ли в этом смысл. Жрец коснулся спины, вырывая из мыслей и призывая зайти в дом. Дракон скользнул следом — пса они бросать отказались. Преобразовательница кинула чемодан у входа — от вещей еще пахло морской солью, вытягивая на поверхность воспоминания о недолгом пребывании в теплых краях, примерно там, где была родина Мака.

— Я в это не полезу! — возмущенно шипела Альхэ.

Мактар, однако, не оставлял надежд запихнуть преобразовательницу в купальник, но та старательно отгавкивалась от этой затеи. Поездка протекла замечательно, и только единственная ложка дегтя портила ее: Аль, которая напрочь отказывалась надевать что-то хоть немного более открытое и короткое, чем привычная ей одежда. Нет, он ожидал чего-то подобного, вспоминая, как нервировали ее первое обычные футболки, как она постоянно порывалась спрятать руки. И вот опять. Впрочем, жрец считал большим достижением, что удалось ее уговорить взять эту неделю перерыва: метка на руке, побледневшая, но не исчезнувшая, явно говорила, что Рей жив. И если Макху не убил его сразу, то в ближайшее время Майерсу ничего не угрожает. И ему даже не было стыдно за эти мысли — взвинченная, неспособная думать Альхэ волновала его сильнее, да и собственные утекающие сквозь пальцы силы доставляли неудобств.

— Аль, плавать-то ты как собралась? В Башне, помнится, тебя и нагота не смущала.

— В Башне все и реагировали нормально: всем было все равно. А это — люди, — ее передернуло.

— Если хочешь, сходим к воде ночью, а пока выйдем в город.

— Если ты не против...

Мактар кивнул, рассматривая спину переодевающейся Аль. Голую, лишенную хвоста, сейчас надежно запертого в потайной отсек чемодана, абсолютно незащитную. Точно. Вот в чем дело. Артефакт она сняла перед поездкой еще в Хиллоки, опасаясь, что в какой-то момент может не удержаться, перестать прятать его под кожей и воспользоваться им среди людей. Выдавать себя не хотелось, да и вещь достаточно приметная, мало ли, где нарвешься на недоброжелателей. Пусть не среди смертных, но среди магов, живущих рядом с ними. Охотников за силой и редкостями везде хватало. Наличие одаренных магически смертных сюрпризом не было, все-таки кровь смешивали, да и своих талантов у них хватало. Неприятно удивило количество таких людей.

Сам жрец впервые за долгие века вернулся в родные края, однако с трудом узнавая местность. Слишком сильно изменилась его родина, да и от Керэн-Лэ не осталось даже тени. Зато встречались знакомые очертания скал, да и теплый ветер пах по-прежнему. Даже к современному языку Мактар быстро приновился, хотя на его памяти подобным образом разговаривали несколько севернее, да и годы шли, меняя речь. Впрочем, за событиями на юге он старался следить по мере сил.

На улицу они в тот день все же вышли. Где-то под ногами знакомо фонило, Аль явно что-то подозревала, но пока не задавала вопросов. Зато вертела головой, рассматривая центр города, когда в какой-то момент резко остановилась, глядя куда-то в узкий переулок.

— Знаешь, это даже смешно, что из всех возможных городов мы выбрали именно тот, что построен поверх Керэн-Лэ.

Мактар промолчал, рассматривая тень Райтаны Дженталь, впившуюся в них по-прежнему поразительно желтыми глазами. Альхэ с тоской рассматривала подругу, но подходить ближе даже не пыталась. Менталистка нахмурилась, но и сама к ним не шагнула. Вместо этого словно побледнела, стоило моргнуть — и ее нет. А может и вовсе эта тень им привиделась.

Пальцы у Аль оказались ледяные, пусть и на улице от жары листья на деревьях начали высыхать. Преобразовательница потянула его за руку дальше, лавируя между людьми, будто бы стремясь в самую гущу толпы. Хотелось развернуть ее к себе, понять, что происходит, но Аль упрямо не реагировала на все попытки задать вопрос. Мактар не выдержал, дернув ее свободной рукой за плечо, заставляя посмотреть в глаза. Спрашивать перехотелось. И так все было очевидно, по крайней мере ему.

— Здесь должен быть спуск к воде, совсем недалеко. Он неудобный для людей, так что там никого нет.

Альхэ помотала головой. Вместо ответа она вцепилась в воротник Мактара, тяжело дыша и не поднимая лицо, не давая снова поймать свой взгляд. Цветущее настроение жреца стремительно таяло, как кусок льда, оставленный на солнце. Он осторожно притянул Альхэ к себе, мягко поглаживая по спине.

— Помнишь, что говорил Мин Иттрэй? Если хочется плакать — плачь.

— Не могу. Не получается. Где-то еще может и смогла бы, но тут мне постоянно кажется, что за мной смотрит Макху. Я понимаю, что превращаюсь в такую же равнодушную гадость, и мне становится страшно. Понимаешь, Мак? — она все-таки отпустила его рубашку, неловко отвечая на объятия. — Очень хочется плюнуть на все и не возвращаться. Меня пугает, что я могу вот так, почти спокойно, гулять и не думать о поисках Рея. Что я почти готова забыть его, словно по мозгам менталист прошелся. Хочется просто забиться в какую-нибудь нору...

— Что мешает? Мир большой, мы найдем, где устроиться. И, я скажу отвратительную вещь, но... Он уже один раз переродился, мы можем подождать следующего, — хотя в глубине души он прекрасно знал, какой ответ Аль сейчас озвучит.

— А еще, — протянула она, будто не слышала слов жреца, — Я боюсь за тебя. Совершенно по-человечески боюсь, так, что иногда не могу спать, просыпаясь и вслушиваясь в твое сердцебиение.

Он знал. В какой-то момент в голову пришла совершенно жуткая мысль самому прекратить эту длительную агонию, освободить Альхэ от груза в своем лице, развязать ей руки, дать возможность действовать без оглядки на что-либо. Вот только было подозрение, что еще одно затмение ее просто погубит. Одна только мысль о том, что Аль некому будет вывести из этого отвратительного состояния, удержать ее, была противна. Как и собственное малодушие. Умереть легко, особенно когда даже дыхание болезненно и сложно. А вот убедить себя жить — задача не из простых.

Мактар для себя решение нашел. И пусть Альхэ и утверждала — убеждала сама себя — что прошлое осталось позади, что она не собирается взваливать на себя даже нелепую гибель преобразователей в Башне, он не хотел вешать на нее еще и этот груз. И даже самому себе не признавал той призрачной надежды на спасение, которая шевелилась в нем, когда он заглядывал через плечо преобразовательницы в ее расчеты.

— Пойдем. Ты сюда отдыхать приехала, а не накручивать еще сильнее. Ничего за неделю не случится, и мир не рухнет, никто не умрет...

— Все-таки ревнуешь...

Аль дала себя увести, усилием воли не возвращаясь к воспоминаниям у жизни до Хиллоки. Выходило средне. Ладно, если честно, то выходило откровенно паршиво, но моральных сил еще хватало на удержание лица. Мактар мурлыкал что-то бессмысленно-успокаивающее, но и сам «радовал» глаз потрясающе подавленным видом. Альхэ резко развернулась к нему, под прикрытием поцелуя заодно наполняя накопитель, который вживила ему недавно, не жалея сил. Резкий отток магии уменьшал шансы, что она все-таки сорвется и натворит глупостей, и одновременно с тем чуть улучшал состояние Мака.

Невеселые мысли вильнули в сторону недавних событий, заставляя вспомнить Эттера. Тот ведь прожил достаточно долго на накопителях, так что и у Мактара есть шансы. Хотя, конечно, перспектива не слишком приятная, да и нормальной жизнью это назвать нельзя. Существование, вот что это. Можно пойти по тому же пути, что и с Энху, вот только Мактар — жрец, преобразователь-полукровка, это усложняет задачу в разы. Сможет ли она сейчас прыгнуть выше собственной головы, превзойти саму себя? Без своей привычной лаборатории, без алхимиков и источника силы под боком? Альхэ очень в этом сомневалась, шансы на благоприятный исход, и без того невеликие при создании разумной химеры, и вовсе стремились к условно-положительным значениям. Рисковать лишний раз не хотелось. Но если не рискнуть — даже с призрачной надеждой можно распрощаться. Вот только готов ли к этому он сам?

Отвечал Мактар охотно, игнорируя ощутимые кожей взгляды местных. Разбираться в их окраске не хотелось, как и отвлекаться от Альхэ. Разумная часть жреца давно успела его самого похоронить, оставалось только получать удовольствие от происходящего, пока не закончится отмеренное время.

— Интересно, если я избавлюсь от Макху, а потом доберусь до забывшей свои обязанности как божества Виттор, тебе станет легче?

— Легче не станет тебе, Аль, — он аккуратно убрал за ухо выбившуюся полуседую прядь. — Ты вспыльчива, ты можешь быть жестокой — в запале, этого не отнять, но только что в запале. У тебя рука не поднимется избавиться от нее.

— А то, что я сожгла старый Хиллоки, тебя не смущает?

— Это была Энху. Не ты. Ты просто ее не остановила — это другое. Люди бы сказали, что и это не самый лучший поступок, но все же это совершенно иная категория, скажем так, — он пожал плечами.

Альхэ попыталась представить, что ощущала бы, если б после возвращения из деревни им не встретился Макху. Воображение буксовало, но какой-то противный осадочек в душе все же образовался. В то время она считала мсть прекрасной целью в жизни, тем более, что до Макху еще добраться надо, так что занятие на столетия было обеспечено. На вопрос «А что дальше?» она бы ответа не дала. И сейчас бы с радостью откладывала бы тяжелые мысли на другой день, вот только любой другой день мог стать последним или для Мактара, или для смертного Рея. И, положив руку на сердце, она признавала, что второе перенесла бы легче. Потому что, как сказал Мак, у него были

прекрасные шансы на перерождение.

Как-то на краю сознания постоянно маячила эта мысль, она осознавала, то Майерс рано или поздно снова уйдет на новый круг и не слишком терзалась по этому поводу. Человеческие жизни скоротечны, но и промежутки между их переходами из жизни в жизни невелики. По крайней мере, так считали человеческие маги, и они, вероятно, понимали в природе себеподобных гораздо больше, чем она. А вот уход Мактара... Это была бы проблема совершенно иного порядка.

И дело даже не в собственном эгоизме.

Аль прекрасно понимала, что она эгоистична — а кто нет? Особенно среди их расы? — и даже не пыталась скрывать, хотя последние месяцы несколько сгладили этот угол, очеловечили ее. Вот только Мак был последней связью с прошлым, с тем временем, когда она была полны сил, неплохо себя контролировала, а мир вокруг в целом был весьма приятен для жизни. Тогда в храме, очнувшись среди колец огромного змея, она на миг испугалась, что осталась совсем одна. Что бы она делала, действительно оставшись без поддержки в изменившемся мире — Альхэ представляла очень слабо.

Ладно, забота о себе действительно была решающей в этом вопросе. И, наверное, стоит перестать саму себя мерить рамкой человеческой морали.

Аль встряхнулась, возвращаясь в настоящее. Последние недели, переезжая с места на место, она только и думала о том, что ей следует делать. Самым простым вариантом было бы пустить все на самотек. Вот только правильно ли это будет?

— Надо же, ты все-таки выросла, — раздалось, едва они вошли в гостинную.

В кресле сидела абсолютно седая — это точно не вызванная избытком магии белизна волос — женщина с удивительно молодым лицом. Знакомым до каждой черточки, особенно Мактару, которому достался тяжелый взгляд. Альхэ рассматривала Виттор Анктар, впервые за тысячу лет — живьем. И видела перед собой ответ о причинах состояния жреца.

— Здравствуй, бабушка. Удивлена, что ты здесь.

— Потянуло на родину, к смерти-то...

— Ты решила наложить на себя руки? — она рухнула в кресло, Мактар покосился на неожиданную гостью и опустил на подлокотник.

— Мне слишком много лет, Альхэ. Мне уже и естественной можно, мать меня заждалась.

Анктар-младшая замолчала, поджимая губы. Вот так? Очень хотелось задать накопившиеся вопросы и кинуть ворох обвинений, который накопился с момента пробуждения, но... Она внезапно поняла, что силы все-таки кончились.

— Сколько... сколько тебе еще осталось? — пальцы сами сжались на колене Мактара.

— Может — пару недель, может — пару месяцев. Не больше года.

— Мактар? — взгляд был красноречивее любых слов. — Понятно... Оставляете меня одну...

Сейчас это звучало слишком реально. И слишком страшно. Аль слишком живо представила, как скитается по развалинам Башни или по руинам других городов, общаясь только с тенями, становясь на них похожей. Жрец сжимал ее плечо лихорадочно-горячими пальцами, окончательно принимая свою судьбу. И шанса на пробуждение у него нет — слишком сильно разбавлена кровь, сильнее, чем у того же Эттера.

За себя страшно не было. А вот Аль, стремительно сереющая, видимо, уже знающая, что ждет ее дальше. Похоже, изгнанные преобразователи погибали вовсе не от нехватки магии. Загибались с тоски.

— Что же... Я буду следующей. Последней.

— Аль... А Рей? — осторожно протянул Мактар, пытаясь нащупать хоть какой-то повод жить дальше, за который преобразовательница могла бы зацепиться.

— Он смертен, если ты забыл... Ты предлагаешь мне хоронить поколения потомков, наблюдая, как они стареют и умирают? Как ввязываются в человеческие разборки и гибнут? Как их съедают обычные человеческие болезни?! — она вскочила с кресла. — Да я всю жизнь была рядом с кем-то! Для кого-то! Я никогда не была одна! Я...

Воздух вокруг резко остыл, Анктар словно покрылась инеем под внимательным взглядом старшей родственницы. И осела на пол, будто кто-то пнул ее под колено.

— Я не смогу быть одна.

— А Макху? И этот полукровка Дженталь, который с ним ошивается? Вам уже нечего делить...

— Меня поражает Ваш цинизм... Возрастное? — бывший жрец прекрасно понимал, что его жизнь могут прервать досрочно, но не мог промолчать.

— Не много ли себе позволяешь, мальчик? — Виттор чуть наклонилась вперед.

— Только попробуй, — Альхэ резко взяла себя в руки, птичьим движением поворачивая голову. — Меня наше родство не остановит.

— Тебя остановит его возможная смерть. Иди лучше в городе погуляй. Мой неудавшийся воздыхатель в нем недавно мелькал.

— Годы ее испортили... Я теперь даже не знаю, не были ли мои детские воспоминания фальшивкой... Хотя, знаешь. Меня не слишком пугает, что на мне закончится история преобразователей. Кажется, мне просто не повезло родиться в последнем поколении. Наше время ушло.

— Не будешь даже бороться? — жрец проводил взглядом убежавшего Дракона. — На тебя не похоже.

— Я ведь никогда не хотела чего-то чисто для себя. Мне даже химерология нравилась потому, что я могла показать, что я кого-то превосхожу. Заметил? После пробуждения я практически не практиковалась и толком не училась. Зачем? Ведь доказывать некому. Нечего...

— Я даже разочарован.

— Здравствуй, Ласс, — они даже не обернулись.

— Здравствуйте, Мин'Альхэ, — сильный голос все-таки заставил посмотреть на его обладателя. — Не ожидал от Вас такого...

Впрочем, и сам менталист выглядел не очень, мягко говоря. Кажется, события в храме выпили и его. Он словно постарел лет на десять за эти полгода. А ведь он моложе! И тоже уже наполовину седой. Словно этот мир наконец-то собрался с силами и теперь вычищает из себя остатки инопланетной заразы в лице айрани и их потомков. В голове Анктар было очень логично.

— На себя бы посмотрел...

Снова повисла пауза. Наконец, Ласс тяжело вздохнул:

— Макху... не удержал контроля над экспериментом.

— А Рей? — она была готова к любому ответу.

— Жив, но... лишился магического тела. Даже Вашу подпись смыло. Я... Я взял на себя смелость стереть ему память.

— Так, — Альхэ сглотнула. — Наверное так будет лучше. Спасибо...

— Когда вы планируете отправиться в Башню? Я понимаю, что я наглею, но...

Альхэ прекрасно понимала, о чем он хочет спросить. Время преобразователей ушло. И лучше уйти сейчас, самостоятельно, чем ждать, пока чуждый твоей природе новый мир переварит.

Больше книг на сайте - Knigoed.net